63.3(2Кир²)
Ф96

Юлиус Фучик

О СРЕДНЕЙ АЗИИ

63.3(2Кир)
Ф 85

Юлиус Фучик

О Средней Азии

ОШСКАЯ
областная
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 94037

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ УзССР
ТАШКЕНТ—1960

ХРАНЕНИЕ

Перевод с чешского, составление и предисловие
О. МАЛЕВИЧА

ЮЛИУС ФУЧИК В СОВЕТСКОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Имя Юлиуса Фучика, человека героического сердца, чьи предсмертные слова: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны»— начертаны на знаменах всемирного движения сторонников мира, безгранично дорого советским людям. И чем полнее мы знакомимся с жизнью и творчеством этого замечательного сына чешского народа, тем отчетливее ощущаем, что голос Фучика — голос нашего современника, нашего соратника по борьбе.

За несколько дней до казни, 29 августа 1943 года, отвечая на вопросы председателя фашистского суда, признает ли он себя виновным в помощи врагу третьей империи, «большевистской России», Юлиус Фучик сказал: «Да, я помогал Советскому Союзу, помогал Красной Армии. И это самое лучшее, что я сделал за свою сорокалетнюю жизнь!» В этих словах писатель-коммунист не только дал оценку своей подпольной антифашистской деятельности, но и подвел итог своему жизненному пути: в борьбе за правду о Советском Союзе он созрел как человек и художник, с темой Советского Союза он вошел в чешскую литературу, во имя идей, нашедших свое живое воплощение в стране Советов, он совершил свой бессмертный подвиг.

Можно с полным основанием сказать, что отдельные периоды жизни Юлиуса Фучика — это этапы его борьбы за правду о нашей стране, которую он считал своей второй родиной. Вместе с тем это были этапы борьбы за мир. Ибо на примере жизни и творчества Юлиуса Фучика мы с исключительной наглядностью убеждаемся в правоте и истинности слов, сказанных выдающимся французским поэтом Полем Элюаром: «Кто говорит правду о Советском Союзе, тот защищает мир».

Особенно пристальное внимание Фучика привлекала советская Средняя Азия. Все процессы, связанные с созиданием нового социа-

листического общества на развалинах старого мира, выступали здесь перед писателем в концентрированном виде, и он имел возможность наблюдать их как бы сквозь увеличительное стекло.

В росте людей советского Востока, еще более стремительном, чем необычайно быстрый рост людей центральной России, Фучик видел великолепное подтверждение ленинских слов о том, что революция откроет многим народам путь от феодализма непосредственно к социализму, минуя кошмары капиталистического строя. Вместе с тем советская Средняя Азия интересовала писателя как многонациональный, в недавнем прошлом колониальный край, где социализм наглядно демонстрировал торжество марксистско-ленинской национальной политики.

В буржуазной Чехословакии, где промышленная Чехия играла роль метрополии по отношению к Словакии и Закарпатской Украине, превращенным в ее аграрно-сырьевые колониальные придатки, слова правды о расцвете промышленности, сельского хозяйства, культуры и благосостояния в советских среднеазиатских республиках приобретали особенно актуальное значение. При этом нужно учесть, что в 30-е годы, в условиях нарастания фашистской угрозы и усиления шовинистических и сепаратистских настроений, от правильного решения национальной проблемы в Чехословакии во многом зависело само существование республики. Очерки Фучика о советской Средней Азии служили резким контрастом к той картине, которую рисовали в своих произведениях о Словакии и Закарпатской Украине передовые чешские писатели (Иван Ольбрахт в книгах «Горы и столетия» и «Николай Шугай, разбойник», Петер Илемницкий в романах «Невспаханное поле» и «Кусок сахара», Станислав Костка Нейманы в очерковых книгах «Путешествие по Чехословакии» и «Генцианы с горы Поп Иван»).

Впервые Юлиус Фучик приехал в Советский Союз в 1930 году в составе рабочей делегации. За несколько лет до этого он писал о посланцах западноевропейского пролетариата, направляющихся в СССР: «Сегодня Колумбы Западной Европы отъезжают туда не для того, чтобы открыть только новую землю посреди великих морей, но для того, чтобы открыть целый новый мир...» И вот теперь самому ему суждено было увидеть первое государство рабочих и крестьян, стать открывателем нового мира, Колумбом СССР.

Делегация ехала по приглашению кооператива «Интергельпо», основанного в 1925 г. недалеко от г. Фрунзе переселенцами из Чехословакии. Это была одна из первых иностранных делегаций в советской Средней Азии, и местная печать довольно подробно освещала ее деятельность и путь следования. 2 июня 1930 года в ташкентской газете «Правда Востока» появилась короткая информа-

ционная заметка «Чехословацкая рабочая делегация на Турксиб». Корреспондент газеты сообщал: «В Москву прибыла чехословацкая рабочая делегация в составе 5 человек. Делегация приглашена чехословацкой сельскохозяйственной коммуной на ст. Фрунзе. Делегация выехала на Турксиб, а оттуда направится в чехословацкую коммуну с целью ознакомиться с жизнью коммунаров, а также с колхозным строительством».

В 2 часа дня 30 мая чехословацкая делегация прибыла во Фрунзе. Газета «Советская Киргизия» так описывала ее встречу:

«Перрон станции Пишпек имеет необычайный, праздничный вид. Густыми шпалерами вдоль путей стоят трудящиеся. Алеют флаги и приветственные плакаты. Звучит музыка духового оркестра.

«Интергельпо» вышло встречать гостей в полном составе. Здесь не только работники коммуны, но и их семьи. Стройными рядами стоят пионеры отряда «Интергельпо», крепкие, загорелые, блещущие здоровьем дети.

Далее стояли железнодорожники, представители партийных и общественных организаций и жители прилегающего к станции района, пришедшие встречать гостей из далекой Чехословакии.

Поезда еще нет, но он вот-вот должен прийти. Все напряженно вглядываются вдаль. Наконец показался дымок, а через несколько минут поезд, гремя, подкатывает к перрону.

Все бросаются к вагонам.

— В каком же прибыла делегация?

Из первого вагона машут руками, приветствуя собравшихся. Все устремляются туда. Делегаты сходят со ступенек. Горячие рукопожатия. Обмен приветствиями».

Во время импровизированного митинга было принято решение послать приветствия Коммунистической партии Чехословакии и Красным профсоюзам. Киргизские комсомольцы заявили о своем решении взять шефство над одной из организаций чехословацкого комсомола. Когда делегатов спросили, сколько они намерены пробыть в Киргизии, и выяснилось, что они предполагают провести здесь семь дней, это вызвало всеобщее разочарование. Членам делегации стало ясно, что им не удастся уехать раньше чем через три недели.

На следующий день в беседе с сотрудниками редакций республиканских газет Фучик рассказал о трудностях, которые встретила делегация на пути в СССР, о положении трудящихся в Чехословакии. Делясь своими впечатлениями о советской Киргизии, Фучик сказал: «Мы здесь можем наблюдать колоссальный политический и экономический сдвиг, ведущий население страны от первобытных кочевых форм хозяйства к социалистическим». В газете «Советская

Киргизия» от 2 июня 1930 года было напечатано приветственное обращение Ю. Фучика: «Революционный привет «Советской Киргизии»— газете свободного пролетариата, строящего социализм, от «Руде право»— газеты порабощенного пролетариата, борющегося за освобождение».

1 июня 1930 года состоялась многолюдная встреча трудящихся города Фрунзе с чехословацкой делегацией. В своем выступлении Фучик подчеркнул резкий контраст в развитии капиталистических стран и Советского Союза. «Революционный опыт русского пролетариата,— заявил он,— поможет рабочим Чехословакии быстрее расправиться с буржуазией, вступить в семью социалистических республик». На этом собрании все члены делегации были выбраны в состав Горсовета Фрунзе. Благодаря за оказанную делегации честь, Фучик заявил: «Это избрание принимается как приказ к активному участию в революционных битвах».

2 июня делегация посетила Фрунзенский Горком партии.

3 июня делегаты снова встретились с сотрудниками республиканских газет. Советские журналисты избрали на этой встрече Юлиуса Фучика своим почетным рабкором.

Делегаты встречались с фрунзенскими железнодорожниками, с местной интеллигенцией. 6 июня в клубе строителей состоялось собрание городского партийного и советского актива, на котором Фучик выступил с докладом о революционной борьбе чехословацких трудящихся. Делегаты присутствовали также на VI областной партийной конференции. Фучик, приветствовавший конференцию от имени чехословацкой компартии, комсомола и газеты «Руде право», говорил о международном единстве пролетариата:

«...Съезды и конференции проводятся не только здесь, в Советском Союзе, они проводятся и за границей, где коммунистические партии также проверяют свою работу, которая проходит под знаком поддержки западным пролетариатом строительства социализма в СССР, помогая выполнить пятилетку и тем самым укрепляя Советский Союз, победы которого являются решающей победой и заграничного пролетариата...»

12 июня чехословацкая делегация посетила Горсовет Фрунзе. Гости подробно интересовались вопросами городского хозяйства, строительством, структурой совета. Делегации были вручены депутатские книжки. Свой депутатский билет № 189— маленькую красную книжечку, на обложке которой золотыми буквами было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — Фучик хранил всю жизнь как драгоценнейшую реликвию.

Много времени Фучик провел в чехословацкой коммуне «Интергельпо», с членами которой у него завязалась прочная дружба,

побывал во Фрунзенском доме отдыха, на предприятиях, в колхозах. Сидя у огня в киргизской юрте, слушал Фучик рассказы о тяжелом прошлом и о новой радостной жизни. Посетил он и красноармейские части. В летней красноармейской форме, сидя на низкорослой лошадке, Фучик произносит речь перед бойцами киргизской национальной дивизии. Командование дивизии присвоило ему звание ее почетного всадника.

25 июня, уже после отъезда делегации из Фрунзе, газета «Советская Киргизия» опубликовала автограф и текст написанного Ю. Фучиком прощального приветствия трудящимся Киргизии.

Из Фрунзе делегаты выехали в Алма-Ату, куда прибыли 20 июня. На следующий день они были приняты руководителями строительства Туркестано-Сибирской железной дороги, с которыми беседовали о состоянии строительства и значении его для Средней Азии. 26 июня 1930 года делегация приехала в Ташкент. Здесь она посетила механический завод Главхлопкома, кожзавод № 4, Красновосточный завод, фабрику «Красная Заря», осмотрела рабочий городок Тахтапуль, побывала на городской гидростанции и Боз-Суйском озере. 28 июня Юлиус Фучик и его товарищи выезжали в Троицкий дом отдыха, откуда направились в хлопководческий совхоз-гигант «Пахта-Арал». 30 июня 1930 года газета «Правда Востока» опубликовала приветствие Юлиуса Фучика: «Революционный привет читателям «Правды Востока» от чехословацкой рабочей делегации». Газета напечатала и фотокопию чешского текста этого приветствия, датированного 27 июня 1930 г.

1 июля 1930 года в летнем саду клуба имени Кафанова в Ташкенте состоялся вечер смычки трудящихся города с чехословацкой рабочей делегацией. Вечер превратился в яркую демонстрацию интернациональной солидарности трудящихся, в демонстрацию решимости тружеников советской Средней Азии осуществить все задачи, поставленные перед ними XVI съездом партии. «Социализм строим и построим»,— заверяли выступавшие на вечере представители общественных организаций и трудящихся Ташкента чехословацкую делегацию.

Выступая на этом вечере, Фучик заявил: «Мы говорим на разных языках, но нет никакой разницы в нашей крови — крови и воле пролетариата».

«Мы гордимся вашей Красной Армией. Но если буржуазия посмеет выступить против Советского Союза, то прежде ей придется иметь дело с Красной Армией, имеющейся в каждой капиталистической стране. Неважно, что эта армия не имеет формы. Она сумеет защитить СССР и превратить войну империалистическую в войну гражданскую». Говоря о том, что революция в Чехословакии

не за горами, Фучик заверил ташкентских трудящихся: «Трудно, но мы добьемся того, чтобы слиться воедино с СССР, чтобы не отставать от Средней Азии — страны более отдаленной от пролетарского центра, чем мы, но уже 12 лет строящей социализм». Когда кончились выступления, в ночное южное небо взмыл фейерверк: «Привет делегатам». Собравшиеся приняли текст приветственной телеграммы XVI съезду партии. Вечер закончился пением «Интернационала». Долго не умолкали крики «ура» и приветственные возгласы в честь XVI съезда партии и мирового революционного движения.

За короткое время поездки чешский писатель сросся с жизнью страны Советов, он был увлечен планами советских людей, планами, которые на его глазах становились реальностью, ощущал себя не сторонним наблюдателем, а горячим участником социалистической стройки. Он был охвачен идеей нового мира и поэтому сумел глубоко проникнуть в смысл развертывавшихся перед ним событий. Его метод познания советской действительности был методом революционера, который хочет не столько объяснить мир, сколько изменить его. Жизнь буржуазной Чехословакии кажется ему теперь далеким прошлым, но Фучик ни на минуту не забывает, что он посланник борющегося пролетариата своей родины, что тот путь, который прошли советские люди, еще предстоит пройти его соотечественникам, что рассказ обо всем увиденном делегацией должен стать для чехословацких трудящихся предметным историческим уроком и руководством в борьбе.

Время пребывания чехословацких делегатов в СССР совпало с новым усилением антисоветской пропагандистской кампании за рубежом. Папа Пий XI призывал к крестовому походу против большевистских еретиков. В одной из крупных французских газет появилась статья русского белоэмигранта, миллионера Рябушинского, под многозначительным заголовком «Необходимая война». В штабах европейских империалистических государств на лето 1930 г. планировалась интервенция против Советского Союза.

Фучик воочию увидел, как тесно связана антисоветская истерия за границей с судьбой пятилетки, и сознательно подчинил свою дальнейшую деятельность защите Советского Союза от клеветнических нападок и угрозы войны.

Как вспоминает Густа Фучикова, жена писателя, само его возвращение на родину было символичным: «Он приехал в летней красноармейской форме, которую получил как почетный всадник киргизской национальной дивизии. Это была белая гимнастерка, перепоясанная ремнем, темно-синие галифе, белая полотняная фуражка с черным козырьком и красной пятиконечной звездой. Фураж-

ку со звездой он сохранил при переходе через границу, спрятав ее у тела. В 1942 году ее конфисковало гестапо».

Еще с дороги Фучик посылает в коммунистические газеты краткие сообщения о поездке делегации по Советскому Союзу. К сожалению, из-за вмешательства чехословацкой буржуазной цензуры из шестнадцати писем редакциями было получено только шесть.

Через три дня после возвращения делегатов в Прагу, 12 августа 1930 года, в газете «Руды вечерник», вечернем издании центрального чехословацкого коммунистического органа «Руде право», начинают печататься написанные Фучиком путевые заметки «Из дневника чехословацкой рабочей делегации в СССР».

Дневник этот также остался неоконченным. В нем было рассказано о пути делегации от границ СССР до Фрунзе и о первом дне ее пребывания в Советской Киргизии. Продолжением дневника явилась серия очерков и статей, опубликованных Фучиком в 1930—1931 гг. в редактировавшемся им журнале «Творба». Два из них — «Флакон одеколона» и «Комсомолка из Кзыл-Орды»,— объединенные общим заголовком «Две ночи в степи», были непосредственно посвящены строителям социализма в советской Средней Азии. В это же время Фучик почти ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день, выступает с лекциями и докладами о Советском Союзе (370 лекций и докладов им было прочитано в течение одного только года). Все это послужило подготовительным материалом для создания первого крупного произведения Фучика, очерковой книги «В стране, где наше завтра уже стало вчерашним днем», выходившей отдельными выпусками в 1931—1932 годах. В подзаголовке ее стояло: «Книжка о людях, которые делают пятилетку». Центральная тема книги — противопоставление двух миров, мира социализма и мира капитала. Открывалась она обращением к товарищам из кооператива «Интергельпо», историю которого Фучик намеревался в ней рассказать. Однако случилось так, что как раз среднеазиатские материалы почти не вошли в произведение, поскольку своему пребыванию в республиках советского Востока писатель собирался целиком посвятить второй том книги, так и не вышедший из-за его постоянных арестов и загруженности партийной работой. Кроме того, часть записей и заметок во время одного из арестов была отобрана у Фучика и затерялась в полицейских архивах.

Книга «В стране, где наше завтра уже стало вчерашним днем» явилась вершиной чешской пролетарской очерковой литературы 20—30-х годов. Известный чешский критик-марксист Бедржих Вацлавек, позднее, как и Фучик, погибший в фашистском застенке, писал вскоре после ее выхода: «...Фучик вступил в Советский Союз с открытыми глазами. Там, где буржуа видел только «заводы», Фучик

видел творческий энтузиазм созидателей социализма, видел рост новых форм социалистического соревнования, видел людей социалистической стройки...»

Эти слова в полной мере относятся и к первым очеркам Фучика о советской Средней Азии. Центральная их тема — тема борьбы старого и нового, показ зарождения и победы ростков социализма в экономике и культуре советского Востока. Прежде всего Фучика интересуют люди, созидающие новый мир, побудительные причины их поступков. По-разному сложилась жизнь ленинградского геолога, главного персонажа очерка «Флакон одеколона», и девушки-казашки, героини очерка «Комсомолка из Кзыл-Орды». Но Фучик раскрывает общее в их духовном облике и судьбе, героизм, рожденный великой идеей. «Мы знаем, что каждый метр в глубь земли, к залежам нефти,— это шаг вперед: на шаг мы ближе к социализму»,— говорит Фучику молодой геолог, объясняя, почему семьдесят советских рабочих и специалистов добыли нефть там, где ранее отступила перед трудностями английская экспедиция. «Мы читаем Ленина. Я ведь уже член комсомола»,— с гордостью сообщает писателю девушка-комсомолка, всего за несколько лет прошедшая путь от феодальной рабыни до сознательной строительницы новой социалистической культуры. Вот почему она приехала в отпуск не для того, чтобы отдыхать, а для того, чтобы проводить коллективизацию и, может быть, раскулачивать собственного отца.

Идею каждого из этих очерков заостряет выразительная художественная деталь. Геолог из Ленинграда, для которого в далекой казахстанской степи одеколон — редкостный дар цивилизации, выливает драгоценную влагу из флакона и наполняет его только что найденной эмбинской нефтью. Колхоз, в котором стала культработницей комсомолка из Кзыл-Орды, расположен на берегу Аральского моря, для каждого путешественника представляющегося долгожданным островом воды в океане степной суши. И колхоз этот — один из первых островов культуры в море неграмотности. Таких долгожданных островов становится все больше и больше.

Если в очерке «Комсомолка из Кзыл-Орды» Фучик показывает победу нового над старым на примере судьбы отдельного человека, то в очерке «Саранча и религия» в центре повествования — судьба целой республики. Рассказ о победе трудящихся Туркменистана над саранчой превращается под пером писателя в повествование о торжестве социализма над феодальным мракобесием, о превосходстве советского строя над общественным устройством буржуазно-колониальных стран. Народ, руководимый большевиками, оказался сильней союза реакции, религиозного фанатизма и саранчи.

Характерной особенностью уже первых очерков Фучика о советской Средней Азии явилось исключительное умение писателя проникнуть в смысл факта. Беседуя с молодыми литераторами, А. М. Горький однажды сказал: «Брать надо мелкое, но характерное, и сделать большое и типичное». Эти слова невольно приходят на память, когда в «Дневнике чехословацкой рабочей делегации в СССР» читаешь рассказ Фучика о рояле на двух ножках и об исполнении Листа без «до» в театре города Фрунзе. Здесь проявляется драгоценное для очеркиста умение подвергать факты глубокому и всестороннему анализу, никогда не ограничиваясь поверхностным впечатлением. И вместе с тем факт нигде не становится у Фучика скучной иллюстрацией идеи. В его очерках перед читателем всегда предстает рельефная картина жизни. Не случайно крупнейшая чешская писательница Мария Пуйманова писала об очерке «Флакон одеколона», что это «вдохновенная эпика».

Четыре года, проведенные Фучиком на родине после возвращения из Советского Союза, были для него годами напряженной борьбы против голода, фашизма и угрозы новой войны. Важную роль в этой борьбе играют выступления писателя с пропагандой успехов страны социализма, его выступления в защиту мирной внешней политики советского государства. Так, Фучик вспоминает, что однажды он был арестован за то, что «на публичном собрании провозгласил советскую внешнюю политику политикой мира, а Советский Союз — самой прочной опорой мира во всем мире». Рисуя в своих очерках и статьях этих лет потрясающие картины нищеты, голода и безработицы в охваченной кризисом Чехословакии, писатель постоянно указывал чехословацким трудящимся на пример советского народа как на единственный путь выхода из трагических противоречий капиталистической действительности. Ряд своих публицистических произведений этой поры Фучик посвящает советской Средней Азии. Материалом для них служат как сообщения советской печати, за которой Фучик внимательно и систематически следит, так и его личные воспоминания.

Основная тема этих произведений — противопоставление расцвета героической человеческой личности в Советском Союзе антигероическому характеру буржуазного общества. Именно в том, что социализм раскрывает широчайшие просторы для творческой инициативы человека, писатель видит залог новых, небывалых побед советских людей в их борьбе с природой.

И, переосмысливая древнюю арабскую пословицу, Фучик заканчивает свой очерк «Автомобиль едет по Кара-Кумам» мудрым и глубоко современным афоризмом: «...у каждой пустыни есть свое будущее, если свободный человек социализма стал ее хозяином».

А такой хозяин, как показывает писатель в статье «С самолетами в борьбе за Таджикистан», умеет отстоять свое будущее не только от враждебных стихий природы, но и от любых внешних и внутренних врагов».

В августе 1934 года Фучик снова приезжает в Советский Союз, на этот раз в качестве специального корреспондента газеты «Руде право». «В центре всеобщего внимания общественности,— писала редакция газеты в специальном обращении к читателям,— сегодня находится Советский Союз. Поэтому мы послали в Москву своего корреспондента, известного писателя Юлиуса Фучика»... Почти на два года Фучик стал «советским человеком», «гражданином социализма», как он любил себя называть. Это были годы окончательной победы социализма во всех сферах общественной и хозяйственной жизни нашей страны. Вместе с тем это были годы нового обострения экономических и политических противоречий капитализма в канун второй мировой войны. Хотя для Чехословакии Советский Союз являлся единственной реальной опорой свободного существования и с ним был заключен договор о взаимопомощи, чехословацкая буржуазная печать всячески стремилась подорвать авторитет страны социализма среди широких народных масс. В то время как Франция, Англия и США превозносились в качестве образцов истинной, «западной» демократии, лицемерные фразы об объективности и «дружественности» к СССР служили многочисленным «рыцарям пера» лишь прикрытием для новых пропагандистских походов против принципов пролетарской диктатуры. Особенно усердствовали различные лжесоциалисты и ревизионисты. Успехи советской страны заставляли их искать «новые лозунги, новые сочетания фраз, новую демагогию для спасения капитализма» (Ю. Фучик).

Твердая марксистско-ленинская политическая закалка позволила чешскому писателю-коммунисту распознать сущность «дружественной» фразеологии глашатаев нового антисоветского пропагандистского курса. И в противовес заявлениям об «исключительности» исторических судеб России Фучик в своих статьях и очерках о Советском Союзе, написанных в 1934—1936 гг., подчеркивает мировое значение Великой Октябрьской социалистической революции, говорит о советском государстве как образце диктатуры пролетариата, показывает руководящую роль коммунистической партии в строительстве социалистического общества, раскрывает коренную противоположность двух миров.

В полемической статье «Коммунисты против Москвы» Фучик указывает, что с тех пор, как буржуазная пропаганда встала на «почетный» путь «дружеской объективности», кроваво-черные карикатурные краски на ее изображениях Советского Союза уступили

место скучному серому цвету. Буржуазные журналисты создали целую систему поверхностного скольжения по правде. Целью этой системы было доказать, что хотя особых «ужасов» в Советском Союзе нет, жизнь его, в сущности, ничем не отличается от жизни капиталистических стран. Понятно, что новый советский человек и его дела выпадали из поля зрения таких «объективных наблюдателей». Фучик приводит характерное высказывание чешской газеты «Лидове новины»: «Не думайте, что в России живут львы. Нет, это вовсе не фантастическое львиное царство, там живут люди, самые обыкновенные люди...» С едким сарказмом Фучик писал по этому поводу: «Как это серьезно, по-дружески, если народу наконец объясняют, что не следует представлять себе Советский Союз как дикое царство львов, а что это обыкновенная страна с обыкновенными людьми... Но все же это чертовски маловыразительный портрет человека, когда о нем знаешь только то, что он — не лев».

И Фучик сознательно ставит перед собой задачу показать всю красочность, многообразие и полноту советской действительности, в полный рост обрисовать нового советского человека, не только рассказав о его героических делах, но и раскрыв его душевную красоту, богатство его внутреннего мира.

В сентябре 1934 года, менее чем через месяц после приезда в СССР, Фучик пишет статью «Четыре года спустя». Эта статья явилась своеобразной творческой программой, в которой писатель сформулировал то новое, что было им внесено в изображение советского человека в очерках 1934—1936 гг. по сравнению с книгой «В стране, где наше завтра стало уже вчерашним днем». «Четыре года назад,— писал Фучик в этой статье,— перед нашими изумленными глазами возникли стройки промышленных гигантов... В тени этих гигантов мы видели людей. Людей, которые делали пятилетку. Они имели облик героев, героев, полных воодушевления и готовых на любую жертву. Это были цельные люди, освещенные собственным воодушевлением только с одной стороны.

Теперь, четыре года спустя, они выступили передо мной в полном освещении». Леса строек и огромные здания промышленных гигантов стали теперь для Фучика только фоном картины, «в центре которой стоит человек в свою натуральную величину». Уже раньше писатель видел в СССР совершенно иных людей, чем в капиталистическом мире. Но это отличие он замечал прежде всего в их новом отношении к труду, к созиданию. Теперь он видит его во всем: в труде и в отдыхе, в новом отношении к культуре, к жизни, к человеческому коллективу.

Если в своей первой книге о Советском Союзе Фучик рассказывал о первых победах мира социализма в соревновании двух

миров, то теперь он показывает, что Советский Союз не только догнал и перегнал капиталистические страны в промышленном отношении, но и с каждым шагом безвозвратно удаляется от всего, чему можно найти какое-то подобие в капиталистическом мире, удаляется так быстро, что его действительность становится столь же непонятной для жителей капиталистических стран, как зрелая культура античности была непонятна варварам раннего средневековья. Теперь писатель называет нашу страну островом, который посреди моря варварства сохраняет на одной шестой земного шара человечность, и обращается к трудящимся капиталистического мира с пламенным призывом: «Для человека и во имя человека... догнать Советский Союз!» Таким образом, тема сравнения двух миров, пронизывающая первую книгу Фучика, перерастает в очерках 1934—1936 гг. в тему раскрытия гуманизма нового мира и обличения антигуманистической сущности капитализма, а противопоставление успехов и достижений социализма кризису капиталистической системы перерастает в противопоставление расцвета гуманизма и культуры в социалистическом обществе бесчеловечности, варварству, вырождению старого мира. Именно о советской культуре Фучик говорит как о наследнице лучших традиций культуры прошлого: «...она впитала в себя все знания и все здоровые чувства человечества, в ней живет все живое из того, что оставили французские энциклопедисты, прославленные изобретатели века пара и электричества и иранские поэты одиннадцатого столетия».

Первой поездкой по нашей стране, предпринятой писателем в этот период, была поездка в Среднюю Азию в конце декабря 1934 года — начале января 1935 года. Несколько дней Фучик провел в Ташкенте, откуда выехал в Фергану. Результатом поездки явился цикл очерков, который в январе 1935 года был опубликован газетой «Руде право». Характерный подзаголовок —«Заметки и разговоры», стоящий под каждым из очерков этого цикла, подчеркивает, что писатель хотел в нем рассказать в непринужденной дневниковой форме о своих личных впечатлениях и раздумьях, о встреченных им в пути людях и беседах с ними и не ставил перед собой задачи создать сюжетно и композиционно законченные художественные произведения. Тем не менее все эти очерки объединены единой глубокой мыслью и поэтому составляют определенное идейно-художественное целое. В них Фучик как бы ведет спор с теми, для кого всякое упоминание об Азии неразрывно связано с представлением о средневековой восточной экзотике, т. е. с представлением об отсталости и бескультурье, и наоборот — всякое упоминание о Европе неразрывно связывается с представ-

лением о культуре и прогрессе. Сатирический портрет такого любителя среднеазиатской экзотики Фучик создает в образе пана Писковского, героя очерка «Мистер Твистер, степь и вторая пятилетка». Гигантские изменения, происходящие на его глазах в жизни республик советского Востока, кажутся ему неинтересными. Он предпочитает смотреть на действительность глазами бывшего эмира бухарского Саида Алимхана, сетовавшего в своей книге «Голос порабощенной Бухары» на то, что большевики насилуют историю, губят древнюю тысячелетнюю культуру Востока. Фучик показывает, что в обстановке советской Средней Азии пан Писковский выглядит не менее смешным, чем известный герой стихотворения Маршака злополучный мистер Твистер. «Пан Писковский любит историю минувших тысячелетий. Он пытается быть оригинальным и не видит того, о чем сегодня должен знать каждый, не видит того, что здесь начинается история будущих тысячелетий»,— писал Фучик, определяя свое отношение к такого рода наблюдателям советской действительности. И в этих словах четко сформулирована идея всего цикла: излюбленная тема колониальной литературы — извечный спор между Западом и Востоком (вспомним хотя бы слова барда английского империализма Редьяра Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут»)— в Советском Союзе исчерпала себя, сейчас здесь идет гораздо более значительный спор — спор между старым и новым, и в этом споре буржуазная Европа стоит на стороне старого, а советский Восток — прокладывает дорогу будущему. Именно поэтому Фучик говорит о себе в одном из очерков: «Я становлюсь восточным человеком».

Значительное место в очерках цикла занимает сравнение впечатлений, сохранившихся у Фучика от его первой поездки в Среднюю Азию, с тем, что он видел теперь. Новые города на месте пустыни, новые железные дороги там, где раньше шли только караванные пути, новые промышленные районы, новые колхозы и совхозы в безлюдной ранее степи и, главное, новые люди встречают писателя по пути следования поезда. Биографии этих людей неразрывно связаны с биографией всей страны. Недаром инженер-железнодорожник, сосед Фучика по купе, говорит писателю как о событии своей личной жизни: «Когда мне было десять лет, вспыхнула пролетарская революция».

Каждый из них превосходно понимает, что только их собственные руки могут сделать и делают жизнь прекрасной. И поэтому участие в строительстве социализма, борьба за нарастание темпов продвижения вперед являются для них жизненной необходимостью. Именно эта черта отличает их от людей старого типа.

И если в очерке «Мистер Твистер, степь и вторая пятилетка» Фучик показывает устарелость в обстановке советской действительности установившихся представлений о противоположности Запада и Востока, то в очерках «Старая женщина и новые люди» и «О Джанкохе, шестидесятилетних и о школе» он раскрывает несостоятельность привычного для западноевропейца деления людей на представителей старого и молодого поколения. Двадцатидевятилетняя Елизавета Николаевна, скучающая и рисующаяся своей скукой мещанка, о которой Фучик рассказывает в первом из названных очерков, для писателя — несомненно человек старого типа, а герой второго из этих очерков, шестидесятидвухлетний Рахман Ахмедов, бывший ташкентский носильщик, который в пятьдесят девять лет научился грамоте, был выбран в члены городского совета и руководил превращением грязного ташкентского базара Джанкоха в великолепный стадион, является для него одним из тех, кто олицетворяет новую действительность советского Востока.

Заключительные очерки цикла —«Странствие Арминия Вамбери, дервиша» и «По колхозам Ферганской долины»— как бы подводят итог начатому в предыдущих очерках спору. В очерке «Странствие Арминия Вамбери, дервиша» Фучик мастерски использует для показа контраста между прошлым и настоящим Средней Азии книгу известного венгерского путешественника Арминия Вамбери, побывавшего в Средней Азии в 1863 году, и ряд других исторических источников. Благодаря этому перед глазами читателя возникает живая картина тех гигантских изменений, которые произошли в Средней Азии за годы советской власти. На смену царскому генералу Кауфману, который назвал казака, участника экспедиции 1813 года, ударившего узбека прикладом своего ружья, «первым учителем кокандцев», пришли русские большевики. И пала Урда, глиняная стена между русским и узбекским Ташкентом, пала преграда между Европой и Азией. Революция, социалистическая промышленность, колхозы, новая культура уничтожили цветистую, но дикую азиатскую экзотику, которая так нравилась певцам европейского империализма, уничтожили порабощение, варварство, колониальную эксплуатацию, но остался аромат Азии, осталось своеобразие национальной культуры. Фучик завершает очерк выразительной концовкой: автора, который в красной чайхане при свете электричества читал отчет Арминия Вамбери английскому географическому обществу, окружает группа узбекских колхозников и просит рассказать о положении в современной Европе. И рассказ о безработице в Чехословакии, о голоде и фашистском терроре в Европе звучит для них как повествование

о мире, полном дикости и варварства, вызывая такой же ужас, какой полвека назад вызывали у жителей Европы сообщения о жестокости солдат эмира бухарского. Для них это экзотика! «Стоит месяц рамазан года 1312 по мусульманскому летоисчислению,— заключает Фучик.— Но эти узбекские колхозники за семнадцать лет революции догнали шесть столетий всемирного календаря и пишут: 23 декабря 1934 года».

Если в очерке «Странствие Арминия Вамбери, дервиша» Фучик как бы дает последний ответ пану Писковскому и ему подобным, то в очерке «По колхозам Ферганской долины» он окончательно разоблачает лицемерие высказываний Санда Алимхана. Фучик противопоставляет в этом очерке национальную политику коммунистической партии, которая, создавая в республиках Средней Азии собственную тяжелую промышленность, обеспечивает не только политические, но и экономические предпосылки для торжества полного равноправия социалистических наций, контрреволюционной, антипартийной деятельности среднеазиатских, и в частности узбекских, националистов, для которых Узбекистан в качестве английской колонии стократ приемлемее Узбекистана — свободной советской республики. При этом Фучик подчеркивает, что по своей антинародной и антинациональной сущности узбекский национализм ничем не отличается от национализма немецких или итальянских фашистов и что в своем фанатизме и варварстве националисты Узбекистана только идут по стопам своих европейских собратьев.

Вторую поездку в Среднюю Азию Фучик предпринял в сентябре — декабре 1935 года.

Около месяца он провел в Узбекистане. Побывал на Чирчикстрое, в Самарканде, присутствовал на первом съезде женской молодежи республики, выезжал в колхозы, изучал исторические материалы, научную и художественную литературу об Узбекистане, собирал фольклор.

Делясь своими впечатлениями с корреспондентом газеты «Комсомолец Узбекистана», Фучик и его спутник журналист Озрин Драган заявили: «Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что мы прямо влюблены в Узбекистан. Везде в республике мы встречаем поразительные факты хозяйственного и культурного роста. Узбекистан в некотором отношении нам напоминает Италию, именно тем, что узбекский народ отличается большой эмоциональностью, тяготеет к разностороннему художественному творчеству. Мы поражены, видя безграничную любовь узбеков к музыке, пению, поэзии, к танцам и изобразительным искусствам.

Не сомневаемся, что эта прекрасная республика обладает

ОШСКАЯ областная БИБЛИОТЕКА Инв. № 9403

великолепными возможностями в области художественного творчества». Фучик встречался с узбекскими писателями, интересовался их творчеством и новыми замыслами.

В начале октября журнал «Литературный Узбекистан» организовал вечер встречи чехословацких журналистов с деятелями культуры Узбекистана.

Вскоре Фучик выехал в Киргизию. Здесь он прежде всего навещает своих друзей в кооперативе «Интергельпо», а затем из Фрунзе совершает путешествие в Иссык-Кульскую котловину по маршруту, который в 1856—1857 гг. проделал знаменитый русский путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский. По пути он осматривает Чумышскую плотину, Краснореченскую ирригационную систему, останавливается в Рыбачьем, Кочкорке, Нарыне, откуда предпринимает поездку в высокогорный Атбашинский район. Вернувшись в Рыбачье, Фучик на пароходе «Киров» отплывает по озеру Иссык-Куль в г. Пржевальск (бывший Каракол), посещает памятник М. М. Пржевальскому в двенадцати километрах от города, странствует по горным кишлакам и аулам и наконец на автомашине возвращается в Рыбачье. Утром 6 ноября Фучик приезжает в Ташкент, участвует в праздничной демонстрации, 15 ноября присутствует на открытии второго республиканского съезда колхозников-ударников, а уже через несколько дней вместе с ленинградским поэтом Александром Гитовичем выезжает в Таджикистан. В одном поезде с Фучиком ехала афганская спортивная делегация. 19 ноября 1935 года Фучик приехал в Сталинабад. Несколько дней он провел в доме отдыха Совнаркома и ЦК Компартии Таджикистана, где сблизился с одним из членов ЦК, старым типографским рабочим, который видел в эмиграции Ленина. В Сталинабаде, где Фучик жил в Доме колхозника, он познакомился с командирами Седьмой таджикской краснознаменной ордена Ленина кавалерийской дивизии, прославившейся в боях с басмачами. Особенное впечатление произвел на Фучика рассказ сурового майора, четырежды орденоносца, в кавалерийском бою отсекшего шашкой голову рыжебородого курбаши, одного из ближайших сподвижников Ибрагим-бека. Майор вспомнил, как он впервые услышал о смерти Ленина. Нарочный доставил эту трагическую весть заброшенному в снежных горах дозору почти спустя две недели после того, как об этом узнал весь мир. И красноармейцы, привыкшие к любым опасностям и смерти, плакали. А у самого майора, рассказывавшего об этом Фучику, снова стояли слезы в глазах...

26 ноября 1935 года чешский писатель присутствует в Таджикском государственном театре имени Лахути на праздновании

юбилея классика советской таджикской литературы Садреддина Айни.

Выступление Фучика было встречено бурными аплодисментами всех участников торжества. Когда буря в зале немного стихла, писатель попросил разрешения сказать несколько слов по-русски.

Зал снова дрогнул от грома аплодисментов. Растроганный Айни снял подаренный ему халат и накинул его на плечи Фучика. Потом старейший писатель советского Таджикистана и молодой представитель революционной литературы Чехословакии обменялись крепким дружеским поцелуем. Отвечая на приветствия, Айни с улыбкой обещал приехать в Чехословакию и провести юбилей творческой и коммунистической деятельности дорогого гостя. Выступление Фучика на чествовании Садреддина Айни было заснято Таджикской кинохроникой.

28 ноября Фучик принял участие в литературном вечере, посвященном Айни.

11 декабря Фучик вместе с ленинградским критиком Николаем Ждановым и одним из инструкторов ЦК ВКП(б) Таджикистана побывал в колхозе им. Лахути Сталинабадского района, на родине знаменитой пионерки Мамлакат Наханговой, награжденной орденом Ленина за рекордные показатели в сборе хлопка. Гости вели продолжительную беседу с семьей Мамлакат и другими членами колхоза, обстоятельно знакомясь с их жизнью.

Стержнем очерков чешского писателя о советской Средней Азии, написанных им на основе впечатлений от этой поездки по-прежнему была идея контраста между небывалым расцветом человеческой личности и торжеством гуманизма и культуры в республиках советского Востока и духовным одичанием буржуазной Европы, над которой сгущались сумерки фашистского варварства.

Очерк «Среднеазиатская экзотика», опубликованный газетой «Руде право» 3 ноября 1935 года, служит художественным введением к задуманному писателем очерковому циклу «Путешествие по Средней Азии».

Центральную мысль очерка Фучик раскрывает с помощью красочной образной картины... Палящее азиатское солнце падает на страдающее от засухи хлопковое поле. Кусты хлопчатника уныло опускают голову над высохшими бороздами, а на увядшие листья оседает желтая пыль пустыни. Кажется, что эти растения обречены на смерть. Но вот... в борозды проникают узкие язычки воды. Земля жадно раскрывает губы. Жизнь возрождается буквально у тебя на глазах. Ты видишь, как серая глина становится коричневой, хлопчатник поднимает голову, листья отрясают тяжелую пыль, все поле оживает и начинает расти.

Такая же судьба, говорит Фучик, и у людей Средней Азии. В течение столетий они умирали без влаги, которую выпивали эксплуататоры. Вода, которая текла в арыках, была не для них, а тучные почвы приносили свои плоды баям, муллам, русским купцам... Но мираб революции распахнул двери шлюзов и теперь щедро и справедливо распределяет влагу счастья по бороздам человеческих душ. Люди подняли голову, стряхнули тяжелую пыль веков, в их жилах забурлила влага новой жизни, и они начали расти.

Именно потому, что центральная проблема цикла — формирование и рост социалистической личности, большинство из входящих в него очерков — это прежде всего портреты и биографии людей, в которых наглядно раскрывается настоящее и прошлое советского Востока.

Так, рассказывая в очерках «О свободной узбекской женщине» историю жизни вдовы Мухамар, которая, поступив после смерти мужа работать на текстильный комбинат, впервые поняла, что она является равноправным членом общества, впервые осознала свое человеческое достоинство, Фучик убедительно говорит о духовном пробуждении широчайших трудовых масс Средней Азии.

Так, биография другого героя этого очерка, Айдара Абдулджабарова, одного из первых народных комиссаров советского Узбекистана, ставшего затем одним из первых инженеров-узбеков, ярко характеризует ту роль, которую сыграли в социалистическом преобразовании республик советского Востока среднеазиатские большевики. Обращает на себя внимание тот факт, что в среднеазиатских очерках Фучика преобладают портреты и биографии женщин. Сам писатель говорит в очерке «Нуриниса Гулям едет на осле», что его среднеазиатская записная книжка —«альбом женских портретов». И далее он объясняет причину этого: «Не случайно, что тебе удалось собрать здесь столько заметок именно о судьбах женщин. Судьба женщин еще более удивительна, чем судьба мужчин. Узбекские, таджикские, туркменские мужчины были рабами русских капиталистов и царских колониальных сановников. Узбекские, таджикские, туркменские женщины были рабынями этих рабов. Сколько исторических событий должно было произойти в их жизни, если сегодня они являются столь же свободными, столь же равноправными гражданами своих советских республик, как и их мужья».

Создавая целый альбом портретов женщин советской Средней Азии, писатель подчеркивает тем самым массовость того исторического процесса, который находит свое отражение в судьбах героинь его очерков. Вместе с тем, он сосредоточивает свое внима-

ние на показе нового духовного облика советской женщины, стремится раскрыть новые черты ее характера. Героини его очерков — Нуриниса Гулям (очерк «Нуриниса Гулям едет на осле»), Мухамар и Бибиниса Балтабаева («О свободной узбекской женщине»), Таджихон Шадиева (очерк «История Таджихон Шадиевой»), Розияхон Мирзагатова (очерк «Розияхон Мирзагатова») — это представительницы одного типа советских женщин. Свободный творческий труд, светлая социалистическая действительность позволили им духовно распрямиться, вырасти, придали их облику решительность, уверенность в себе, жизнерадостность — черты, характерные для свободных строителей новой жизни и столь не свойственные облику феодальной рабыни. Эти новые черты характера своих героинь Фучик раскрывает в неразрывной связи с их общественной биографией, показывая тем самым, как эти черты складываются и формируются.

Интересен в этом отношении очерк «Розияхон Мирзагатова». Фучик начинает его с выразительного, но чрезвычайно лаконичного портрета героини: «Черные волосы, большие глаза, несколько морщинок, которые появились слишком рано и говорят о долгом страдании... Резкая, энергичная подпись: Розияхон Мирзагатова». И, рассказывая далее биографию героини, писатель объясняет, откуда появились у нее ранние морщинки, почему так резка и энергична ее подпись...

В отличие от среднеазиатских очерков начала 30-х годов, в которых Фучик в основном рассказывал о зарождении ростков нового и утверждал неизбежность их победы в будущем, очерки 1934—1936 гг. рисуют самое эту победу, говорят о полном торжестве нового над старым. В этом отношении интересно сравнить упомянутый выше очерк «Комсомолка из Кзыл-Орды» с очерками о женщинах советского Востока, написанными Фучиком в 1935—1936 гг. В очерке «Комсомолка из Кзыл-Орды» автор показывает свою героиню в начале ее борьбы за новое. Ее биография еще носит характер исключительности, хотя она в то же время правильно указывает путь, по которому идут женщины советского Востока. Совхозы и колхозы, в которых работает комсомолка из Кзыл-Орды,— это острова культуры среди моря неграмотности, первые островки социализма в полуфеодальной Средней Азии. В очерках 1934—1936 гг. Фучик рассказывает уже о том, как бурный прибой новой жизни, новой культуры смывает последние островки старого. Теперь женские биографии, подобные биографии комсомолки из Кзыл-Орды, стали массовым явлением, и писатель из многочисленных и ярких судеб может выбирать самые яркие, самые типичные.

В обстановке окончательного торжества нового старое во многих случаях стало уже не страшным, а смешным. Поэтому улыбку у читателя вызывает и рассказ о том, как на съезд женской молодежи Узбекистана попала шестидесятилетняя старуха (очерк «О свободной узбекской женщине»), и история взаимоотношений Нуринисы Гулям и ее мужа (очерк «Нуриниса Гулям едет на осле»).

Рассказывая о счастливой действительности советской Средней Азии, Фучик постоянно напоминает, с какими трудностями она была завоевана. Большинство его среднеазиатских очерков — это настоящие маленькие поэмы о героях борьбы и труда. Такова короткая очерковая новелла «Рассказ полковника Бобунова о затмении луны», в которой писатель правдиво и увлекательно повествует о героической борьбе среднеазиатской Красной Армии и всего населения республик советского Востока с басмаческой контрреволюцией. Таков очерк «О водке, урагане, басмачах и новой жизни», где он рассказывает о замечательном мужестве советских людей, сквозь неприступные горные кручи прокладывающих дорогу жизни — Большой киргизский тракт. Этот очерк вместе с тем наглядно показывает, насколько чешский писатель был чужд какой-либо лакировки советской действительности... В поселке Рыбачьем, пристани на озере Иссык-Куль и пристанище шоферов, ведущих свои машины по головокружительным дорогам Памира, много пыли, водки, скуки, мало культуры. Но Фучик видит, как меняется лицо поселка: строятся новое кино, новый клуб и библиотека, на улицах среди глиняных хибарок вырастают большие каменные дома, в школе — пожилые киргизы слушают лекции об устройстве двигателей внутреннего сгорания. Всего этого еще мало для людей, которые творят здесь чудеса трудом своих рук, но этого достаточно, чтобы увидеть перспективы развития поселка, его будущее. Через несколько лет здесь будет город с водопроводом, театром, асфальтированными улицами. И это не фантазия, ибо такие превращения произошли уже с многими поселками в Советском Союзе, ибо здесь живут такие люди, как инженер Магаршак, для которого каждый километр проложенного в глубь гор пути — это кусок жизни, это его вклад в историю.

Показ действительности в ее исторической перспективе, в ее революционном развитии является одной из замечательных особенностей очерков Фучика о советской Средней Азии. Горьковский принцип совмещения трех действительностей — действительности прошлого, настоящего и будущего — становится в ряде очерков основным композиционным приемом писателя. На таком приеме построен, в частности, очерк «Большой киргизский тракт».

В начале очерка Фучик красочно рисует картину расцвета промышленности и культуры в Киргизии, после того как... будет закончен Большой киргизский тракт и создана широкая сеть путей сообщения. Затем он переносит читателя в действительность 1935 г. Из Фрунзе в Джалалабад по прямой триста километров... но такой маршрут — привилегия орлов и самолетов. На машине же приходится ехать более двух тысяч километров в объезд... А вот зарисовка недалекого прошлого: июнь 1930 года... Лошади испуганно жмутся к скале... Справа — обрыв... Внизу стремительно несет свои вспененные воды горная река Чу. Из-за поворота медленно выезжает грузовая машина. Шофер облегченно вздыхает и вытирает со лба капельки пота. Фучик и его спутники с уважением смотрят на него: ведь он только что удачно миновал поворот смерти, поворот, который стоил жизни многим его товарищам... И снова 1935 год. Выкрашенный в бледноголубую краску автобус — «голубой экспресс», как его называют на Памире, мчит чешского писателя и его спутников по широкому асфальтированному шоссе — готовой части Большого киргизского тракта. Вот миновали поворот смерти, но Фучик даже не заметил бы его, если бы не был предупрежден шофером. Путь, который раньше длился три-четыре дня и был сопряжен со многими опасностями, голубой экспресс покрыл по благоустроенному шоссе за шесть часов, и читатель убежден, что красочная картина будущего советской Киргизии, которую Фучик нарисовал в начале очерка, скоро станет реальностью. Умение заглядывать в будущее помогало писателю увидеть его черты и в настоящем. И не случайно поэтому очерк «Мы — колхозники-миллионеры», рассказывающий о счастливой и зажиточной жизни узбекских колхозников, о первых колхозах-миллионерах, Фучик заканчивает знаменательной фразой: «Может быть, это покажется громким словом, но здесь, в Узбекистане, видя великолепный и радостный расцвет бывшей колониальной страны, чувствуешь конкретно, что коммунизм — это уже не мечта далекого будущего».

В своих среднеазиатских очерках Фучик широко использует образы и поэтические приемы фольклора и литературы советского Востока. Позднее, в литературно-критическом исследовании «Няня» (1941 г.), посвященном творчеству известного чешского поэта Юлиуса Зейера, Фучик писал, что он благодарен таджикскому гончару, который помог ему понять стихи Омара Хайяма, помог проникнуть в таинство народной поэзии. Во время своего пребывания в Средней Азии он внимательно прислушивается к песням народных певцов, знакомится с творчеством узбекских и таджикских поэтов, записывает народные предания. Особый интерес

вызывают у него народные легенды о Ленине. Фольклорные образы и приемы вместе с искусно воссозданным своеобразным строем речи персонажей, живописными описаниями природы, метко подмеченными бытовыми деталями придают среднеазиатским очеркам писателя яркий, красочный колорит.

На глубоко народной поэтической основе создан один из лучших среднеазиатских очерков Фучика — очерк «Ходжа Бакырган», являющийся обобщением всей темы Средней Азии в творчестве чешского писателя. По замечательной поэтичности и по всей своей художественной структуре этот очерк напоминает стихотворение в прозе.

Народное поверье о целебных свойствах горы Тахт-и-Сулейман играет важную идейно-художественную роль в очерке «На Пяндже, когда стемнеет», рассказывающем о том, как советские пограничники стали не только защитниками границ своей родины, но и заботливыми исцелителями афганских больных. В этом очерке Фучик глубоко раскрывает сущность и характер революционного гуманизма советского общества, показывает историческую роль Советской Армии как армии мира и дружбы между народами.

Советские пограничники развеяли ложную славу горы Тахт-и-Сулейман. Но добрая слава о делах советских людей ширится по странам колониального Востока, ибо сиянье жизни страны социализма, сиянье мира и братства народов видно далеко за ее пределами.

И замечательные очерки Юлиуса Фучика несли это сияние далеко на запад, в раздираемую национальными противоречиями буржуазную Чехословакию.

В своем бессмертном «Репортаже», написанном «с петлей на шее», Фучик назвал себя «немного фантазером с долей критицизма — для равновесия». Эти две стороны таланта писателя ярко сказываются и в его произведениях о советской Средней Азии. Смелый полет фантазии сочетается в них с исключительной конкретностью, прекрасным знанием фактов. Изучая советскую действительность, писатель не ограничивался своими личными впечатлениями. В октябре 1934 г. он писал Густе Фучиковой: «Здесь ни на что не хватает и не может хватить того, что ты знаешь. И к самому простому ты должен подготавливаться, учиться, учиться, учиться». И Фучик читает специальную литературу, изучает статистические данные, знакомится с историческими источниками, путеводителями, справочниками. Все это углубляет содержание и обогащает художественную форму его очерков. Писатель широко использует прием оживления, очеловечивания статистических цифр.

В. И. Ленин в свое время писал: «Статистика была в капиталистическом обществе предметом исключительного ведения «казенных людей» или узких специалистов,— мы должны понести ее в массы, популяризировать ее...» Прочтите очерки Фучика «О Джанкохе, шестидесятилетних и о школе», «Узбекистан на восемнадцатом году революции», «Долина чудес в Узбекистане», «Мир без угля»— и вы увидите, как талантливо осуществляет Фучик этот ленинский завет коммунистическим пропагандистам. «Очерк не «бесфабулен», ибо всегда фактичен, а факт — уже всегда «фабула»,— указывал в свое время Горький. Богатое фактическое содержание объясняет сюжетность большинства очерков Фучика. Причем в сюжете его очерков все большее место занимает индивидуальная судьба героя, взаимоотношения людей, формирование и рост человеческих характеров.

Однако, несмотря на то, что в основе очерков Фучика как правило лежит факт, конкретное явление, от единичного он всегда переходит к общему.

В одной из своих статей Фучик отмечал, что есть два рода очеркистов: одни «...старательно и долго собирают материал и пытаются из деталей выводить определенные суждения более широкого характера...» другие «... идут в мир с определенной общей идеей и собирают детали к ее иллюстрации».

В отличие от книги «В стране, где наше завтра уже стало вчерашним днем», большинство среднеазиатских очерков Фучика 1934—1936 годов создано на основе первого из этих двух принципов. Это объяснялось стремлением охватить советскую действительность во всем ее многообразии, продемонстрировать читателю как можно больше живых фактов социализма и давало возможность глубоко и многосторонне раскрыть содержание каждого отдельного явления. Поэтому очерки Фучика многоплановы, многотипны и дают комплексное отражение жизни.

В свое время Фучик писал, перефразируя слова Гете: «Сера всякая теория, но не теория марксизма, ибо в ней — сама жизнь, изменяющая мир». И каждый отдельный факт писатель, как прожектором, освещает светом марксистско-ленинской теории.

Революционная страстность и партийность авторской позиции определили в очерках Фучика такой отбор и такое осмысление фактов, благодаря которому в них нашло отражение все наиболее важное, существенное и характерное для данного этапа развития советского общества. Писатель-коммунист с резкой издевкой говорил о соглядатаях советской действительности, ничего не желавших «знать о возникновении и развитии нового общества, о росте и перевоспитании человека, о зарождении новых социалистических отноше-

ний». Такому филистеру, по словам Фучика, «все великое чуждо», и он «смотрит на мир лишь через дырку в эментальском сыре». Поэтому копанию в мелочах, свойственному буржуазной журналистике, писатель сознательно противопоставляет показ ведущих процессов современности, а из всей массы известных ему фактов выбирает наиболее красочные, наиболее выразительные, наиболее типичные.

Именно обилие этих фактов заставляет Фучика подумать о создании большого произведения на материале, собранном им в Советском Союзе.

«Каждый репортер однажды в жизни, вероятно, чувствовал желание написать роман, в котором он высказал бы все то, что накопилось в нем за годы беспрерывных поисков и что нельзя вложить в очерк. Но это желание нигде не приобретает такой явственной формы, как в Советском Союзе, где любой литературный замысел так захлестывается богатым потоком действительности, что разрастается в книгу». Замысел такой книги возник у Фучика после его второй встречи с друзьями из чехословацкой коммуны «Интергельпо». С конца 1935 по май 1936 года он работает над романом, основой которого должна была стать история создания этого коллектива, а фактической канвой — дневник одного из его членов. В то же время многое в замысле произведения носило автобиографический характер. Ряд набросков сохранился у Густы Фучиковой, которая в начале гитлеровской оккупации увезла их из Праги в Пльзень и там спрятала под кучей угля.

Произведения Юлиуса Фучика о Советском Союзе и в частности о советской Средней Азии составляют значительную и интереснейшую часть его творческого наследия. В момент, когда, по меткому выражению Марии Пуймановой, чехословацкий народ стоял «на перепутье» истории, они укрепляли в простых людях Чехословакии веру в непобедимость страны социализма и помогли им с высоко поднятой головой встретить труднейшие исторические испытания. Написанные с позиций социалистического реализма и впитавшие в себя творческий опыт лучших советских писателей, эти произведения явились важным вкладом в развитие передовой чехословацкой литературы и до сих пор пользуются большой популярностью у читателей Чехословакии.

ОЛЕГ МАЛЕВИЧ.

ИЗ ДНЕВНИКА ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РАБОЧЕЙ ДЕЛЕГАЦИИ В СССР

Исследовательская экспедиция в Среднюю Азию

(...) Сегодня двадцатое августа, и в дневнике мы находим очень трудный день: 24 мая. В этот день наша состоящая из пяти членов

ЭКСПЕДИЦИЯ ВЫЕЗЖАЕТ

из Москвы, включив в свой состав двух наших московских гостеприимных хозяев товарищей Бродскую и Форста, переводчика делегации.

На Казанский вокзал из гостиницы «Европа» нас везет автобус. Дело не столько в нас, сколько, пожалуй, в нашем багаже. Если вы едете на прогулку в Хухле[1], вы не забудете взять с собой семейные запасы. А нам предстоит пробыть в поезде не какой-нибудь час, мы будем жить в нем целых шесть дней, которые отделяют Москву от столицы Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики и местонахождения чехословацкого кооператива «Интергельпо»— от города Фрунзе, и из шести дней почти целых четыре мы проведем в степи.

В соответствии с этим нас и снабдили. Один гигантский ящик — наши сухие запасы: консервы, колбаса, хлеб (разумеется, и папиросы — ведь это военный паек), другой гигантский ящик — наша посуда и минеральная вода, отличнейший «Нарзан» из кавказских неиссякаемых источников. (Жаль, жаль, «Нарзан», что у нас ты уже иссяк!)

---

[1] Дачный пригород Праги.

Но все это — все ящики, чемоданы, пакеты и рюкзаки нашей экспедиции, напоминающей экспедицию на Крышу мира или на Северный полюс,— заслоняет могучий — нет, этого мало: колоссальный, всеобъемлющий жестяной чайник. Наш самый верный товарищ.

Мы садимся в вагон, на котором висит табличка с надписью по-казахски и по-русски:

МОСКВА — КРАСНОВОДСК

Это выглядит так же невинно, как «Прага—Пльзень» или «Брно — Братислава», но здесь поездка длится десять дней.

Вероятно, сейчас уже все знают, что русские вагоны шире, чем наши, так как там шире колеи. Общеизвестно, что колеи эти сделаны шире, чем во всех остальных государствах, из стратегических соображений: иностранные войска в случае войны не могут быть доставлены в одном и том же железнодорожном транспорте с территории соседних государств на русскую территорию. (Введено это с самого возникновения железных дорог в царской России — напоминаем об этом, чтобы никто не заподозрил Советы в военных приготовлениях!) Но несомненно, что эти вагоны как будто созданы для расстояний, которые приходится проезжать в советской стране. Входишь в купе, и у тебя впечатление, что ты вошел в уютную, просторную комнату, устраиваешься как дома, находишь свое лежачее место (можешь спать «на нижней полке» или «на верхней полке»— днем постель свертывается и полка освобождается) и едешь.

Город, где „нас" знают

Ты едешь. Прекрасный майский полдень. Перед тобой широкие пространства полей.

— Ну, товарищ, в этом году будет урожай.

— Будет.

И действительно, год был урожайным. Мы убедились в этом на обратном пути — в ту пору во всех главных зерновых областях шла или уже кончилась жатва.

Поезд идет спокойно, в ушах не дребезжит его шумная мелодия: идет он не слишком скоро: тридцать километров в час.

После нескольких первых часов:

РЯЗАНЬ

Это город, где «нас» знают. Здесь очень хорошо знают чехословаков, познакомились с ними весьма близко. Тебе не нужно отходить далеко от вокзала и заниматься долгими поисками, чтобы найти первый памятник, воздвигнутый в честь простых мирных граждан, рядовых революционных рабочих, расстрелянных чехословацкими отрядами по доносу белогвардейских шпиков, попов, помещиков. «Они спасали несчастную Русь» от большевистских зверств. Спасали ее опустошением «несчастной Руси». Эти памятники напоминают о тех, кто стоял на страже пролетарской революции и пал жертвой наших «легендарных героев». Но о наших «легендарных героях» здесь никому не следует напоминать.

Я разговариваю на вокзале с одним железнодорожным служащим:

— Знаете, у нас долго не называли легионеров иначе, как чехособаки... Рана, которую вы нанесли нам, была очень глубокой, и не удивляйтесь, что шрам от нее еще не затянулся. Но сейчас мы уже знаем, что слово «чехословак» относится не только к самоотверженным союзникам белогвардейцев, которые лишили многих наших детей отца и матери, но что этим словом называют и рабочих вашей страны. И мы стараемся знать о вас все. Мы узнали чехов и словаков. Мы верим, что увидим чехословацких рабочих участниками того дела, за которое наши товарищи умирали от рук ваших земляков. И поверьте: мы там, у вас, ту роль, которую сыграли ваши земляки у нас, играть не будем...

Об очередях, банкетах и одном восстании

Полемика из поезда

Мы даже удивлялись: третья, четвертая, пятая глава, а «Право лиду»[1] все еще не откликается! Оно молчало, молчало, и с его страниц не заговорил ни один из тех

[1] Центральный орган чехословацкой социал-демократической партии, руководство которой в 30-х гг. находилось в руках правых оппортунистов.

очевидцев и знатоков Советского Союза, которых у него всегда столько в запасе — в ящике редакторского стола.

И наконец: вчерашний «Вечерник Права лиду» получил срочную депешу одного личного свидетеля, который по счастливой случайности «вернулся на этих днях» после шестнадцатилетнего пребывания в России. Итак, поговорим с этим добрым человеком, чтобы скоротать время нашего пути.

Ехать мы будем долго — от Москвы до Фрунзе далеко,— и пока мы будем смотреть в открытые окна на поля, на которых работают советские рабочие, пока мы мельком увидим несколько новых колхозов, рабочих клубов и фабрик, выслушаем и при случае исправим сообщение, преподнесенное «Право лиду» счастливо вернувшимся чехословаком.

Вплоть до прихода Красной Армии нашему чехословаку жилось прекрасно. У него был собственный магазин, он продавал часы и другие ценные предметы и радовался «всеобщему благосостоянию». Красная Армия, разумеется, ухудшила положение — но до 1927 года еще кое-как можно было просуществовать.

А с этого времени (далее приводится точная цитата) «положение начало ухудшаться очень быстро. Сейчас в России страшная нищета, недостаток продуктов, а также разменной монеты. Хлеб выдается по карточкам, и примерно 50 процентов жителей не получают хлебного пайка вовсе. Они должны доставать его на черном рынке, конечно за большие деньги. Белого хлеба не видит никто, кроме европейских делегаций (разумеется, намек на некую делегацию в этой статье не мог отсутствовать) да иностранцев. Хотя примерно заработок рабочего в Москве составляет 120—180 рублей (две-три тысячи чешских крон), но радоваться этой зарплате он ввиду дороговизны не может. Ведь курица стоит на рынке 7—10 рублей, т. е. 100—170 чешских крон, фунт масла (400 граммов) 5 рублей, фунт говядины 1 р. 80 к., фунт свинины на рынке 2 р. 80 к. — 3 р. Всех продуктов не хватает, особенно муки. Люди стоят по нескольку часов в очередях, иногда с вечера до утра, причем утром нередко ничего не получают.

Естественно, что против такого положения ропщут, и даже открыто, хотя повсюду шпики. Особенно в последнее время, когда стала проявляться резкая нехватка

и ряда других вещей первой необходимости, например, мыла и разменной монеты. Вместо нее пользуются особыми талонами или платят почтовыми марками. На фабриках строгий режим и рационализация, какой нет в Европе. Делегациям показывается только самое лучшее (на худой конец у «Право лиду» всегда припасена фраза о «Потемкинских деревнях»), для них предназначены также самые лучшие гостиницы и устраиваются банкеты. Россия разграблена. и достать можно только то, что контрабандой привозится из Китая».

Пан чехословак умолкает на время, и начинается наша полемика из поезда. Начинается с конца.

Делегация на банкете

За те месяцы, что наша делегация провела в СССР, она была ровно на одном «банкете». Этот банкет состоялся во Фрунзе — мы сидели в красивом «Дубовом саду», в столовой, где ежедневно обедают и ужинают сотни рабочих киргизской республики; мы ели среди сотен рабочих, за столом, который ничем иным не отличался от других, кроме того, что за ним сидели члены киргизского правительства (рабочие), члены городского совета (рабочие) и еще другие... рабочие; ни на ком не видели фрака, ни у кого не было напомаженных волос, не текло шампанское. Мы пили «Нарзан», а единственный произнесенный тост мы не можем сообщить «Право лиду» в нашей газете, потому что на ее странице появилось бы белое пятно.

Всю же остальную дорогу, за небольшим числом исключений, мы ели в столовых, где питаются рабочие, ели как раз в тех столовых, о которых пять или несколько дней назад «Право лиду» писало, что в них подают пищу, от которой людей отправляют на кладбище,— и все же мы до сих пор ходим, не ощущая желудочных схваток, и полны надежд на то, что у нас, по крайней мере, достанет сил дописать эти страницы своего дневника.

Мы стоим в очереди

Мы стояли в разных очередях. Когда шли в кино, когда покупали железнодорожные билеты. А также и в очереди за хлебом. Правда, мы встали в нее не для того,

чтобы купить хлеба. Хлеб мы *всегда* получали (как и все остальные посетители) в общественных столовых. Но в эту очередь мы встали именно из неуместного любопытства: нам хотелось узнать, что говорят рабочие об этой плохой стороне своей жизни и почему она существует.

Ведь это правда:

В отличие от одной демократической республики, где оборванные рабочие семьи могут наслаждаться сказочным великолепием первоклассного платья из английского материала... за витриной первоклассных портных, в отличие от одной демократической республики, где безработные буквально умирают от голода на пороге благоухающих вкусными ароматами ресторанов и где рабочие могут набожно смотреть на витрины гастрономических магазинов, обеспокоиваемые лишь бурчанием своих пустых желудков, в Советском Союзе магазины каждый вечер остаются без товаров, и каждое утро перед их дверями возникают очереди.

(Продолжение следует с примечанием: если «Праволиду» будет цитировать вышеприведенный отрывок этой главы, проверьте через 24 часа, появится ли в следующем его номере продолжение статьи, в которой была приведена цитата.)

Почему существуют очереди

Очередь — нечто такое, что с полным на то основанием пользуется у нас очень дурной славой. *И в Советском союзе никто* — а это значит: ни руководящие работники, ни газеты (которые, как мы здесь слышим, постоянно лгут) — не пытается отрицать, что очереди перед кооперативными магазинами — явление негативное, что это просто-напросто недостаток. Но все дело в том, *какой* недостаток, ввиду чего он возникает и как будет устранен.

Советский Союз развивается. Растет его промышленность, растут его богатства — а вместе с тем растет жизненный уровень рабочего и трудящегося крестьянина. Но какая промышленность растет прежде всего? Тяжелая промышленность, промышленность, производящая машины для новых фабрик, для новых колхозов и совхозов, для нового расширения промышленности. Если в 1924—1925 годах стоимость продукции тяжелой про-

мышленности составляла шесть с половиной миллиардов рублей, то в 1929—1930 годах она составляет двадцать два с половиной миллиарда — рост, примера которому нет в истории. Легкая промышленность, которая должна снабжать население текстилем, продуктами и другими предметами первой необходимости, по сравнению с этим, растет медленно. Она растет медленнее именно потому, что если из аграрной страны, какой была царская Россия, Советский Союз должен стать страной промышленности, то для этого нужны, во-первых, машины, во-вторых, машины, и в-третьих — опять-таки машины.

Вот почему легкая промышленность не поспевает за возрастающим жизненным уровнем рабочего (зарплата по сравнению с довоенной повысилась на 210 процентов).

Второе. Закладка основ социализма, перестройка всей социальной и технической базы в земледелии означает, разумеется, не ослабление классовой борьбы внутри Советского Союза, а, наоборот, ее обострение. Кулак, богатый крестьянин, вовсе не воодушевлен перспективой быть раздавленным экономической силой колхозов и совхозов. Он сопротивляется саботажем в кооперативах, сопротивляется уничтожением урожая, убоем скота, сопротивляется спекуляцией на рынке, точно так же как и яростной агитацией среди середняков. А поскольку «террор большевиков» заключается лишь в том, что, организуя социалистические элементы земледелия, они *вытесняют* из него капиталистические элементы, наступает переходный период трудностей в снабжении. Точнее сказать, наступил и кончится в этом году. *Ибо социалистический сектор земледелия,* благодаря тому, что большевики сумели ясно показать бесконечные преимущества социалистического хозяйства середнякам и беднякам, которые все активнее и активнее вступают в земледельческие коллективы, *уже сегодня на пятьдесят процентов превышает уровень, запланированный для него на конец пятилетки.*

Очереди и обнищание пролетариата

И возникает такое логическое построение.

Если в СССР есть очереди, значит там рабочие живут в нищете, голодны, оборваны, короче говоря, им плохо

А раз им плохо, очевидно, что они недовольны, сопротивляются своему окончательному низведению на положение нищих, протестуют против режима, подчиняться которому их заставляет лишь диктатура Сталина,— и значит все-таки правы разные там «Право лиду», утверждающие, что в СССР дело доходит до восстаний, которые потом кроваво подавляются. Стоп!

Таков возможный ход логического рассуждения. Попробуем первому встретившемуся нам советскому рабочему сообщить его.

«Ничего подобного,—скажет он со смехом.— Трудности? Это же совершенно понятно: если ты полезешь на самую высокую гору в мире, то не встретишь на пути заранее приготовленных гостиниц.

Мы же делаем нечто большее: мы строим социализм. А голод и обнищание — ну, посмотрите же, где тут они?!»

Мы смотрели. Спрашивали. Мы жили только среди рабочих все время своего пребывания в СССР. Мы видели очереди. Но нигде мы не видели голода и нищеты. Рабочий стоит в очереди, но всегда получает все необходимое для того, чтобы *хорошо жить*. Были мы, например, в Самаре. И как раз застали так называемый «мясной кризис», нехватку мяса. В чем же заключается этот «мясной кризис»? В том, что рабочие три дня в течение пятидневки ели мясо по два раза в день и два дня только один раз — в полдень. Вечером оно было заменено овощами и мучными блюдами. Сколько раз в месяц едите мясо вы, читатели нашей газеты, и ваши товарищи на фабриках?

Да, это правда. У нас в лавке мясника никогда не бывает недостатка мяса. Ломятся склады. Магазины полны хлебом, витрины полны колбасами, ящики полны маслом — только желудки наших рабочих пусты.

А там — и это тоже правда — в магазинах после дня торговли не остается ничего, но в них всегда достаточно товаров для того, чтобы рабочий не был голоден.

То же относится и к крестьянам. Одна из менее значительных причин трудностей со снабжением в городах — повышение жизненного уровня середняков и бедняков. Крестьянин, который раньше, до революции, должен был продавать каждый грамм масла, каждое яйцо, чтобы заплатить подати и аренду, теперь эти яйца,

это масло можеть есть сам, может жить по-человечески.

На свидетельства высокого жизненного уровня советского рабочего и крестьянина мы наталкивались везде, так же как везде мы наталкивались на очереди. В маленьком промышленном городке мы видели, как рабочие стоят в «очереди» за... *велосипедами.* Можете вы себе представить, чтобы даже в столице чехословацкой республики нашлось в один день столько рабочих, имеющих средства купить велосипед, чтобы они наполнили хотя бы один маленький магазин? Советские рабочие имеют средства купить больше, чем советские фабрики могут произвести. И это называется обнищанием?

Хорошо сказал об этом один из рабочих—мы встретили его в Ташкенте,— когда на наш вопрос об очередях ответил шуткой: «Знаете, через год вы не увидите очередей за хлебом, исчезнут очереди за мануфактурой, но мы по-прежнему будем стоять в очередях... теперь уже за автомобилями или за аэропланами».

Мы прощаемся с одной частью света

Нравоучительный рассказ о колхозах

...Проехать гигантское расстояние, которое отделяет Москву от Фрунзе, центр европейской части Советского Союза от Средней Азии, в самом деле не быстро и не просто.

Итак, прежде всего — европейская часть. Мы доехали до Рязани, потом была Самара, затем Оренбург. Мы проезжали места, где уже выросло большое количество коллективных хозяйств. Часто железная дорога являлась границей какого-нибудь колхоза, и все было как в нравоучительном рассказе, автор которого признает только черное и белое. Черное мы видели справа: крошечные единоличные хозяйства, плохо обработанная земля, целые поля, лежащие нераспаханными, маленькие пригнувшиеся к земле избушки крестьян. Но когда мы поворачивались налево, когда мы смотрели в противоположное окно вагона, мы уже видели тракторы, видели богатые всходы, новые здания, амбары, новые поселки. Там был колхоз. Совсем, совсем как в нравоучительных рассказах. Только позднее нам стало ясно, что видели мы более чем хорошо.

Первая степь — конец Европы

Мы оставляем позади Сызрань, по мосту весьма внушительной длины (1445 метров) переезжаем Волгу, ночью проезжаем Самару и, проснувшись утром, уже видим степь и первых верблюдов. Поезд поднимается по самым южным отрогам Урала, кружит, пыхтит. На этой дороге Оренбург — последний большой город европейской части СССР. Вздохните!

Приближается Илецк. Вот и он остался позади.

Конец Европы. Мы прощаемся с одной частью света. Поезд идет медленно — и все-таки мы уже в Азии.

Гм, Азия; но ничто не изменилось, здесь другие люди, у них иные глаза и речь, но та же цель: построить социализм.

Турист с усыпанным звездочками бедекером в руке был бы, возможно, очень возволнован, впервые увидев Азию. Эту другую часть света. А мы были взволнованы, увидев нечто совсем иное: ведь и над этой частью света реял *красный флаг Советов!*

От границ Азии до Арыси

Казахстан

Безусловно, нам начинает становиться теплее. Это еще не тот палящий зной, о котором мы читали и о котором нам рассказывали: еще можно совсем неплохо жить, есть, читать и спать,— но, несомненно, разница в температуре до и после Оренбурга ощутительна.

Широкая голая степь. Только здесь и там появляются юрты, большие шатры кочевых казахов, и вокруг немногочисленных станций вырастают маленькие глиняные домики со смуглыми жителями, у которых плоские лица, черные волосы и раскосые глаза.

И все же мы проезжаем здесь по богатой земле, которая при царской власти столетиями лежала неиспользованной, а всего за несколько лет власти Советов пережила изменения, знаменующие кардинальный переворот. Здесь находится Эмба, река, которая дала название огромному району залежной нефти, самой чистой нефти во всем мире. Только при советской власти здесь началась добыча, эксплуатация этих богатых нефтяных

источников. Поезд тяжело преодолевает нагорье Мугоджар. За ним: Бер-Тшогур с угольными месторождениями, богатство которых оценивают в 90 миллионов тонн. Но что такое Бер-Тшогур против Челкара, от которого до самой китайской границы — по местностям с непривычными названиями, овеянными ароматом экзотики: Эки-Бартус, Кендердык и т. д.,— тянутся угольные пласты, оцениваемые в 580 миллионов тонн.

На несколько часов мы оставляем размышления обо всем этом богатстве. Дело в том, что кончилась степь — теперь даже и степи нет! — есть только пустыня. Песок, песчаные волнистые наносы, да то здесь, то там сухой куст, посаженный для защиты железнодорожного полотна от движущихся песков. Пустыня Вол-Барсуки. Пыль, которая сопровождает нас в течение всего пути степью, становится назойливее. Герметически закрытые окна вагонов не могут устоять перед ней и пропускают целые тучи этой тонкой пыли, которая густым слоем покрывает наше чистое спальное купе.

Город в степи

Но и степь не бесконечна, хотя именно этот эпитет наиболее употребителен, когда говорят о ней.

Мы подъезжаем к станции Саксаульская. Раньше здесь было несколько юрт, ничего больше. Но пятилетка определила, что Саксаульская должна стать железнодорожным городом. Посреди степи должно возникнуть новое большое здание вокзала, целый город для железнодорожников, гостиница для пассажиров (этого достижения культуры вы пока еще не найдете на всем протяжении пути от Оренбурга до Фрунзе—2300 километров), паровозостроительный завод, железнодорожные мастерские и т. д., и т. д.

Мы говорим: Саксаульская должна стать железнодорожным городом. А что она представляет собой сейчас? На том месте, где еще в 1928 году стояло лишь несколько юрт, раскинулась большая колония хороших односемейных домиков для 2000 железнодорожников, построены уже первые цеха железнодорожных мастерских, первые помещения для паровозов, уже проложено несколько новых запасных путей и стрелочных переводов.

Это Саксаульская.

Но так же, хотя бы и не столь быстро, развиваются и другие города в степи. *Казалинск,* город, известный у нас по фильму «Сорок первый». *Кзыл-Орда* (Красный Город — название, которое он носил еще до революции), бывшая столица Казахстана (теперь ею стала Алма-Ата), с низкими домиками и бурной коллективизацией в окрестностях. *Туркестан,* дававший раньше имя всей Средней Азии, и *Арысь,* сейчас очень важный железнодорожный узел.

Последняя остановка перед Фрунзе

Утром 28 мая мы проснулись уже не посреди пустынной степи. В окно купе была видна река, оросительные каналы; желтизна степной растительности сменялась более веселой окраской, появились деревья, сады, цветы и плодородные поля.

Мы проезжаем Сыр-Дарью, реку, наиболее щедро дарящую жизнь степи, через несколько часов Бугунь, потом реку Арысь и за ней — последнюю станцию, на которой мы остановимся перед Фрунзе.

Это Арысь.

Арысь была крошечным полустанком, каких на магистрали Москва—Ташкент десятки. Сегодня это уже не маленький полустанок. Сегодня это значительный железнодорожный узел. Здесь от главной магистрали ответвляется 573-километровая дорога до Фрунзе, та дорога, которая у станции Луговой дает новое ответвление — прославленный Турксиб.

Старая станция уже основательно расширена, но этого недостаточно.

Для того, чтобы работа транспорта была налажена, предстоит еще преодолеть много трудностей. Пассажир сам почувствует одну из них: во всей Арыси вы не найдете себе крова. Все, что здесь было, занято. Новые домики предназначены в первую очередь для железнодорожников — на строительство пристанища для пассажиров не хватило времени. Зато у вас, поскольку вы приехали в шесть часов вечера, а поезд уходит только в восемь утра, вполне достаточный запас времени, чтобы решить, где и как провести ночь, отделяющую вас от отъезда: будете ли вы спать в степи под огромным звездным небом или на ступенях вокзала под той же «крышей».

У нас, в самом деле, еще много времени. Мы ужинаем и идем... в кино. В большом саду, обнесенном глиняной стеной, собралось уже несколько сот жителей Арыси, русских, украинцев, но, главным образом, казахов, и вот в одном ряду с ними стоят или сидят пять чехословаков, смотрящих «Красных дьяволят»—«Красных волчат» (так название этой занимательной и веселой истории было переведено на чешский язык, когда она вышла отдельной книгой в Коммунистическом издательстве).

На экране: казахские и русские титры, Красная Армия, бои с батькой Махно — а внизу под экраном радостные, взволнованные лица казахов, чтение хором, смех, выкрики.

Кино в Казахстане!

Мы идем назад к вокзалу. Ночь. Звезды. Теплый воздух. Безветрие. Через несколько часов мы выедем во Фрунзе.

Пятнадцать каречий в едином ритме

Впервые: Турксиб

Магистраль, которая идет от Арыси до Фрунзе, была до революции построена лишь частично — только до Аулие-Ата. Сейчас, когда Турксиб достроен, вся эта магистраль подчинена административному управлению Турксиба; но управлению дороги приходится не только администрировать: от Фрунзе к горам уже растет новая магистраль к Токмаку и на Рыбачье, к озеру Иссык-Куль и дальше в глубокие долины, лежащие посреди заснеженных вершин Тянь-Шаня.

Сразу за Арысью — начинается этот гигантский подъем. По большой дуге поезд объезжает Арысь, и раньше, чем мы приближаемся к Чимкенту, вдали уже вырисовывается белый Александровский хребет, нагорье, растянувшееся на несколько сот километров. Мы не потеряем его из виду в течение всего времени нашего пребывания в Киргизстане. Белые облака на белых ледниках — для нас в этом есть что-то таинственное, и это очень красиво.

Аулие-Ата.

На какой-то момент мы въезжаем на территорию Киргизской автономной республики. Но горные склоны

принуждают магистраль делать большие изгибы по краю долины — и мы вновь на несколько часов возвращаемся в Казахстан.

Еще одна ночь в поезде.

Рано утром: Луговая. Мы находимся так близко от снежных гор, что нам холодно. Косые лучи солнца играют на сочной зелени лугов; мы вдыхаем чистый холодный воздух. Прозрачное горное утро, полное ярких красок, которые пробуждают в вас необычайную бодрость. Это горное утро еще прекраснее, чем другие: его делают таким зеленые луга, белые ледники, синее небо... красные склоны гор. В буквальном смысле слова красные: на них алеют волчий мак и красные тюльпаны. Сейчас пора цветения. Когда мы поедем назад, здесь будет только желтая степь.

Но все это не самое важное. Самое важное заключается в том, что Луговая — маленькая деревушка на фрунзенской магистрали — стала сегодня станцией с мировой славой:

Здесь начинается Турксиб.

Знаменитейшая магистраль мира, протянувшаяся на тысячу четыреста сорок два километра по степям, пустыням и нагорьям до самой Сибири, до Семипалатинска. Мы впервые видим ее.

Впервые видим Турксиб!

Понимаете, что это для нас значит?

Последние часы перед целью

Потом нас охватывает нетерпенье. Уже близка цель нашего путешествия: Фрунзе, станция Пишпек.

Мы дали телеграмму из Арыси. Встречает нас кто-нибудь? Будем ли мы знать, куда идти? Прощаемся с купе. На несколько дней наступает перерыв в нашей жизни на колесах. Неделя проведена в поезде. И теперь мы опять... на твердой земле.

Полдень. Мы должны были приехать во Фрунзе в десять часов утра. Но поезд идет без опоздания. Мы прибываем вовремя. Разгадка этого чуда — в направлении нашего маршрута: мы едем на восток, и товарищ Ч. не поспевает в течение всей поездки переводить свои пражские часы: на пути от Праги до Москвы нужно подвинуть их стрелки на час вперед, а от Моск-

вы до Фрунзе... на четыре часа. В то время, как мы окончательно опустошаем ящики с нашими запасами, последний раз обедая в экспрессе, в Праге люди только начинают свой утренний труд. Мы на пять часов впереди. На пять часов старше, чем были бы, оставшись в Праге.

Через пять часов над пражанами будет плыть то же солнце, которое плывет сейчас над нами. С ним мы посылаем вам свой привет, земляки! Это самый быстрый гонец.

За время поездки мы успели познакомиться со всеми пассажирами.

«Делегаты из Чехословакии?»—«Да».

И вот мы стали каким-то праздничным номером для всего поезда. К нам приходили гости, объясняли, рассказывали, спрашивали. Наши записные книжки наполнялись заметками. Каждое утро и полдень, когда мы стояли на станциях в очереди, чтобы наполнить свой гигантский чайник у крана, из которого для каждого даром течет кипяток, люди рассказывали нам о себе и о своей стране. И это было приятное развлечение. Зато оно было куда менее приятным, когда нам приходилось рассказывать о том, как обстоят дела у нас на родине.

Теперь мы прощаемся со всем этим.

Те, которые выходят на станции, не доезжая Фрунзе, не забывают еще раз на минутку заскочить к нам: «Мы вас давно ждем. Думали, что вы приедете к Первому мая. А потом перестали и надеяться. Такое опоздание! Во Фрунзе, наверное, будут удивлены. Никто не знает, что вы приедете».

Ну, никто не знает?!

Однако знали! Когда мы были уже второй день во Фрунзе, нам рассказали об этом.

Нас уже даже перестали ждать. Но около восьми часов утра (по московскому времени) или около двенадцати по местному зазвонил телефон в одной из канцелярий чехословацкого кооператива «Интергельпо». Говорила Аулие-Ата.

«Здесь проехала рабочая делегация из Чехословакии!»

Этого известия в «Интергельпо» ожидали уже 30 апреля. Но получили его — благодаря тому, что доро-

гое правительство чехословацкой республики отказалось выдать нам паспорта — ровно через месяц: 30 мая 1930 года. Никто, в самом деле, не был подготовлен. Но заработал телефон, загудела сирена текстильной фабрики, и в два часа, когда поезд приближался к станции Пишпек, на вокзале стояло уже несколько тысяч фрунзенских рабочих и работниц.

Станция Пишпек — Фрунзе

Поезд останавливается. Конец магистрали. Дальше ехать нельзя.

Яркое палящее солнце. Оно обжигает нам лица и слепит глаза, когда мы высовываемся из окон вагона.

Там, на вокзале,— толпы рабочих. Наши земляки, *свободные* рабочие из Чехословакии, лица русских, киргизских, узбекских, украинских товарищей. А над ними красные транспаранты, красные знамена.

Знаете ли, сейчас мы вам не можем точно описать, как мы выбрались из поезда, как мы вдруг неожиданно оказались посреди шумной радостной массы людей, как перед нами вдруг возник стол, превратившийся в импровизированную ораторскую трибуну.

Теперь мы можем признаться, как мы были тогда растроганы. Не тем, что нас торжественно встречали, но тем, какой свободной, радостной была эта встреча, как вольно все здесь себя чувствовали, все — и мы в том числе.

Нас приветствовали. Выступали представители «Интергельпо», киргизского правительства, партии, заводских рабочих, Красной Армии — мы отвечали. Мы не будем воспроизводить здесь эти речи. Незачем в стотысячный раз показывать вам, как выглядит цензурная конфискация на страницах этой газеты. Сначала мы говорили, правда еще под некоторым влиянием собраний в ЧСР, словно за спиной у нас стоял полицейский комиссар, напоминая о тюрьме. Но потом мы с восторгом вспомнили: ведь мы в свободной стране, *здесь мы свободны!*

Интернационал

Звучат последние приветствия и поздравления.

Оркестры «Интергельпо» и киргизской Красной Армии исполняют гимн пролетариата:

«Интернационал».

И вот тысячи рабочих и работниц поют:

«Интернационал».

Да, настоящий, подлинный «Интернационал». Международный гимн революционных рабочих звучит здесь на *пятнадцати разных языках.*

Здесь поют киргизы, узбеки, русские, чехи, немцы, венгры, словаки, украинцы, русины, поляки, татары, казахи из степей и дунгане с гор — пятнадцать наречий в едином ритме, в ритме революции, в ритме социализма.

И пятнадцать наречий в едином ритме обращаются к солнцу и широким земным просторам:[1]

. . . . . .

. . . . . .

Вопросы и ответы

Под марш в „Интергельпо"

С вокзала мы торжественным шествием направляемся в «Интергельпо». До самого города Фрунзе еще восемь километров, но наш кооператив находится всего в нескольких минутах от станции. Кооператив? То, что мы видим, это целый городок. Ровные, широкие улицы, высокие тополя вдоль арыков (арык — канава, канал оросительной системы, без которого здесь невозможна никакая жизнь), и в их тени, среди богатых садов, белые односемейные домики. Вон то большое здание — школа. А возле нее новостройка, на которой уже сверкает жестяная крыша,— это новый клуб. За ним гудит сирена текстильной фабрики, а неподалеку от нее — кожевенный завод.

Таким предстало перед нами «Интергельпо» в первый момент, когда мы топтали обильную пыль Киргизии, шагая под марш оркестра по изъезженной колесами степи.

Мы внимаем этому маршу совершенно механически. Слишком много всего для одного раза. Мы доехали. Достигли цели своего пути — это первое. Слышим здесь — в Средней Азии — разговор на языках Сред-

[1] Ниже следовали строки «Интернационала», текст которых был конфискован чехословацкой буржуазной цензурой.

ней Европы — это второе. А потом (и это главное): *вопросы*. Нас, приехавших сюда, чтобы спрашивать, прежде всего забрасывают вопросами, настойчивыми, поспешными, серьезными и несерьезными,— задают их наперебой один за другим, и наше счастье, что в этот момент еще никто не ждет мгновенных ответов:

Как там у нас? Что говорят об «Интергельпо»?

Это правда, что в стране уже 350 тысяч безработных? Что делает Кладио? Насколько сильна сейчас партия? Готовы ли чехословацкие рабочие дать отпор войне? Когда? Что? Как?

Пока мы шествуем, вопросы задаются беспорядочно. Но вот мы оказываемся посреди большого хозяйственного двора, с одной стороны которого расположены цеха, а с другой — канцелярии «Интергельпо». Тут вопросы приобретают уже организованный характер, и начинается настоящее интервью.

Вопросы и ответы. Такова программа наших первых часов в «Интергельпо» — программа, которая, разумеется, точно выполняется всеми, кто приезжает, и всеми, кого ожидают.

Потом нас разделили между членами кооператива.

«Мы пригласили вас к нам, товарищи, чтобы вы собственными глазами видели, как мы живем и работаем. Вы будете жить здесь так же, как мы. Мы не приготовили для вас ничего большего, чем то, что имеем сами...»

Мы будем здесь жить так же, как они. (Как нам грустно сегодня, что мы больше уже не можем так жить!)

Лист без „до“

Вечером мы выезжаем — на грузовой машине — во Фрунзе. В театр.

Нас отделяет от него примерно восемь километров. Мы проезжаем Дунгановкой, деревней, или, если хотите, предместьем Фрунзе.

Фрунзе — совершенно европейский город, если сравнивать его с Москвой. В нем даже планированные улицы, и опять та же широта, прямизна и тень тополей, что и в «Интергельпо».

Театр еще пахнет новизной. Он был построен недавно за два с половиной месяца под руководством строительного рабочего из «Интергельпо». Каменщик — архитектор!

А сегодня?

Сегодня тот же каменщик — директор театра. У него есть способности для того, чтобы ведать решением художественных вопросов, он научился хозяйственному руководству, и уже сегодня через его руки проходит семь миллионов рублей в год. Он стал «выдвиженцем», рабочим, выдвинутым непосредственно от труда на ответственную советскую работу.

Таким образом, Фрунзенский театр, в котором мы сейчас сидим, можно сказать, целиком дело рук чехословацкого каменщика. Но сам он не столь нескромен, чтобы так думать, и он более чем прав. Этот театр создали для себя местные рабочие самых различных национальностей, ибо для театра нужно не только здание, кресла, сцена и зрительный зал, для него нужна прежде всего посещающая его публика, восприимчивая публика, способная дать театру жизнь своим контактом со сценой, которому не мешает рампа. И как раз такая публика есть во Фрунзе, как и в огромном большинстве театральных залов Советского Союза.

В концерте, на котором мы присутствовали, выступали артисты московских и ленинградских театров. Отличные декламаторы, певцы, музыканты. Один из них носит звание «Заслуженный артист республики», звание, которое не так легко получить. Артисты из Москвы и Ленинграда — во Фрунзе! Да, во Фрунзе — и не только здесь. Во всех более или менее значительных населенных пунктах Советского Союза вы найдете в течение двух-трех или четырех месяцев театральных каникул артистов лучших столичных театров. На небольших сценах маленьких городов они выступают перед киргизами, узбеками, бурятами, грузинами, украинцами, немцами, русскими, перед всеми бесчисленными народностями бесчисленных областей Советского Союза — и везде их понимают.

Эта культурная связь взаимна. В то время как московский артист декламировал Маяковского перед киргизскими гражданами города Фрунзе, киргизские ар-

тисты исполняли свои пьесы на Международной театральной олимпиаде в Москве. В СССР осуществляется непрерывный живой контакт между всеми национальными культурами — все они учатся друг у друга.

Итак, мы сидим и слушаем москвичей. Певица, которая перед революцией в царской опере демонстративно прервала пение, когда царь со своей свитой пришел в театр с опозданием, теперь весело беседует с публикой, сговариваясь, какую песенку ей исполнить. На шее у нее светится красивое ожерелье, на руках — браслеты, вечерний туалет резко отличается от простой непритязательной одежды зрителей — но даже это не мешает, даже это не создает границы между сценой и зрительным залом.

На сцене рояль.

Черный концертный рояль на двух ножках. Третья была ампутирована черт знает когда — ее заменяет стул. Рояль — вещь редкая. На пальцах одной руки вы могли бы пересчитать братьев этого концертного рояля в целом Фрунзе и его окрестностях. Но вы поставьте вопрос так: рояль и среднеазиатская колония царской России, куда никогда не привозили даже на копейку ничего, что могло бы как-либо способствовать культурному, или экономическому, или политическому росту населения. Единственным, что туда посылали, были губернаторы и царская полиция. А они вербовались из числа самых отъявленных мошенников и самых жестоких живодеров.

А теперь здесь рояль. Рояль, за которым сидит московский пианист и играет Листа. Бравурно бегают его пальцы по клавишам — и все же слышишь погрешность: в гамме отсутствует нота «до».

Лист без «до».

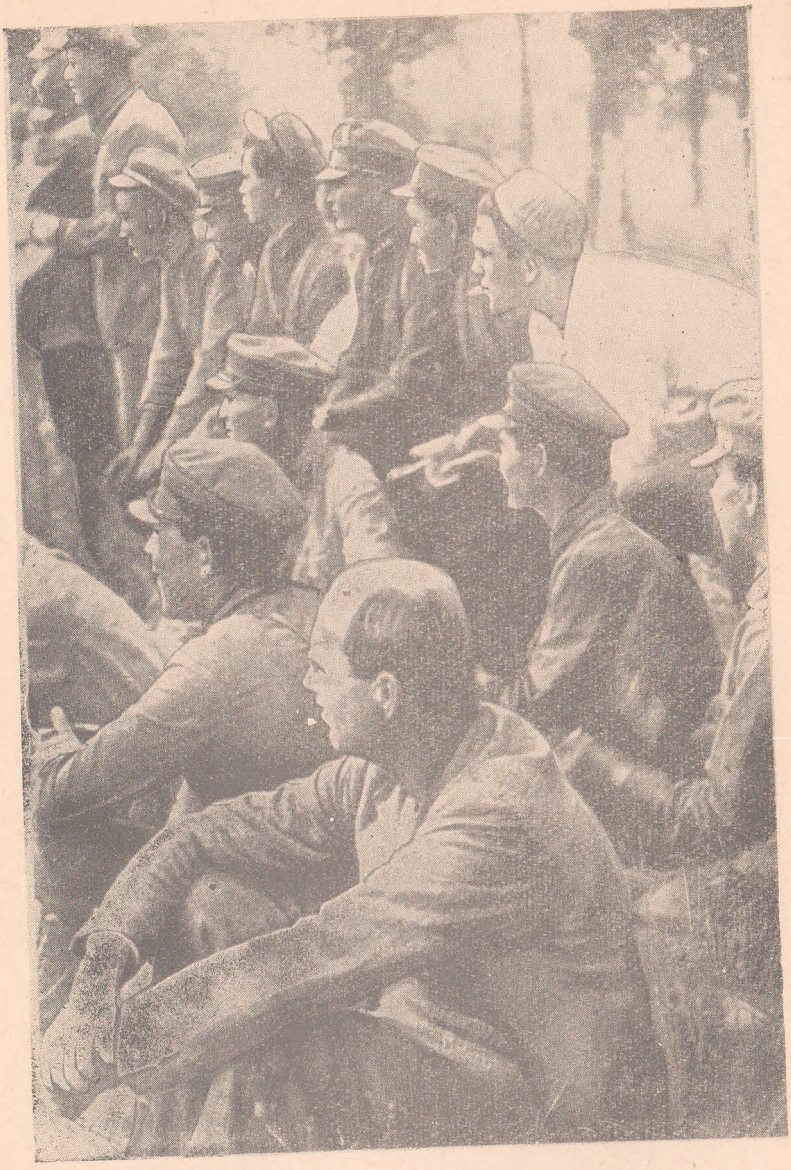
Но ты убеждаешься, что это вовсе не так важно. Можно представить себе смятение пражских любителей музыки, если бы что-либо подобное случилось в Праге. Они бы не слышали Листа, они слышали бы только отсутствие «до». А здесь это Лист, хорошо исполняемый Лист. И никто в этом не усомнится.

Суть дела, однако, не в этом, заслуга не то, что отсутствие одной струны в рояле здесь никому не мешает. Заслуга то, что в пяти тысячах километров от центра люди умеют преодолеть трудности, умеют напрячь

все силы, чтобы выполнить задачу, возложенную на них властью рабочих и крестьян.

Они не испугались ни отсутствия струны «до», ни двух ножек у рояля, не испугались ни 99 процентов неграмотности, ни труднодоступности горных юрт, и везде, не только на сцене города Фрунзе, но и высоко в горах Тянь-Шаня, повышают культуру всего народа.

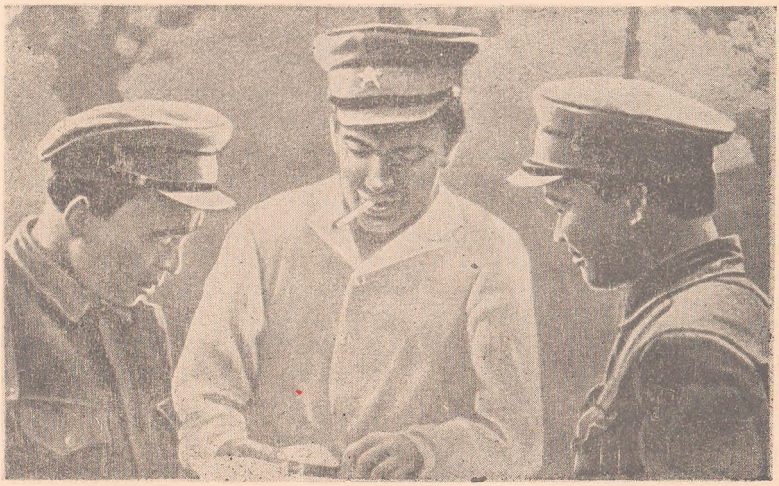
«Руды вечерник» 20, 21, 22, 25 августа, 1, 2, 4, 5, 8, 11 сентября 1930 г.

Юлиус Фучик среди бойцов Киргизской национальной дивизии в 1930 г.

ПРИВЕТСТВИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КИРГИЗИИ

Строителям Социалистической Киргизии прощальный привет от делегации чехословацкого пролетариата, всем товарищам, которые строят Социалистическую

Юлиус Фучик среди киргизов кавалеристов Красной Армии. Фрунзе, 1930.

Киргизию, которые дали нам возможность увидеть своими глазами это великое дело,— прощальный привет. Мы ехали в страну, о которой буржуазные сказочники рассказывали как о дикой экзотической стране. Но мы попали в страну, темпы строительства которой значительно выше, чем в самых передовых

«наицивилизованнейших» странах капиталистического Запада. Единая кровь течет в жилах пролетариата Киргизии. Единая воля и творческая сила сплачивает его своей энергией. Трудящиеся Киргизии заразили нас. То, что мы получили здесь у вас, мы повезем всему пролетариату Западной Европы. Спасибо вам за все. Мы обещаем, что не устанем в своей работе до тех пор, пока великая стройка социализма не начнется у нас, в будущей Чехословакии.

«Советская Киргизия», 25 июня 1930 г.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА ВОСТОКА»

Наша делегация, прибыв в Среднюю Азию, была поражена колоссальнейшим размахом строительства. В особенности мы убедились в этом, побывав в Киргизии и Казахстане, в частности во Фрунзе и Алма-Ате.

В то время как капиталистические страны поражены острой безработицей (миллионы безработных пролетариев вынуждены буквально влачить жалкое существование), Советский Союз, благодаря социалистической стройке, не только ликвидировал безработицу, но фактически еще нуждается в больших кадрах обученных и подготовленных людей. Наше пребывание в Средней Азии убедило нас еще в том, что европейское и местное население республики рука об руку, без проявлений шовинизма и национализма, строит, индустриализирует, коллективизирует этот огромный край.

«Правда Востока», 30 июня 1930 г.

ИЗ ПИСЕМ ЮЛИУСА ФУЧИКА ГУСТЕ ФУЧИКОВОЙ

Фрунзе, 11 июня 1930 г.

Папа, мама и все близкие! Чувствую себя замечательно. Ем за четверых, в чем не ощущаю ни малейшей разницы между Средней Азией и Средней Европой. Только климат здесь несколько иной. Сегодня было 48 градусов. Мой загар соответствует этой температуре. Если я проведу здесь еще месяц, то даже специалист не отличит меня от киргиза. Я абсолютно счастлив. Встречают нас прекрасно. Мы во Фрунзе уже 14 дней и пробудем еще пять, хотя первоначально рассчитывали всего на пять. Нас не хотят отпускать, и самим нам уезжать не хочется. Когда тебе, Либуше[1], кто-нибудь опять будет болтать о здешних ужасах, запомни, что над тобой бесстыдно издеваются. Я тут счастлив и доволен, а главное — здесь такая свобода и покой, что мы просто расцвели.

---

[1] Младшая сестра Фучика.

Арысь, 9 июля 1930 г.

Большой привет, путница, любящая бродить по горам. Сейчас я как раз смотрю с высоты 3400 метров на долину и голые горные склоны и вспоминаю те маленькие и красивые холмики, которые называют Крконошами[1]. Здесь же горы немного превышают 4600 метров, но подняться до вершины я не могу: солнце уже постепенно клонится к закату, и мне пора спускаться вниз, где ждет автомобиль и вся делегация. Здесь я один, только в нескольких сотнях метров подо мной видны киргизские юрты, где два часа назад меня так славно угостили. Девочка, никогда я не чувствовал себя таким свободным, как здесь. Тут прекрасно, и то, что я вижу в СССР, превосходит самые смелые мои предположения. Передай всем привет и скажи, что за увиденное мною стоит биться.

---

[1] Горы на северо-западе Чехии.

ОТВЕТ НА АНКЕТУ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

«Какова будет Ваша позиция в случае объявления войны империалистическими державами СССР?»

Уважаемые товарищи! После некоторых усилий я добрался до сути вашего вопроса, на который и отвечаю: «По истечении 24 часов с момента объявления войны я должен был бы оказаться на плацу братиславских казарм и быть готовым к отъезду на фронт. Я говорю условно: должен был бы, так как являюсь членом Коммунистической партии Чехословакии и не могу гарантировать чехословацкому Министерству национальной «обороны», что его пожелание в данном случае совпадет с приказом КПЧ».

Это мой ответ на Ваш вопрос. Но мне хотелось бы помимо этого сказать еще и следующее.

Сейчас я как раз разъезжаю по Советскому Союзу и собственными глазами вижу чудеса пролетарского энтузиазма. Я вижу грандиозное строительство социализма. Вижу, как Вы сажаете СССР на автомобиль, а мужика на трактор. Я вижу, как под руками пролетарской диктатуры расцвела богатая отсталая Средняя Азия. И теперь знаю лучше, чем когда бы то ни было, что наша первая обязанность — это не допустить нападения обанкротившихся капиталистов на Советский Союз, это драться за отсрочку такого нападения, ибо Вам еще необходима передышка.

Это вторая часть моего ответа. Ни та, ни другая часть этого ответа, разумеется, не является чем-то новым. Революционный пролетариат всех стран прекрасно понимает, как тесно задача обороны СССР связана с существованием Красной Армии.

«Вестник иностранной литературы», 1930, № 5, стр. 14.

ДЕЛЕГАЦИЯ, КОТОРАЯ ВОЗВРАТИЛАСЬ[1]

Прага, 18 августа 1930 г.

Четыре месяца тому назад из Чехословакии в Советский Союз выехала рабочая делегация в составе пяти человек. Неделю назад она возвратилась.

Путешествие во Францию, Англию или Америку, как правило,— более или менее частное дело. И если ты не обладаешь даром совершенно нового взгляда на вещи, с твоей стороны было бы лишь более или менее нескромным, если бы вслед за поездкой появились разные там «Письма из...» или какой-нибудь иной лирический или репортажный отчет, претендующий на то, чтобы превратить это путешествие в общественное событие.

Путешествие в Советский Союз, даже если это не поездка специальной делегации, еще и сегодня (а как мы и там и здесь убедились, сегодня более, чем когда-либо) может быть всем, чем угодно, но только не частным делом. И поэтому необходимо дать отчет о каждом километре, который мы проехали, обо всех впечатлениях, которые мы накопили, знакомясь — благодаря приглашению чехословацкого кооператива «Интергельпо» в городе Фрунзе — с доброй пятой частью той огромной территории, над которой реет красный флаг Советов.

Мы уезжали в пору ожесточенной травли Советского Союза. Это, разумеется, не слишком точное определение времени, потому что в течение тринадцати лет существования СССР ожесточенная травля его не пре-

[1] Очерк печатается в сокращении.

кращалась ни на один день. Но мы уезжали в ту пору, когда кампания клеветы против Советского Союза превзошла даже антисоветскую кампанию 1918—1920 годов. Было это не так давно, чтобы нам нужно было вновь напоминать о папе римском[1], об аферах с фальшивой монетой[2], о мексиканской или варшавской провокациях[3].

Никто также, очевидно, не забыл еще лейтмотив тогдашней антисоветской симфонии: шумиху *об экономическом крахе Советов, о крахе пятилетки.*

Пятилетка — всего-навсего мыльный пузырь, блеф, с помощью которого обанкротившийся Советский Союз пытался ослепить критический Запад. Он только пускал пыль в глаза нетерпеливым кредиторам из Германии и Америки. Успехи пятилетки? Их не было. И если то тут, то там появлялась фотография нового завода или новой железной дороги, то это Советы делали только так, для показа, все это строилось только для заграничных делегаций, то есть являлось потемкинскими деревнями, за которыми скрывались нищета, голод и разруха. Таково было содержание пропагандистских кампаний каких-нибудь четыре месяца тому назад.

Мы проехали по Советскому Союзу 16000 километров. На каждом из этих шестнадцати тысяч километров мы видели глубокие следы пятилетнего плана великих работ. Мы побывали в Казахстане, в Киргизстане, в Узбекистане, в отдаленных уголках Средней Азии, где до сих пор не была ни одна заграничная

---

[1] В начале 1930 г. папа римский Пий XI выступил с призывом организовать «крестовый поход» против Советского Союза.

[2] Зимой 1930 г. в Берлине и Париже происходили судебные процессы против фальшивомонетчиков, подделывающих советскую валюту и векселя. Подсудимые были оправданы, так как, по заключению суда, деятельность их носила политический, антисоветский, а не уголовный характер.

[3] В феврале 1930 г. в Мексике власти арестовали советского дипломатического представителя и вопреки международному праву подвергли обыску его дипломатический багаж.

В апреле 1930 г. в здании советского полпредства в Варшаве была обнаружена адская машина. Взрыв ее при попустительстве властей готовили польские фашисты.

делегация. Если бы советские рабочие покрывали потемкинскими деревнями пятилетки только эти шестнадцать тысяч километров, чтобы ослепить фальшивым блеском чехословацкую делегацию; если бы они заложили основы индустриализации отсталой Киргизской республики и обводнили Голодную степь только ради прекрасных глаз пяти граждан Чехословакии, они проделали бы для столь незначительной цели достойную и основательную работу.

Но теперь, после возвращения, мы видим, что излишним было бы пытаться опровергнуть все эти старые «аргументы» о мыльном пузыре, блефе, обмане и потемкинских деревнях. Это значило бы убивать труп. Четыре месяца — возраст, до которого обычно ни одна антисоветская ложь не доживает.

Сейчас применяется уже совершенно новый метод борьбы против Советского Союза. Пятилетка, влияние которой в СССР вы чувствуете на каждом шагу, которая изменяет жизнь 160 миллионов советских граждан и преобразует облик отсталой аграрной шестой части земли, превращая ее в страну промышленности, не могла не оказать своего влияния и на кампании, которые ведет против страны Советов капиталистический мир.

Пятилетка перешагнула границы Советского Союза

Перелистав немецкие, французские или английские журналы, вы найдете сегодня на их страницах новое не немецкое, не французское, не английское слово, которое — *без перевода* — вошло в журнальный лексикон. Это слово — пятилетка. Так же, как когда-то слово «большевик», так же, как когда-то слово «совет», оно приобрело интернациональное звучание; его в равной степени хорошо понимают без всякого перевода и английский промышленник и немецкий рабочий,— причем звучание этого слова, так же как слова «совет» или «большевик», вызывает столько же воодушевления в революционном пролетариате, сколько раздражения и зависти в буржуазии.

Дело в том, что за границы Советского Союза проникло не только звучание слова, но и весь его живой и революционный смысл.

Огромные успехи строительства социализма в СССР стали достоянием всего земного шара. Они удивляют и страшат старый мир. Разумеется, не прекращают поступать сообщения о кровавых убийствах, о терроре и пытках в Советском Союзе. Наоборот, ужасы все нагнетаются. Если несколько лет назад буржуазные журналисты видели, как большевистские комиссары для возбуждения аппетита глотали жареных младенцев, сейчас они уже видят на вертеле взрослых Кутеповых[1]. Но вместе с этими актуальными обработками кровавых историй столетней давности, почерпнутых из авантюрных повестей о Буффало Билле или Джеке из Техаса, на страницах буржуазных журналов появляется и нечто другое: длинные, обширные, серьезные сообщения о том, как осуществляется пятилетний план, весьма серьезные и основанные на исключительно точных данных размышления о том, что он означает для капиталистической экономики и «какой из этого может быть выход».

В СССР приезжает очень много рабочих делегаций. Но больше, чем членов таких рабочих делегаций, в Советском Союзе различных корреспондентов заграничных буржуазных журналов и ревю, внимательных буржуазных наблюдателей, которые шаг за шагом исследуют прочность основ хозяйственного плана, находят все новые и новые подтверждения его реальности и потом с осторожностью и даже предвзятостью — но не решаясь искажать факты, вырастающие у них перед глазами,— информируют свои заграничные органы обо всем, что их поразило. Они не решаются искажать факты. Ведь они хорошо знают, что *самое большое полотнище буржуазной газеты, называйся она «Таймс», или «Нейе Фрайе Пресс», или хотя бы «Право лиду», недостаточно велико, чтобы закрыть собою гигантский тракторный завод в Сталинграде или 1442 километра Турксиба.*

Только факты, только темпы роста, только новые и

---

[1] В январе 1930 г. буржуазная печать подняла клеветническую шумиху по поводу таинственного исчезновения главы белогвардейской эмиграции в Париже, генерала Кутепова, якобы похищенного «агентами Москвы».

новые достижения пятилетки принуждают сотни буржуазных репортеров снабжать политических шефов своих органов информациями, вызывающими неприятные ощущения у читателя-капиталиста, который больше не может успокоить себя даже кровавыми сенсациями фабрикуемых в Риге телеграмм.

Да:

Пятилетний план становится живой действительностью.

Уже готов Сталинградский тракторострой, с его конвейера 17 июля сошел первый из тех тысяч тракторов, которые он будет ежегодно поставлять советскому сельскому хозяйству; готов Ростовский сельмашстрой, выпускающий ежедневно 100 вагонов сельскохозяйственных машин; готов Турксиб, эта золотая артерия в песчаном теле степей и балхашских пустынь, по которой в одну сторону течет южный хлопок, а в другую — северное зерно и лес; небывалыми темпами растет Днепрострой, неиссякаемый источник электрической энергии; казахский совхоз Пахта-Арал гордо рапортует о 15 000 гектаров, засеянных хлопчатником, который даст сырье новым машинам текстильных фабрик Ташкента, Самарканда и Ферганы; 160 000 гектаров пшеницы волнуется на полях совхоза «Гигант»; на чашах весов пятилетки, на которые в результате создания коллективных хозяйств должно было лечь в 1932—1933 годах сто девяносто миллионов центнеров колхозного зерна, уже лежит 256 миллионов центнеров зерна нынешнего урожая; начинаются первые работы по эксплуатации Кузбасса, географического центра земли, который сможет удовлетворить 80 процентов мировой потребности в угле и даст миру пример самого большого угольно-литейного энергетического комбината; самарский округ заканчивает последние работы по выполнению своего плана индустриализации и берет на себя новые обязательства в новой пятилетке, превышает в четыре раза первоначальный план; железные дороги всей Средней Азии начинают уже «шестой год пятилетки», и всему Советскому Союзу потребуется только два с половиной года для выполнения заданий, рассчитанных на пять лет; Украина, пока еще основная база СССР в области тяжелой промышленности, достигла во втором году пятилетки плановых показателей третьего года, *и во всем*

Советском Союзе то, что когда-то было только лозунгом и надеждой, превратилось в твердую уверенность: пятилетка будет выполнена в четыре года.

Таковы факты, которые потрясли бы капиталистический мир, даже если бы он не был потрясен до основания собственным кризисом, но сейчас он находится в еще более жалком положении.

В тот момент, когда вы перешагнете границу капиталистических стран и вступите на советскую землю, вы увидите огромное, непередаваемое различие между страной строящегося социализма и странами разлагающегося капитализма. Но в полной мере всю бездонную глубину этого различия вы поймете по-настоящему лишь тогда, когда исчерпаете несколько месяцев свободы и вернетесь назад, в старую Европу. Широко раскрытыми глазами следили вы за всем тем ростом, непосредственными свидетелями которого вы были, и никакими приказами вас не заставят закрыть эти глаза. Их сетчатка еще хранит картину заводской трубы нового советского промышленного гиганта — строительство его еще не было полностью закончено, а труба уже дымила, и в ее тени вращались колеса новых, едва только смонтированных станков. Но вот все это заслоняет другая картина, картина вашей капиталистической «родины»: восемь фабричных труб, и только одно единственное облачко дыма дает понять, что капиталистическая фабрика еще живет, еще не совсем стала.

Там рост, созидание.

Здесь кризис, распад.

Мы видели труд советских рабочих на их фабриках, на их полях, мы видели их, осуществляющих свою пятилетку.

Мы видели, с каким энтузиазмом они трудились и проявляли инициативу на каждом участке социалистического строительства. (...)

Мы видели, как рабочие битком заполняют кинозалы, театры, сады и великолепные клубы.

Мы разговаривали с рабочими *в домах отдыха* в снежных горах Тянь-Шаня, в долине Волги и на берегах Финского залива...

...и ни один из тех нескольких десятков тысяч рабочих, с которыми мы свободно встречались на своем

пути, ничего не просил нас передать чехословацким Гамплям или американским Уайлям[1] о своем обнищании.

Зато все эти рабочие поставили перед нами ясную и безоговорочную задачу: сказать полную правду о Советском Союзе, о их труде, о строительстве социализма, рассказать все, что мы видели, в чем мы сами убедились, не скрывая ни недостатков, ни успехов.

Такая задача — и мы полностью сознаем это — не имеет ничего общего с какой-либо нейтральной путеописательной или этнографической информацией. Такая задача теснейшим образом связана с повседневной жизнью у нас, и ее нельзя решить в отрыве от положения, в каком находятся чехословацкие рабочие.

Ведь сказать сегодня, в эпоху, когда капиталистический мир так зловонно разлагается и когда СССР такими поразительными темпами строит все новые и новые предприятия своего пятилетнего плана, сказать сегодня *полную и подлинную правду о Советском Союзе* — это значит абсолютно ясно ответить на вопрос, каким путем пролетариат капиталистических стран может выйти из кризиса и нищеты.

Это значит сказать, что единственно возможный ответ на вопрос дали советские рабочие в октябре 1917 года[1].

«Творба», 1930 г., № 33.

---

[1] Гампль, Уайль — оппортунистические профсоюзные лидеры.

[1] Набранная в разрядку часть текста была изъята чехословацкой цензурой.

ПЕРВОЙ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ КОММУНЕ — ПРИВЕТ!

Коммуне «Интергельпо» в городе Фрунзе, Киргизская АССР

Уважаемые товарищи!

Мы знаем, с каким энтузиазмом готовились вы к переходу от кооператива к коммуне. Первого января 1931 г. вы станете ее членами. Ваш кооператив будет *первой коммуной пролетариев Чехословакии.* Далеко от нас — в Средней Азии — вы, уехавшие из Средней Европы, создаете мощный фундамент социалистического общества. Вы превратили степь в белый городок и утвердили жизнь там, где царил мертвый покой. Из труб ваших цехов и фабрик идет дым — вы работаете, творите, вы, которые умирали бы здесь голодной смертью безработных. Над вашими белыми домиками развеваются красные флаги, вы свободны. Мы видели ваш труд, приглашенные вами и посланные чехословацкими рабочими и трудящимися крестьянами. И многие десятки тысяч рабочих и крестьян Чехословакии, которым мы уже рассказали о вас, уполномочили нас передать вам революционный привет пролетариата Чехословакии, *революционный привет первой чехословацкой коммуне, которая служит чехословацкому пролетариату примером и поддержкой в его борьбе за то, чтобы она недолго оставалась единственной.*

Прага, 29 декабря 1930 г

Делегация в «Интергельпо»: Йозеф Червенка, кузнец, Алоиз Догнал, крестьянин, Юлиус Фучик, редактор, Елена Шнейдерова, жена шахтера, И. Штраус, строительный рабочий.

«Творба», 1930 г., № 51—52.

КОМСОМОЛКА ИЗ КЗЫЛ-ОРДЫ

Аральское море.

Может быть, тебе эти два слова ничего не говорят. Может быть, ты даже не подозреваешь о чуде, которое с ними связано. Ведь ты не знаешь, что это такое — увидеть широкую водную гладь, кажущуюся тебе бесконечной, здесь, среди бескрайних степей и пустынь. Вот почему ты должен выслушать краткую историю этого моря.

Казахи называют его Арал, что значит остров.

Море — остров посреди материка.

Возможно, что это имя дали ему бесчисленные острова, темными громадами выступающие над его поверхностью: Куг-Арал, Барса-Кельмес, Кус-Джитмес или остров Николая. Возможно, что его назвали так совсем по другой причине. Самому тебе кажется наиболее удачным искать объяснение в замечательном сходстве: ведь Арал — это действительно остров воды в море степной суши. Мореплаватель, потерпевший крушение посреди океана пустынь и степей, ты спасен, ибо ты причалил к острову воды — к Аральскому морю. Поэтому было бы только справедливым причислить это имя к богатствам казахской поэзии.

Аральское море.

Благословенное море, с поверхности которого облаками надежды испаряется влага, обещающая урожай людям, сок степным травам, жизнь. Две реки самоотверженно несут ему свою воду долгим и трудным пу-

тем от ледников Средней Азии: Аму-Дарья и Сыр-Дарья.

Быть степной рекою — нелегкая задача. Солнце поднимает ее воду в безводное небо, высохшая земля жадно припадает губами к ее струям, а человек, наступающий на степь, по широкому вееру оросительных каналов отводит ее главную силу на поля пшеницы и хлопчатника. Кровь степных рек сочится через открытые вены арыков за сотни километров от речного русла.

Нелегкая задача — быть степной рекою... Ледники Памира посылают стремительную Аму-Дарью в долины, из Нарынской котловины и с Сусамира весело сбегают потоки Сыр-Дарьи — начало, искрящееся молодой надеждой. Но степь приносит разочарование — и молодая сила иссякает. Приходится быть разумной и экономной. Медленно, задумчиво течет река дальше, мутная от глины, готовая каждую минуту впитаться в землю. Некоторые реки сдаются на милость пустыне, так и не достигнув цели. Напрасно Сыр-Дарья ждет у Кзыл-Тау прилива вод реки Чу. Доброе киргизское озеро Иссык-Куль отправило ее в свет, чтобы через полторы тысячи километров она протянула руку помощи братскому Аральскому морю. Но горная река Чу все медленнее и медленнее пробивается вперед, вода в ней не прибывает, а только убывает, река становится все уже и наконец исчезает в песке, полностью истощив свои силы в схватке с пустыней Муюн-Кум.

Быть степной рекою — нелегкая задача. Но Аму-Дарья и Сыр-Дарья выстояли в трудной борьбе. Напрасны были все атаки пустынь Кзыл-Кум и Кара-Кум. Реки укрылись за крепостной стеной деревьев, и на их берегах разрастаются посевы и цветут сады. Реки стали друзьями человека, и казахи не забывают о них в песнях, посвященных влюбленным.

Аральское море.

Уже полдня ожидаешь его. Оно находится здесь как бы специально для того, чтобы ты мог смыть в нем пыль пустыни Вол-Барсуки, пыль, которая неотвратимо проникала сквозь закрытые окна вагона и теперь покрыла все желто-серым налетом. Но уже одно ощущение такой возможности успокаивает тебя.

Ты радостно потягиваешься на перроне небольшой станции, которая носит имя этого моря-озера. Базар,

неизменная достопримечательность каждого среднеазиатского города, предлагает тебе подкрепить свои силы. Айран, кобылий кумыс, шашлык, жареная, вяленая, копченая рыба, сыры, масло, яйца, черные лепешки — выбор богат и в то же время однообразен из-за пропитывающего все запаха лука.

Ты стараешься не утратить спокойствия и внешнего достоинства местного жителя, выбирая себе рыбу, которая коптилась вместе с внутренностями, сохранившими свежесть и естественный аромат, несмотря на то, что они прошли сквозь чадящий пламень коптильни. Тебе плохо удается это. Возможно, что ты достиг бы желаемого эффекта, если бы от твоих решительных намерений тебя не отвлекли две молодые казашки, одетые наполовину по-европейски, с какими-то маленькими подобиями белых тюрбанов на головах и огромными тюками у ног. Они категорически требуют помощи:

— Товарищ, подайте нам наши одеяла!

Оказывается, это всего-навсего одеяла. Действительно: могучие ватные одеяла с цветастым верхом, подушки. Черт знает, в какое длинное путешествие отправляются эти девушки?!

Ты не сомневаешься, что так удачно завязанное знакомство вскоре позволит тебе узнать об этом. И в самом деле, разговор начался раньше, чем из четырехугольника окна, в котором действительность меняется так же быстро, как на киноэкране, исчезла гладь Аральского моря. Нет надобности заводить речь издалека. К тому же погода в этом неизменно теплом и сухом климате — неудачный предмет для беседы. Поэтому ты спрашиваешь напрямик:

— Откуда? Куда? Зачем? Кто?

Последнее особенно занимает тебя, поскольку из свернутых одеял на твоих глазах выпало несколько книжек, отпечатанных новым латинским шрифтом казахов, и ты успел прочесть фамилии авторов: Ленин, Сталин...

Раскосые глаза молодых казашек довольно и радостно улыбаются твоему недоумению.

«Да, мы читаем. И писать умеем. И даже читаем Ленина. Ведь я уже комсомолка!»

Ты понимаешь, что в ее словах нужно видеть нечто великое. И ты сделаешь ошибку, если недостаточно

оценишь свое открытие. Эта молодая казашка очень дорого заплатила за то, чтобы иметь возможность сказать это о себе.

Она родилась в Кзыл-Орде, степном городке на магистрали Москва — Ташкент. Ее родители — местные богачи, кулаки. Она помнит еще царских губернаторов, видела вблизи гражданскую войну и восстание кулаков, которые свою цель: «Верблюды и стада нам»—прикрывали лозунгом: «Казахстан казахам». Был ли ее отец активным участником этого восстания, она не знает, но помнит, что еще через много лет после поражения он ожидал победы.

Пришли большевики. Они начали реорганизацию отсталого земледелия. Старались перевести кочевников-казахов на оседлый образ жизни. Это было чертовски трудное дело. Казах хочет жить, понимает, что кочевничество не всегда обеспечивает жизнь его стадам, но он слишком хорошо узнал царских колонизаторов, и пройдет много времени, прежде чем он начнет доверять людям из Европы. Против первых большевистских посланцев выступали целые толпы бедняков-казахов, одурманенных и вооруженных кулаками. Дело доходило до комических столкновений. У Челкара целый отряд русских рабочих был спасен от гибели любопытным фотографом, который направил объектив своего аппарата на атакующих казахов. Степные всадники повернули коней и бежали. Они не боялись винтовок, но испугались фотоаппарата. Кто знает, что это за страшное оружие?

Молодая казашка слушала на собраниях большевиков, начала ходить в лагерь землеустроителей, которые отмеривали землю под угодья первого совхоза. Родители ей это строго-настрого запрещали. Дома она видела мать, безмолвную рабыню отца. Здесь, в лагере, женщины были свободны. Это казалось ей более справедливым.

Однажды она заявила своим родителям, что хочет учиться, хочет уметь читать и писать и никогда не станет собственностью будущего мужа. «Несчастный» отец, уже переживший революцию, испугался революции в собственном доме. Ему казалось, что у него только два выхода: умереть или убить дочь, которая осмелилась

растоптать традиции старого манапского рода из Кзыл-Орды. Пока он колебался между этими двумя решениями, его дочь нашла третье: убежала из дому.

Она села без билета в поезд и доехала до станции Туркестан. Здесь голод вынудил ее выйти. Она рассказала свою историю работнику ГПУ и со страхом ожидала наказания. Чекисты посмеялись над детской недоверчивостью девушки, накормили ее и отправили в Ташкент.

В Ташкенте для нее началась совершенно новая жизнь. Никто не твердил ей здесь, что «женщины не должны учиться», никто не насмехался над ее молодым энтузиазмом, как это делал отец.

«Может быть, он и любил меня. По крайней мере, так говорила мне мать. Мне покупали красивые платья, но я не смела открыто взять в руки книжку. Отец не разрешал мне учиться. Любил ли он меня?»

Ее начали учить. Учение шло быстро: уже через несколько недель она могла гордиться тем, что стала грамотной. Девушка узнала, что такое свобода. Она встречала своих землячек-казашек, ставших учительницами, познакомилась с молодой женщиной из горной Киргизии, проехавшей четыреста верст на коне, спасаясь от старого мужа, который заплатил ее отцу калым в сто овец и двадцать верблюдов. Она видела узбечек, работавших на фабриках рядом с мужчинами, не стыдясь и не закрывая лицо черной паранджой.

«Мне говорили: ты свободный член человеческого общества, как всякий иной. Я не понимала этого полностью, но очень гордилась».

Читать и писать. Для ее стремлений и способностей этого было мало. Однажды она вошла в купе желтого вагона на переполненном ташкентском вокзале. В руках у нее был огромный тюк из одеял и подушек и портфель, в котором лежало письмо.

Она снова проезжала по тому же пути, который полтора года назад принес ей столько трудностей и опасений. В Кзыл-Орде она не вышла. С волнением видела она из окна вагона, как вокзал родного города исчез в пыли, поднимающейся за размеренно постукивающими колесами поезда. Кзыл-Орда не была целью ее пути. Ее дорога вела дальше.

Казалинск.

Саксаульская.
Челкар.
Ак-Булак.

Она простилась с Азией. Теперь она уже знала, что есть и другие части света. Ее детское воодушевление было не меньшим, чем у романтика-туриста, переступающего границу Европы. Комсомолка из Кзыл-Орды ехала в Европу. Целью ее пути была Москва.

В совхозе близ Актюбинска начинались первые работы. Это был важный шаг: организовать высокопродуктивное животноводство в степях Казахстана. Стада кочевников — богатство Казахстана — росли или вымирали, полностью предоставленные произволу зимы. Снег, который днем таял на солнце, а ночью застывал от заморозков, покрывал низкие побеги зимней травы непроницаемой коркой. И хотя она держалась не дольше двух-трех месяцев, этого времени было достаточно, чтобы стада кочевников вымирали на треть или даже наполовину. Ведь кочевой казах никогда не заготовляет на зиму кормов, не имеет запасов, не косит траву, не сушит сено.

«Джут» (голод) в суровую капризную зиму означает смерть для степных стад кочевников.

И вот теперь здесь совхоз. Совхоз, работники которого не только пасут стада, но и заготовляют им корм на зиму. Сенокосилки косят степную траву, летнее солнце высушивает гигантские запасы сена. В зимние месяцы скот больше не будет напрасно облизывать твердую корку льда, не будет падать от голода; матки не будут рожать мертвых телят и жеребят. Совхоз организует в степи жизнь.

В таком новом совхозе близ Актюбинска начались первые работы, когда на дребезжащей арбе приехала «культработница» из Москвы.

Приехала комсомолка из Кзыл-Орды.

Два года она проучилась в Московском институте народов Востока. Но от дальнейшей учебы ей пришлось отказаться. Серые дожди и черный дым Москвы подорвали здоровье дочери жаждущих степей. Ее легкие стосковались по сухому, пронизанному солнцем, чистому воздуху Казахстана, по великолепному гигантскому синему куполу среднеазиатского неба. Впрочем, не она одна страдала этой болезнью. Студенты Института на-

родов Востока часто возвращаются в родную Среднюю Азию до окончания учебы — их здоровье не умеет подружиться с Москвой, которую они так полюбили.

Неохотно уезжала она из Москвы. И все же это нужно было сделать. Но прежде, чем проститься с Москвой, девушка пришла в организацию коммунистической молодежи и сказала: «Дайте мне работу. Я не хочу возвращаться домой».

Ее приняли и дали работу.

И вот железнодорожная магистраль, которая привела ее в Москву, та самая магистраль, по которой, равномерно покачиваясь, движется сейчас наш поезд, магистраль, чьи две твердые стальные колеи превращаются на карте в тонкую нитку, соединяющую Москву со Средней Азией,— эта же самая магистраль несла ее к месту будущей работы.

«Вы равноправный член человеческого общества,— сказали мне, и теперь я это уже достаточно хорошо поняла. Я научилась читать и писать. Это для меня значило очень много. Но я научилась еще большему — я научилась *работать*. Поймите, работать с пользой, умело расходуя силы, работать ради созидания, а не гнуть спину, как гнула ее моя мать, как пришлось бы ее гнуть и мне за себя, за мужа, за всю семью».

Актюбинский совхоз — ее первый практический экзамен. Культработница. Это значит, что ты несешь ответственность за всю культурную жизнь совхоза. Ты должна учить других тому, чему сама еще только недавно научилась: ты произносишь по буквам написанное на примитивной доске слово, ты руководишь движением руки, которая впервые держит карандаш, ты организуешь библиотеку, лекции, ты широко распахиваешь горизонт, который здесь, в степи, так далек и в то же время так узок и ограничен в вопросах культуры.

Но книга, театр, лекции, газета ничего не стоят сами по себе там, где идет битва с враждебной, дикой стихией земли и солнца. Комсомолка из Кзыл-Орды поняла это уже на второй день своего пребывания в совхозе.

«Я читала о тяжелой жизни пионеров цивилизации. Им приходилось очень плохо. И в конце концов «цивилизация» шла через трупы нецивилизованных. Здесь я этого не увидела. Знаете, скажу вам искренне, я думаю, что и мы делаем дело пионеров. Но ни ружья, ни

пушки нам не понадобилось. Может быть, поэтому нам еще труднее».

В совхозе она узнала, как работает трактор, усвоила основы счетоводства. Научилась не только сбивать айран из овечьего, коровьего и верблюжьего молока, не только сливать кобылий кумыс, но ухаживать за скотом, выращивать его, руководить скотоводческим хозяйством, распознавать болезни скота и определять его продуктивность, приобрела опыт в борьбе с трудностями и бюрократизмом.

Не все идет легко. Для гигантского хозяйства нужно было шестьсот лошадей, чтобы запрягать их в сенокосилки. Типичный бюрократ из краевого управления достал для них двести—диких, никогда раньше не работавших. Пришлось устраивать небольшой цирк обучения и дрессировки лошадей — к организации этого дела должна была приложить свою руку и она.

Совхозу была необходима вода. Издалека, с Урала, вели первый арык. Понадобилось двадцать пять вагонов цемента. Мудрая хозяйственная комиссия поставила им всего десять. Драгоценную влагу выпивала степь — совхоз продолжал испытывать недостаток воды. Сколько потребовалось сил, чтобы утрамбовать берега временных каналов. И в этом она не могла остаться безучастной. Было много трудностей в снабжении и бытоустройстве. Работа, работа, работа. И вот теперь совхоз твердо встал на ноги и процветает. На месте юрты, в которой комсомолка из Кзыл-Орды показывала первые буквы казахского алфавита жадным к знаниям и удивленным ученикам от десяти до пятидесяти лет, теперь построена школа, и в ней преподает учитель.

А комсомолка из Кзыл-Орды между тем работает уже в рыболовецком колхозе на берегу Аральского моря. Восемьсот членов колхоза хотят научиться читать и писать. Их учит комсомолка из Кзыл-Орды.

Остров воды посреди моря степи.

Остров культуры посреди моря неграмотности.

Сейчас она возвращается домой.

«Теперь я уже не боюсь. Теперь я уверена в себе. У меня отпуск. Хочу повидать мать и отца. Но я еду не для отдыха. В нашей области выросли новые большие колхозы. Работа первых большевистских агитато-

ров приносит плоды. Я пойду в колхоз. Может быть, мне придется бороться с собственным отцом. Не забывайте: он — кулак. А кулачество, его класс, приговорено к смерти. Но теперь я не боюсь. Я знаю цену себе, знаю, *чего мы хотим и что мы можем*».

Кзыл-Орда, запыленный вокзал пыльного городка, бывшей столицы Казахстана.

Мы прощаемся.

Девушка исчезает за зданием вокзала. На плече у нее тюк из одеял. Она идет весело.

В отпуск. На борьбу за коллективизацию. Против кулаков.

Может быть, против собственного отца.

«Творба», 11 и 18 сентября 1930, год издания V.

С САМОЛЕТАМИ В БОРЬБЕ ЗА ТАДЖИКИСТАН

Командующий Среднеазиатским военным округом Дыбенко недавно дал представителю газеты «Красная Звезда» обширное интервью об истории последнего нападения на советскую территорию афганских басмачей, бандитов, возглавляемых эмигрантами из самого Таджикистана.

История эта интересна не только своим драматическим развитием и героизмом участвовавших в ней товарищей, но и причиной, которая скрывается за всеми этими пограничными столкновениями и нападениями. Она интересна тем, что все эти относительно небольшие пограничные столкновения имеют одну большую цель и за ними скрываются не только какие-то обыкновенные корыстолюбивые афганские разбойничьи главари, но разбойники более крупного масштаба, разбойники, которые сидят в Лондоне, Париже и Токио.

13 апреля границы советского Таджикистана перешла банда басмачей под начальством Максума Файзулы. Она состояла из профессиональных бандитов и эмигрантских элементов, изгнанных из Таджикистана победоносной пролетарской революцией.

Спровоцированное и финансируемое Англией реакционное восстание в соседнем Афганистане воскресило надежды старых басмачей и кулацких элементов на отвоевание того, чего их лишили пролетарская революция и Советы.

На помощь басмачам пришли губернаторы Бачe и Сакаа. Банды формировались в северном Афганистане. Басмачи получили коней и снаряжение, а также и ору-

жие с военных складов Баче и Сакаа. Разумеется, руководящую роль во всем восстании басмачей играли господа из Лондона.

Файзула получил приказ уничтожить дороги, ведущие на Памир, захватить и занять Гармский вилайет. Предводители басмачей Курширмат и Ибрагим-бек должны были проникнуть со своими бандами в районы Алайска и Ферганы, расположенные к северу от Таджикистана. При этом Файзула рассчитывал на помощь остатков побежденного класса, баев и мулл, священнослужителей.

В Джушамбе, столице Таджикистана, узнали о вторжении и о захвате Калай-Хумба только через два дня. Телеграф и телефон в этих горных районах не существуют. Связь поддерживают конные гонцы от кишлака (селение) к кишлаку.

Файзула оставил в Калай-Хумбе своего брата со ста пятьюдесятью басмачами и 14 апреля двинулся дальше на Тоби-Дара, в направлении Гарма. 19 апреля он захватил Тоби-Дара, разграбил и сжег это селение и через заснеженный перевал Петра Великого проник в долину Бакша, к своему кишлаку Калаи-Лабиоб. Тем временем передовой отряд Курширмата, второго главаря, занял 15 апреля пограничный город Бауч, расположенный на границах Памира. Курширмат приказал навести мосты через пограничную реку, а его люди убили председателя и секретаря Исполкома местного совета. Был убит и единственный в городе врач.

В своем родном кишлаке Калаи-Лабиоб Файзула созвал большое сборище народа, в котором участвовало около тысячи человек. Здесь он провозгласил свою программу и выдвинул лозунг захвата города Гарм, центра вилайета. «Мы только передовой отряд!— говорил он.— Вслед за нами придут хорошо вооруженные отряды Курширмата и Ибрагим-бека и... английская армия!» И Файзула указал на десятизарядные английские ружья и английскую форму своей банды. Он сказал больше, чем следовало, и этим явно не угодил своим английским хозяевам. Очевидно, радость Файзулы по поводу возвращения из эмиграции в родной кишлак была так велика, что он забыл о данных англичанами инструкциях.

В Калаи-Лобиоб Файзула увеличил свою банду до восьмисот человек. С этими силами он двинулся 22 апреля на Гарм.

Нужно было любой ценой предотвратить падение Гарма. Уже 17 апреля против басмачей был послан взвод кавалерии численностью в 30 человек и два пулемета. 18 апреля Дыбенко прибыл в Джушамбе, столицу Таджикистана. Пятьдесят всадников с четырьмя пулеметами были посланы в Куляб. Оба эти отряда должны были вновь занять Тоби-Дара, зайти в тыл Файзуле, напасть на него сзади и разогнать его банды. 21 апреля пала Тоби-Дара. Пятьдесят человек из арьергарда Файзулы были убиты, остальные разогнаны. Дальнейшее наступление через заснеженный перевал по следам Файзулы оказалось невозможным из-за недостатка снаряжения.

Между тем положение в Гарме ухудшилось. В город проникли слухи о приближении Файзулы с большими военными силами. Необходимо было объявить осадное положение и удержать город до подхода советских войск.

Дыбенко послал самолет с тридцатью винтовками и боеприпасами. Председатель Исполнительного комитета Таджикистана летел на нем в качестве пассажира. С трудом, в пятнадцати километрах от Гарма, нашли место для посадки.

22 апреля сформированный местным советом города Гарма отряд добровольцев численностью в восемнадцать человек двинулся против Файзулы. Отряд состоял из двенадцати учителей, трех советских служащих и трех милиционеров. В тридцати километрах к югу от Гарма эта небольшая группа была окружена. Бой длился три часа. Ни один из защитников Советов не остался в живых.

Трупами басмачи воспользовались для своей излюбленной игры «разрывание козла», причем козла заменяли тела мертвых, которых вырывали друг у друга басмачи. Был послан еще один добровольческий отряд из девяти человек. Отряд вернулся, потеряв двоих.

Одновременно велась лихорадочная подготовка. Были посланы самолеты для доставки сорока пяти человек и четырех пулеметов. Первый самолет вылетел в четыре часа утра, второй—полчаса спустя. В половине шестого три пассажирских самолета доставили сорок человек, которые должны были высадиться под прикрытием своих командиров, залегших за пулеметами. Между тем ко-

мандир бригады Шапкин, получив донесение, что Гарм уже наполовину захвачен басмачами, не захотел больше ждать и с пятью подчиненными и тремя пулеметами поспешил на помощь осажденным.

В бой они вступили двумя группами.

Файзула, которому еще ночью мулла сообщил, что в городе всего-навсего двадцать пять винтовок, был поражен, услышав пулеметную очередь.

Панику среди басмачей еще усилил бывший казацкий офицер Пименов, выходец с Урала. Пименов, который принял ислам и действовал среди басмачей уже с 1921 года, одновременно находясь на службе английской антисоветской агентурной разведки, увидел на гимнастерке одного из пулеметчиков знаки отличия дивизионного командира. Поэтому он решил, что приближается целая дивизия. Мысль о том, что командир может для спасения положения броситься в бой, не дожидаясь своего подразделения, не приходила эмигранту в голову.

Басмачи обратились в паническое бегство, оставив на поле боя 120 убитых и раненых. Их преследовали семнадцать уже подоспевших кавалеристов на захваченных у басмачей лошадях. Казацкий офицер Пименов был взят в плен.

23 апреля высланный из Джушамбе сильный отряд кавалерии отрезал остатки банд Файзулы от Афганистана. В кишлаке Калаи-Лабиоб басмачи потеряли еще 80 человек. Из всей банды в Афганистан пробилось только двенадцать человек: Файзула и его родственники из кишлака Калаи-Лабиоб.

На стороне Советов было сорок два убитых. Кроме двенадцати учителей, несколько председателей исполкомов и три женщины, переставшие носить чадру,— на них натравили басмачей магометанские священнослужители.

В боях с бандами Файзулы приняли участие крестьяне-бедняки, середняки и сельскохозяйственные рабочие.

Баи, муллы и кулаки поддерживали Файзулу. Исключительную самоотверженность проявили бойцы Таджикистанского батальона горной артиллерии.

Они сражались против контрреволюции, за свой пролетарский, свободный Таджикистан.

«Млада гарда», 1932, № 4.

АВТОМОБИЛЬ ЕДЕТ ПО КАРА-КУМАМ

«На автомобиле через Курдай? Вы бы мне сказали еще, что повезете меня в автомашине на Марс»,— с этими словами австрийский рабочий делегат недоверчиво залез в кузов грузовика, где мы удобно расположились между разобранными деталями механизмов, отправляемых со строительства Турксиба.

«Что ж, можно и на Марс»,— засмеялся шофер товарищ Ванюков, и мы восприняли это как зловещую угрозу. Но через Курдай мы проехали удачно и без особых затруднений. Товарищ Ванюков ехал по степи, словно по французской автостраде, переезжал вброд реки, в гоночном темпе брал откосы Курдая и потом по крутым извилистым дорогам спустился к Алма-Ате так уверенно, как будто под колесами его автомобиля было прекрасное асфальтовое шоссе, а не примитивная горная дорога, которая еще тысячу лет назад была проложена для караванов и с тех пор не видела ничего, что хотя бы отдаленно походило на дорожных рабочих.

«Удивительно,— сказал делегат из Австрии, рассматривая автомобиль московской марки, который совершил это чудо и совершал его регулярно через день,— удивительно, все-таки удалось добраться. Но ведь это было бы невозможно для европейской продукции. Фиат развалился бы на части еще до Курдая».

Примерно через месяц мы стояли на краю пустыни Кара-Кумы, стараясь протереть глаза, засоренные ежеминутно поднимающейся и проникающей в каждую пору песчаной пылью. Грустно смотрели мы на верблюдов, с которых нас согнали приступы морской болезни, и вспоминали о Ванюкове.

«Здесь,— сказал австрийский делегат,— развалился бы на части и АМО Ванюкова».

Я не уверен, что это был наш Ванюков, но в отчете, который по своем возвращении составила экспедиция двадцати трех советских автомобилей Москва — Кара-Кумы — Москва, я прочел также и следующий абзац:

«Машина № 15 ГАЗ—ААА; опытная, трехосная (шофер товарищ Ванюков). Весь путь прошла хорошо. Ремонта не требует. Мотор в отличном состоянии. Пригодна к нормальной эксплуатации».

Был ли это наш Ванюков или кто-нибудь другой? Какое это имеет значение — разве что его мы лучше могли бы представить улыбающимся после победного завершения пути. Главное, они доехали: Ванюков, Войков, Колусовский, Каспаров, Уткин, Линде, Николаев, Бескурников, Пшенистов, Бенсволенский — все доехали, все двадцать три шофера. все двадцати три машины. А это была иная дорога, чем та, по которой мы ехали через Курдай, не похожая даже и на ту, которую мы представляли себе, стоя на краю Кзыл-Кумов.

Они выехали шестого июля 1933 года из Москвы по дороге на Казань. Переправились через Волгу около Самары и за Оренбургом вступили на землю Азии. Проехали длинный путь степью Казахской республики через Кзыл-Орду до самого Ташкента. У старых памятников магометанской культуры в Узбекской республике распрощались с нормальным населенным миром. Затем въехали в пустыню Кара-Кумы, великую грозную пустыню между Аму-Дарьей и Каспийским морем. Старая караванная дорога, засыпанная песком, впервые несла на себе автомобильные шины. Здесь было чего опасаться. Чувствовалось, что этот участок пути будет трудно преодолеть. Сами участники пробега оставляли на него в резерве тринадцать дней.

Но эти дни не были использованы. Машины проехали удручающее море песка за шесть с половиной дней и без осложнений прибыли в Красноводск. За Каспийским морем их движение превратилось уже в триумфальное шествие. Баку, Тифлис, захватывающие дух дороги Кавказа, затем Ростов, Харьков, Воронеж, Тула. Пройдя путь в 9500 километров, автоколонна вернулась в Москву 30 сентября, как раз в тот момент, когда

командир советского стратостата Прокопьев сообщил из стратосферы:

Достигли высоты 19100 метров.

Удивительные праздники бывают там, в Советском Союзе, такие грандиозные и такие редкие, недоступно редкие в капиталистическом мире: праздники завоевания.

Мы, живущие здесь, в капиталистическом мире, трепещем от восторга перед победой человека, когда узнаем, что Линдберг перелетел океан — и потом годами ждем, пока нас снова не воодушевит великолепный взлет Пикара. Там, в Советском Союзе, в течение одного дня люди узнают о двух блистательных творческих подвигах человека — и едва лишь пройдет неделя, они смогут увлечься новым событием, будь то пуск самой мощной домны или расщепление наимельчайших частиц расщепленного атома. И дело не в том, что здесь, в капиталистическом мире, нет способных людей — тут есть и большие ученые, и талантливые изобретатели, и отважные открыватели новых земель, ведь западная культура имеет столетний опыт по сравнению с молодой советской культурой. Но все, что тут делается, подчинено законам прибыли, все это чуждо нам; здесь нет ничего, чему бы мы могли радоваться, как своему обогащению, ибо это всегда нечто или направленное против нас, или, во всяком случае, нас не касающееся. Там, в Советском Союзе, все это совершенно иначе.

И капиталистический мир сумел бы послать автомобили в Кара-Кумы. Тщательно бы их построил, снарядил и послал. Для чего? Чтобы во всех газетах мира появилось объявление : «Автомобиль марки Аполлон проехал Кара-Кумы. Покупайте автомобили марки Аполлон». Капиталистический мир послал бы их туда, как посылает свои машины на автогонки через всю Францию или на круговой пробег имени Масарика.

Есть ли разница между подобной рекламой и пропагандой, какой является пробег советских автомобилей через пустыню? Не можем ли мы, в самом деле, задать такой вопрос?

Двадцать три советские автомашины выехали из Москвы и утопали в песках Кара-Кумов, чтобы доказать, что советские автомобильные заводы могут наладить *серийное* производство машин, которые приспособ-

лены к самым тяжелым условиям, и приспособлены лучше, чем иностранные автомобили, а это особенно важно при скверных дорогах и разнообразии ландшафта в Советском Союзе.

Нужно было доказать, что каучук, полученный из тау-сагыза в Советском Союзе прежде всех других стран и использованный для изготовления части шин этой автоколонны, может служить с таким же успехом, как и импортный каучук, и даже еще лучше, что советские моторы способны преодолеть любые препятствия и даже более надежны, чем заграничные. Это было, однако, доказано не для того, чтобы московские автомобильные заводы могли задушить конкуренцию ярославских, или наоборот, не для того, чтобы больше продавать и больше наживаться, а для того, чтобы все хозяева советской земли, все трудящиеся Советского Союза видели, что автомобильные заводы выполняют социалистическое задание, которое было на них возложено, что они честно стремятся увеличить благосостояние своей страны и прикладывают все усилия для проведения в жизнь лозунга: «Посадить русского человека на автомобиль». Так была выполнена часть задачи, которую ставила перед собой экспедиция в Кара-Кумы, но не вся задача. Потому что эта экспедиция специально проезжала по самым отдаленным и самым изолированным местам Советского Союза, чтобы и тем, кому природа препятствует в более тесном, живом и повседневном знакомстве с ростом советской страны, показать результаты, достигнутые хотя бы в одной только области. Не для того, чтобы их удивить, как удивляет негров в Африке автомобильная экспедиция цивилизованных европейцев, забавляющихся недоумением и невежеством туземцев, но чтобы расширить культурный кругозор местных жителей, чтобы раскрыть перед ними творческие возможности человека, чтобы привлечь их к напряженнейшей работе на стройке нового мира, чтобы доказать им, что человек, став хозяином скорости, может преодолеть расстояние, отделяющее его от более зрелой цивилизации, и что у него хватит сил превозмочь всякое недоброжелательство природы, которое он до сих пор терпел. Экспедиция выполнила свое задание. Она продемонстрировала совершенство советских автомашин. Она зарядила силу социалистического твор-

чества в самые уединенные и отсталые аулы Казахстана и Туркмении. Она завоевала их, показав результат действий этой силы.

«У каждой пустыни есть свое будущее». Эту мудрую арабскую пословицу знают и туркмены. В ней заключена мудрость столетий. Но Кара-Кумы по-прежнему оставались зловещей пустыней. Теперь по ней проехали первые автомобили. И это все? Только один раз и больше никогда? Нет. С Востока уже атакует советская техника, и первые оросительные каналы бороздят печальный край морщинками смеха. Пустыня отступает перед хлопковыми плантациями. Первые поселения стоят там, где раньше только вечный ветер меланхолически пересыпал песок времени. Бесстрашный Ванюков победоносно улыбается: на быстроходных автомобилях он везет будущее Кара-Кумам. Ведь у каждой пустыни есть будущее, когда хозяином ее становится свободный человек социализма

«Свет праце», 3 ноября 1933 г.

АВТОМОБИЛЬ ЕДЕТ ПО ОЗЕРУ

— Сколько градусов?

— Шестьдесят семь.

Товарищ Мирецкий снимает пропотевшую рубашку и пробует править машиной, по пояс голый. Солнце палит сквозь предохранительное стекло, и рубашка снова возвращается на тело. Черт не выдержит эти Кара-Кумы, адски знойную пустыню под августовским небом. Но автомобиль ее выдерживает. Сердится, сопит, вода в карбюраторах кипит и шипит, но караван автомашин проезжает через пустыню Кара-Кумы, преодолевает ее и возвращается с победой. В Москве происходит торжественная встреча. Товарищ Мирецкий сверкает белозубой улыбкой, наполовину смущенно, наполовину гордо, и, указывая на машины, как актер, которого вызывают зрители, на автора, многозначительно говорит: «Этот пробег еще принесет пользу».

Это было полгода назад.

За это время ветер сбежал с Памира, поднял песчаную пыль пустыни Кара и насыпал ее барханами вокруг тугих кустов айяка; редкая высокая трава полегла и покрыла желто-серую степь осенней зеленью; опали листья тополей над туркменскими, узбекскими, киргизскими, казахскими селениями, а с Александровского хребта в алма-атинское Семиречье спустился первый мороз.

Товарищ Мирецкий опять ведет автомобиль по Средней Азии, кутается в тулуп и озабоченно смотрит на термометр.

— Сколько?

— Двадцать три градуса ниже нуля.

Вода распирает карбюратор, и в гудении мотора слышатся ледяные нотки. Но автомашины, несмотря на мороз, продираются сквозь глубокий снег. Товарищ Мирецкий использует опыт своей летней поездки по Кара-Кумам. Автомобили едут по озеру, по озеру Балхаш.

Половина земного шара и целое столетие отделяет Балхаш от другого озера, которое тоже привлекает к себе всеобщий интерес. Лох-Несс. Этими двумя озерами, пожалуй, можно было бы характеризовать два мира.

Вот озеро в Шотландии. Озеро в старом мире. Озеро с призраком. Мистическая мгла окутывает это неведомое существо, и все старательно заботятся, чтобы она не была развеяна и не открыла обман. Шотландцы настойчиво приводят свидетельства очевидцев, так как призрак озера Лох-Несс вызывает прилив иностранных туристов и, следовательно, увеличивает доход, что в условиях современного кризиса значит немало. Политики в парламенте охотно обсуждают меры, с помощью которых это существо послужило бы упрочению славы британской империи, потому что перед парламентом толпятся безработные, а таинственное существо позволяет проделывать с собой всевозможные трюки, хотя бы, например, выдавать его за средство против нищеты. Буржуазные журналисты всего старого мира с воодушевлением растягивают слова в предложения, предложения в абзацы, абзацы в целые романы, потому что лохнесский призрак — прекрасный повод для того, чтобы в столбцы газет не попали сообщения, свидетельствующие о конце старого мира.

Озеро с призраком — символ этого старого мира, для которого большая ложь становится последним шансом на спасение.

В ряби Балхашского озера, лежавшего посреди казахских степей и пустынь, никому не мерещится фантастическая голова или змеевидный хребет неведомого существа. Огромное водное пространство Балхаша пребывает в ленивом спокойствии, когда солнце светит над степью, волнуется, когда от Ала-Тау веет осенний ветер, и одевается толстым, неровным льдом, когда ветер с гор приносит морозы.

Вероятно, и его дно обладает всевозможными тайнами, но эти тайны, которые когда-нибудь будут открыты, пока никого не беспокоят. Из глубин озера выплывают на глазах у людей существа отнюдь не загадочные, знакомые и полезные. Рыбы. Балхашское озеро — едва ли не самый густонаселенный рыбий мир во всей Средней Азии. Оно превосходит в этом отношении и плодовитую Волгу, и неисчерпаемое Каспийское море. И это поразительное хранилище рыбных богатств не могло использоваться. К нему не было доступа. Балхашское озеро одним своим краем соприкасается с дорогой из Алма-Аты в Семипалатинск, но как раз этот участок безрыбен. Самое богатое место лова находится в 400 километрах отсюда, и ни один из применяющихся до сих пор способов консервирования не давал возможности так приготовить рыбу, чтобы в летнюю жару она выдержала путь от мыса Тас-Арал до старой степной дороги и по ней еще пятьсот километров до Алма-Аты или Семипалатинска. О доставке же ее зимой нельзя было и подумать. Сибирские морозы и глубокий снег исключали возможность любой такой попытки.

Когда в 1930 году было закончено строительство Турксиба, который пролег по местам, где проходила старая дорога, путь от Балхашского озера до населенных краев сократился с недель до часов. Но Тас-Арал продолжал оставаться в 400 километрах от Турксиба, и Балхашское озеро по-прежнему изобиловало рыбой, пользу от которой получали только тас-аральские рыбаки.

В 1931 году на Тас-Арале возник колхоз и были предприняты первые попытки как-нибудь наладить зимний путь отсюда до станции Эспе на Турксибе. Попытки не удались, и наловленные рыбные запасы пропали. Не удалась и попытка доставлять летом замороженную рыбу. Только незначительная часть улова могла быть использована. Казалось, богатствам Балхаша придется ждать того времени, когда на Тас-Арале будет построен запланированный рыбокомбинат. Но ждать этого не стали.

А. Г. Мирецкий, который возглавлял прославленный пробег советских автомобилей по пустыне Кара, предложил послать в виде опыта колонну автомашин из Эспе в Тас-Арал по замерзшему Балхашскому озеру и

сам вызвался осуществить этот план. Предложение было одобрено и в феврале 1934 года проведено в жизнь.

Это было одно из тех предприятий, которыми советские строители социализма поражают мир и которые в то же время свидетельствуют не только об их предприимчивости, но и о высоком качестве советской продукции. Караван из 41 грузовика и двух тракторов совершил путь в 800 километров из Эспе до Тас-Арала и обратно за 30 часов, преодолев при 30—32-градусном морозе без единой аварии торосистые льды и глубокие снега, и доставил на Турксиб 1000 тонн мороженой рыбы. А. Г. Мирецкий заявил, что это был лишь пробный пробег и что в будущем году предполагается открыть регулярное сообщение между Тас-Аралом и Турксибом по замерзшему Балхашскому озеру.

На свете существуют самые различные озера. И смотрите, даже озера могут служить примером противоположности двух миров.

ИЗ ОЧЕРКА «О ГЕРОЯХ И ГЕРОИЗМЕ»

Мы... живем в героическую эпоху. В такую эпоху, что если бы будущее, вместо истории, захотело иметь легенду, эпическую песнь об одном дне современной жизни можно было бы петь целый месяц, как поют в киргизских юртах древнее предание о Манасе. Но не нужно легенд. Герой нашей эпохи неизмеримо более велик, чем Манас, следы которого превратились в райские долины в Тянь-Шане, а слезы — в огромные озера. Следы героя новой эпохи создают целый новый мир, а его кровь смывает все паразитические нечистоты. Герой нашей эпохи — пролетариат, и он, только он рождает героев человечества.

«Свет праце», 1934., № 8.

ТАМАРА ЦЕРЕТЕЛИ ЕДЕТ В САМАРУ

(Заметки и разговоры)

Оренбург, 24 декабря 1934 г.

Лучше всего можно выспаться в спальном вагоне. Он как мама. Качает тебя и напевает монотонную песенку. Нигде с таким наслаждением не закрываешь глаза, готовясь ко сну, как в спальном вагоне. А поезд дальнего следования в Советском Союзе — это целый состав спальных вагонов.

Я вошел в купе первым. Поезд № 6 Москва — Ташкент очень удобный. Выезжаешь после полуночи, ложишься, и когда утром встаешь,— ты уже далеко от Москвы и радуешься, что километры пути так быстро остаются позади.

Спутники — это важный вопрос.

Соседнее купе уже наполняется. Первые соседи — чета молодых комсомольцев. Они шумно разместились, положили багаж и... завели граммофон. Разумеется:

У самовара я и моя Маша,
а на дворе совсем уже темно.

Дьявольское изобретение: фокстрот, настоящий советский фокстрот, распространение которого, несомненно, изгонит из всех заядлых танцоров страсть к фокстроту.

Первый мой соночлежник похож в своей зеленой военной гимнастерке на соседа-комсомольца. Но только заметно старше. Он отодвигает лесенку, привычным движением вскидывает свое тело на верхнюю полку, расстегивает гимнастерку, снимает валенки и сразу засыпает.

Другой мой спутник — замечательно!— человек необычайно тихий. Он слегка поправил свою постель на верхней полке, надел очки и погрузился в чтение. Остается несколько минут до отхода поезда. Меня начинает одолевать любопытство: кто же третий? Он может совершенно разрушить идиллию. Или удачно дополнит нашу пятидневную семью?

Шум в коридоре возрастает... и в купе входит женщина.

Полная, кругленькая, энергичная, в черных волосах широкая серебряная прядь.

— Видишь, купе для четырех, а не двоих,— упрекает она провожающего ее мужчину.— Места для багажа, разумеется нет. Когда уж, наконец, отправят на свалку эти старые вагоны! А где мой халат? Я не могу без него...

Итак, идиллии, кажется, пришел конец.

На перроне звучит колокол: два удара.

Мужчина поспешно покидает купе.

Один час тридцать пять минут. Поезд тихо отходит от Казанского вокзала.

Нам предстоит ночь и еще пять ночей и пять дней, 3300 километров степей и песчаных пустынь.

Полная, кругленькая, энергичная спутница перестала шуметь и приятно улыбнулась нам:

— Я старый кондуктор. Не выношу, когда поезд стоит. Стоящий вагон — самая грустная вещь на свете.

Возможно, идиллия будет сохранена.

Соседи-комсомольцы ставят двадцатую пластинку. И в десятый раз звучит:

У самовара я и моя Маша...

Мы засыпаем.

Поезд оставил позади Ряжск. Нас будит свет. В купе звучит тихий, приглушенный, прекрасный альт. Смотрите-ка, вагон поет.

Но окончательно проснувшись, мы слышим: *человеческий* голос. Поет не вагон, поет Тамара Церетели, наша полная, кругленькая спутница.

Тамара Церетели — одна из популярнейших советских певиц.

И едет она в Самару.

Мы провели день за чаем, за книгами и газетами, за театральными историями и эпизодами гражданской войны, за прослушиванием пластинок наших соседей.

Потом опять наступила ночь, и где-то под Пензой, когда перегоревший предохранитель изгнал на несколько десятков километров свет из нашего вагона, я проинтервьюировал Тамару Семеновну Церетели. Интервью в потемках.

Мы закусываем на ощупь хачапури, грузинским хлебом с запеченным в него сыром (Тамара Церетели — грузинка), и Тамара Семеновна рассказывает, почему она, которая могла бы с шумным успехом выступать в больших концертных залах Европы и Америки,— едет опять в провинциальную Самару и почему она «старый кондуктор».

Ее биография, история роста ее таланта, проста. Родилась, пела, поступила в консерваторию, пользовалась со своими цыганскими романсами успехом в Тифлисе, была послана в Москву... и там это началось.

Во всем Советском Союзе живут люди, которые работают, учатся, строят... и хотят жить культурно. Культура — то, в чем здесь нуждаются больше всего. Но высшие достижения современной культуры иногда очень отдалены от этих людей. Сидишь где-нибудь в совхозе в Восточной Сибири или хотя бы даже на химическом комбинате в Чапаевске, а певец, которого ты хочешь слышать, актер, игру которого ты хочешь видеть,— в Москве. Такая ситуация не огорчила бы капиталистические государства. Но пролетарское государство с ней не может мириться. Культурные ценности, доступные для четырех миллионов и недоступные для остальных 164 миллионов,— можно ли их вообще назвать культурными ценностями страны социализма?

Необходимо решить эту проблему. И в Москве была создана большая организация — Московская филармония. Ее членами являются лучшие советские артисты — чтецы, музыканты, певцы. Филармония хорошо обеспечивает их материально, а они обеспечивают культурную жизнь даже самым отдаленным уголкам Советского Союза.

Во всех областях и городах, во всех колхозных и промышленных центрах у ответственных культурных работников имеются программы и списки артистов Москов-

ской филармонии. Их «заказывают». Иногда нужно «стоять в очереди», в «очереди за культурой», приходится торговаться, настаивать, потому что потребность в культуре слишком велика,— но, наконец, артист, талант которого позволял бы ему гастролировать по крупнейшим европейским городам, едет к *своим поклонникам* в небольшую Самару, Новороссийск или Ашхабад.

Ожила слава «кочевых артистов». Но теперь артисты кочуют не из-за нищеты и непонимания их искусства окружающими, но благодаря пониманию искусства, культуре и благосостоянию всего общества.

Год подходит к концу. Тамара Церетели может подвести баланс своей кочевой деятельности. Она начала Украиной, вернулась на несколько концертов в Москву, а затем отправилась в далекое путешествие на Дальний Восток. С марта по июнь она ездила от стации к станции между сибирским Кузнецком и далеким Владивостоком. Она пела перед шахтерами и кузнецами, пела перед рабочими совхозов и красноармейцами в лагерях Дальнего Востока.

Вернулась в Москву усталая... и поехала на Кавказ. А теперь едет в Самару. Три дня и три ночи пути туда и обратно ради двух вечеров цыганских романсов (о которых самарцы будут говорить две недели, пока не приедет из Москвы лучший советский скрипач или декламатор).

— Немного утомительное искусство, не правда ли?

— Я не в силах себе представить иного счастья. Не могу понять тех, кто предпочел пребывание за границей. Никогда не пойму Шаляпина. Гениальный голос, но самоубийца. Как может художник отказаться от такой публики, какая есть только в Советском Союзе? Я сама была в заграничном турне, лет пять тому назад, тогда еще не свирепствовал кризис, как сейчас, мне понравились европейские города, но я тосковала. Это не жизнь и не публика для подлинного искусства. Возможно, в будущем году я опять поеду на несколько недель в Европу, но остаться там, потерять самого чуткого слушателя на свете — советского пролетария,— нет, ни за что...

Сотни лучших представителей советского искусства постоянно разъезжают по Советскому Союзу, как и Тамара Церетели. Ездят солисты, ездят целые театры,

ездят большие музыкальные коллективы. Год тому назад, например, Московская филармония выезжала в Донбасс. Сто человек. Она побывала во всех шахтерских городах и городках Донбасса — целый месяц ездила по этому горняцкому краю. И всюду шахтеры приветствовали артистов на вокзалах с красными знаменами и своими оркестрами.

«Вы понимаете, какие это слушатели?»

Тамара Церетели изъездила почти весь Советский Союз. Во многих местах она побывала по два, три раза и больше.

«Это прекрасное кочевничество. Никогда не попадаешь в знакомые места. Год назад ты был в Кузнецке, приезжаешь туда снова — и это новый, до неузнаваемости новый Кузнецк. Возвращаешься в Москву и видишь, что опять уже Москва стала иной, чем была месяц назад...»

Во тьме мы рисуем в своем воображении гигантскую страну, которую пересекает наш поезд. Растут новые города, новые фабрики, новые люди,— величайшая культура человеческой истории. Грезы осуществляются на наших глазах. Открой их — и увидишь. Увидишь действительность, которая уже перестала быть грезой.

Но глаза смыкаются.

Мы засыпаем в темноте, где-то под Сызранью.

Утром — Самара.

Тамара Церетели быстро складывает багаж, хлопочет, как испуганная курица, и разыскивает халат, «без которого она не может жить».

На перроне ее ждут рабочие электростанции, пригласившие артистку к себе.

Я кричу ей вслед: «Генацвале!» — единственное грузинское слово, которое я от нее усвоил. Оно означает нечто вроде: «Все злое в твоей жизни пусть понесу я». Я становлюсь восточным человеком.

Соседи опять заводят граммофон:

У самовара я и моя Маша...

Вот это, конечно, Европа.

«Руде право», 6 января 1936 г.

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА И НОВЫЕ ЛЮДИ

(Заметки и разговоры в поезде)

Аральское море, 25 декабря 1934 г.

Я проезжал по этому пути четыре года назад. Уже на второй день, когда мы приближались к Чапаевску, я начал сравнивать. Четыре года назад это была деревня с едва приметным заводиком. Я помню ее. Тогда нам говорили, что здесь *будет*...

И вот он: восходящее солнце заслонено могучими зданиями, трубами, высокими водонапорными башнями, из которых в тридцатиградусный мороз валит пар. А с левой стороны пути — город с новыми жилыми домами.

Новый город: Чапаевск.

Место Тамары Церетели не осиротело. В Самаре вошел новый пассажир. И опять женщина. С ребенком, пятилетним Сашей. Саша ползает по полкам вагона и багажу, а она испуганно следует за ним глазами, прикуривает одну папиросу от другой и, приняв сентиментальную позу в углу нижней полки, жалуется на свою жизнь.

Ее муж был рабочим. Учился. Год назад стал инженером. Она пожертвовала собой ради него. Сама ничего не получила от жизни. Постарела — разве мы не видим, как у нее седеют волосы? А она еще не так стара. Двадцать девять лет. Едет в Ташкент, к брату. Не может перенести лютой самарской зимы. Она и Саша, ее единственная радость.

Мы не жалеем ее. Она милая, но отсталая при всем своем знании французского языка и отличной начитанности в русских классиках.

Заметив, что мы не согласны с ней, она расказывает о ничтожности окружающей жизни.

Через час она уже с удовольствием убирает наше купе, стараясь показать, как она при этом страдает. Мы делаем вид, что ничего не замечаем, и помогаем ей. Это раздражает ее. Мы отнимаем у нее жизненное назначение.

Это старый тип женщины в новой среде. Домашняя хозяйка, труд которой утратил свой ореол. Она, несомненно, умеет печь великолепные торты, но с этим уже никто не считается: наша фабрика «Большевик» в Москве делает их еще лучше. Любая женщина на производстве значит больше, чем она. На ее глазах выросли тысячи таких женщин. Целый новый мир. А она, Елизавета Николаевна, еще не решилась осознать свою отсталость. С горечью закрывает она глаза и поет в углу купе сентиментальные песенки о безответной любви, тоске и смерти, песенки, какие уже редко услышишь в Советском Союзе.

— Что нового в Самаре?

— Ах, ничего!

— Как это ничего? Я читал в газетах о строительстве новой гигантской электростанции. Видел фотографию нового клуба. Действительно, красивое здание. А швейная фабрика?..

— Правда, правда... но, знаете, это такие мелочи...

Саша совсем другой. Это советский мальчик. Он решил исследовать функцию электрического выключателя в нашем вагоне, и только что ему удалось открутить штепсель и обжечь пальцы. Он сообщает это без плача, только весь красный от досады.

Елизавета Николаевна дрожит и закуривает папиросу. Проводник спешит ей на помощь и грозит Саше, что высадит его на ближайшей станции в степи.

Сашу не испугаешь.

— Подумаешь, пойдут другие поезда. Я сяду сзади и догоню вас. Все равно у вас опоздание.

— Не возьмут тебя, гражданин Александр Владимирович, а сзади, на буфере, ездить не разрешается.

— Не разрешается? А что же, гражданин Игнатий Серафимович, высаживать из поезда в степи маленьких детей — это разве разрешается?

Саше пять лет.

Остановка в Илецке. От станции в заснеженную степь убегает железнодорожная насыпь. Безуспешно рассматриваю карту. Это последнее издание железнодорожной карты СССР, но новая ветка из Илецка на нее не нанесена. Трудно в Советском Союзе изготовлять карты, когда большевики изменяют течение рек и степь превращают в большие города.

Тихий читатель с верхней полки нашего купе поправляет очки, ожидая моего вопроса, и затем объясняет:

«То, что вы видите здесь, в Илецке, это не ветка. Это будущая главная магистраль. Путь из Москвы в Ташкент через Самару невозможно долог. Пять дней и пять ночей. Новая магистраль ведет из Илецка на Саратов и оттуда в Москву. В Саратове построен через Волгу первый саратовский мост». Он показывает снимок. Грандиозная конструкция из железа и бетона. Новая магистраль приблизит Ташкент к Москве на 700 километров и сократит время пути на 48 часов. За три дня и три ночи мы сможем приехать из Москвы в Ташкент. И это будет прямое сообщение.

Железнодорожная насыпь уже построена на всем протяжении пути. Теперь кладут рельсы. Первый поезд из Москвы в Ташкент через Саратов отправится 15 мая 1936 года.

Впрочем, и путь через Самару уже требует разгрузки. А нужно ведь оказать помощь и оставшемуся участку: Илецк — Ташкент.

Помню: еще четыре года назад мы ехали по степи, степь напоминала зеленое море, среди которого торчали одни телеграфные столбы — сорок, пятьдесят километров мы ехали от станции к разъезду, от разъезда к станции. Теперь каждые пять, шесть или восемь километров мы проезжаем новый разъезд — новый одинокий домик, перед которым рядом с одноколейкой появляется вторая колея, способная принять состав с сотней вагонов.

К концу второй пятилетки здесь в основном уже будет две колеи.

Мой тихий информатор в очках и с курчавыми волосами — уроженец Ленинграда. Он работал там в железнодорожных мастерских, потом ездил помощником машиниста на магистрали Ленинград — Москва и одновременно учился.

Пять лет назад он уезжал из Ленинграда железнодорожным инженером-механиком. Уезжал в Ташкент, через год стал «старшим инженером» (ему было тогда 25 лет), а сейчас он начальник паровозной службы среднеазиатских железных дорог и доцент Среднеазиатского института железнодорожного транспорта.

Биография, как видите, короткая. Из его рассказа я опустил только одну фразу, решающую фразу:

«Когда мне было десять лет, вспыхнула пролетарская революция».

Наши соседи-комсомольцы вынесли граммофон в коридор. Они заводят его третий день без остановки и сейчас вовлекли в это дело уже весь вагон. В тесном коридоре танцуют моряки-командиры, которые через Ташкент и Ашхабад попадают из Москвы в Красноводск на Каспийском море... и наши соседи.

Наконец мне представляется случай исследовать причины их граммофонного пристрастия. Я стараюсь удержать на ногах спадающие шлепанцы и оттаптываю «самовар, его и его Машу», выспрашивая у своей партнерши-комсомолки, куда они едут и зачем.

Она ветеринар, он агроном. Только что закончили учебу. Едут на свою первую станцию. В совхоз у Джусалы. У обоих радостное желание работать.

А граммофон? Это подарок от друзей. От тех, которые уже прошли испытание в степи и знают, что такое год жизни вдалеке от Москвы, от театров, от кино, от всего, чем жили эти молодые люди, будучи студентами.

Я уважаю этот граммофон.

И даже фокстрот о самоваре и Маше в его исполнении мне больше не противен.

Ведь этот соратник молодых специалистов едет в места, которые только их руки приблизят к остальному миру.

Ташкентский инженер-железнодорожник с очками и курчавой головой уныло смотрит сквозь замерзшее окно на степь. Он ленинградец, северянин и тоскует по север-

ному воздуху, холмам, дремучим лесам.

А здесь в окнах вагона убегает степь, степь, степь. Покрытая снегом, она напоминает замерзшее море.

Четыре года назад здесь была только степь. Теперь под снегом здесь скрыты огромные поля зерновых совхозов и пастбища скотоводческих. Снег выпал без разбору на поля, пастбища и доныне бесплодные песчаные «барханы», движущиеся складки пустыни, но ты видишь: новые домики вдоль пути, новые улицы старых глиняных казахских деревень, совершенно новые поселки, новые хозяйственные постройки совхозов и новые ангары с отдыхающими самолетами, для которых два с половиной из трех миллионов квадратных километров Казахстана являются прекрасным естественным аэродромом. А потом видишь — человека. Все чаще в этих бесконечных пустых полях глаза встречают человека и его труд. Страшная, безлюдная степь превращается в мир, обжитый человеком.

Я говорю об этом инженеру-железнодорожнику. Может быть, он, здешний человек, уже не видит этого так хорошо, как я с перспективы четырех лет.

Он отвечает с улыбкой: «Вижу, вижу. И я знаю, что привыкну к этим местам только тогда, когда тут — а это обязательно будет — вырастут леса».

И он указывает на белую голую степь, на которой луна отражается, не давая тени.

«Руде право», 9 января 1935 г.

МИСТЕР ТВИСТЕР, СТЕПЬ И ВТОРАЯ ПЯТИЛЕТКА

(Заметки и разговоры)

Арысь.

В вагоне-ресторане сидит мистер Твистер. Так называют его соседи по купе, молодые супруги-комсомольцы. На нем короткие брюки-гольф (при взгляде на них чуть раскосые глаза наших узбеков прищуриваются улыбкой), он курит трубку и по временам небрежно поправляет мохнатый свитер. Нет, не думайте, это не англичанин. Это поляк, осевший в Париже, где у него своя меняльная контора. Пан Писковский имеет много денег, страсть к приключениям и намерение стать известным писателем. Он собирается начать с изучения «среднеазиатской экзотики», но казахские степи наводят на него, человека твердого духа, скуку. Характерные черты жизни Советского Союза его нисколько не интересуют, что, по его мнению, является безусловным признаком остроумия:

«Удивляюсь вам, пане, как вас все это не утомляет. Постоянно одно и то же: четыре года назад я был рабочим — теперь я инженер, пять лет назад я не умел еще читать и писать — теперь изучаю агрономию, два года назад здесь была голая степь — теперь тут совхоз... и так далее и так далее... это же, наконец, банально. Разве вы не видите ничего, что заслуживало бы гораздо большего к себе интереса в этой стране, имеющей тысячелетнюю историю? Я сбежал из Москвы, потому что там попирают историю ногами в замызганных калошах. Вся моя надежда — это Бухара. Вы читали «Голос угнетенной Бухары» Саида Алимхана? Нет? Жаль, пане, для вас, культурного человека, это большое упущение.

Вы бы поняли тогда всю глубину греха тех, кто насилует историю. Но насилие над Бухарой будет, пане, для большевиков нелегким делом. Бухара — это ведь более чем тысячелетняя культура. Обломают они себе зубы, пане. Их заставят снять грязные галоши...»

«Вы долго прожили в Бухаре?»

«Нет. Я там еще не был. Еду туда впервые. Но я читал великолепную книгу Саида Алимхана...»

Не знаю, как выглядит пан Писковский (Пьер Блох и К°, Париж) со своим остроумием в кругах французских биржевиков. Но здесь, в поезде, который идет по советской земле, он смешон. Он смешон, как цилиндр или напудренная коса пана актуария[1] на террасе современного курорта. Он смешон тем, что черпает представление о советской Бухаре из книги бывшего эмира бухарского, тем, что его не интересует советская действительность.

Как же не смеяться над ним, над паном Писковским, мистером Твистером!

Мы проезжаем Эмбу. Четыре года назад (пан Писковский равнодушно зевает) неподалеку отсюда, на маленьком разъезде под Эмбой, в наш поезд сел новый пассажир. Он поминутно вынимал какой-то флакон и разглядывал — на солнце, на электрический свет — жидкость, которая, судя по наклейке, была одеколоном, но цветом совсем на него не походила. Тогда-то я и услышал впервые о нефтяных залежах на Эмбе. Это был инженер, он рассказывал об изыскательных партиях, занятых поисками нефти. И они нашли ее. В флаконе, из которого был предварительно вылит драгоценный (в степи) одеколон, инженер вез нефть, чтобы показать ее советскому правительству.

Так было четыре года назад. Теперь на Эмбе несколько тысяч рабочих. Промысел дает самую чистую в мире нефть, и богатства ее настолько велики, что даже Баку смотрит через Каспийское море на своего нового соперника и помощника с легкой завистью. Четыре года назад инженер прискакал к поезду на коне, запыленный, измученный двухдневной ездой. Теперь он смог бы уже приехать на автомобиле, хотя и по примитивному

[1] Судебный протоколист (стар).

временному шоссе, а скоро сможет доехать и поездом по новой железной дороге, проложенной через степь и пустыню. Эта дорога пройдет из Туркменистана вдоль Аму-Дарьи к южным оазисам Аральского моря и дальше, к северным берегам Каспийского моря, через весь нефтяной район, вплоть до железнодорожного пути Москва — Ташкент.

Пан Писковский любит историю минувших тысячелетий. Он хочет, чтобы его считали остроумным, и не видит того, что легко мог бы понять каждый: здесь начинается история будущих тысячелетий.

Оба проводника нашего вагона — ударники. Они работают посменно. Пять дней и пять ночей из Москвы до Ташкента, два дня — отдых, пять дней и пять ночей из Ташкента до Москвы. И тогда уж, в Москве,— отдых двенадцать дней. Младший из них упорно отсыпается в свои свободные часы и по утрам делает упражнения по реформированному Мюллеру. Он с нетерпением ждет приезда в Москву, двенадцати свободных дней, в расчете на которые у него уже припасены лыжи. Предстоит небольшая зимняя прогулка — каких-нибудь 600 километров. Старший полеживает на полке с книгой и блокнотом. Книга называется:

«Технология железа».

Ему сорок два года.

Джусалы. Супруги-комсомольцы, специалисты по агрономии и ветеринарному делу, здесь выходят.

Поезд идет тихо, не слышно уже их граммофона (страсть, которую они везли с собой в степь). Через час мы уже соскучились по ним. И по этому ужасно популярному фокстроту:

У самовара я и моя Маша...

Ночь. Все тот же вечный месяц светит над занесенными снегами песками.

Туркестан. Постановление комсомола, обязывающее всех комсомольских работников регулярно бриться, имеет и свои теневые стороны. Или веселые, это как вам угодно.

Товарищ Бочкарев, редактор «Комсомольца Востока», не хочет с пятидневной щетиной выходить из поез-

да в Ташкенте. Туркестан — удобная станция для того, чтобы наскоро забежать в парикмахерскую. Так мы решаем, ознакомившись с расписанием.

Парикмахер спешит. Но вот беда. Оказывается, у нашего поезда опоздание. И к тому же — достаточный запас воды. Остановка сокращена. Товарищ Бочкарев вскакивает в вагон уже на ходу, смущенно прижимая к одной щеке платок. Теперь он не вылезает из купе и сидит в уголке, опершись левой щекой о мягкую стенку вагона. Но солнце разоблачает его недуг: он обрит только наполовину.

У нас появляется повод для двухчасового разговора о важности и гигиене бритья.

Арысь. Четыре года назад (опять!) эта маленькая станция, от которой шла ветка на Киргизскую республику, превратилась в важный железнодорожный узел. Дело в том, что в Луговой ветка продолжилась...— продолжилась на полторы тысячи километров, составляющих длину *Турксиба*...— а здесь, в Арыси, Турксиб собственно и берет свое начало. Приехали мы тогда в неудачное время. Станция Арысь еще не была приспособлена к своим новым функциям. Во всем этом глиняном городке не было места, на котором не спали бы люди — сами хозяева, и сотни железнодорожных работников. Люди спали на вокзале, на полу, голова к голове. А нам тоже нужно было где-то переночевать. Но где? Даже ГПУ, которое всегда помогало там, где никто уже не мог помочь, не нашло пристанища для своей делегации. Мы уложили женщин и вместе с начальником ГПУ пошли ночевать в степь. Ночь, полная любви. И пробуждение было таким же. Я ощутил теплое дыхание и влажные поцелуи. Мне почудилось, что это женщина. Я открыл глаза.

Меня облизывал верблюд.

Теперь в Арыси благоустроенная гостиница для железнодорожников, с ванными, свежим постельным бельем и медицинским обслуживанием. Это, впрочем, понравилось и пану Писковскому.

Снег исчез. Мы въезжаем в туманную осень. Скоро Ташкент.

«Руде право», 16 января 1935 г.

О ДЖАНКОХЕ, ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНИХ И ШКОЛЕ

(Заметки и разговоры)

Ташкент.

«Когда-то здесь был Джанкох...»

Просто не верится. Ведь я еще сам помню Джанкох. Всего четыре года назад он представлял собой базарную площадь, в которую вливались узкие, грязные улицы. Лошади, овцы, отбросы, навоз... Арбы, как танки, преодолевали на своих высоких колесах впадины и камни, скрытые под толстым слоем пыли; смуглые люди в тюбетейках и халатах цвета пыли стояли, спешили куда-то, наталкивались друг на друга и бранились; в арыке «журчала» грязь. Таким был Джанкох четыре года назад.

«Это самое грязное место во всем Ташкенте»,— говорили нам тогда, и такое утверждение казалось нам даже несколько скромным. Пожалуй, с неменьшим основанием можно было сказать, что это самое грязное место в мире.

И вот здесь был когда-то Джанкох?

Вместо лабиринта грязных улочек — широкий прямой проспект, идущий от центра города.

По одну его сторону — богатый парк, по другую — красивый стадион, где народы Средней Азии впервые в своей истории сражаются ради трофеев в толкании ядра, футболе, гимнастике.

Но над бетонированным овалом стадиона еще горбятся глиняные домики старого города, а грязный арык по-прежнему служит источником воды. Сейчас все эти следы старого особенно назойливо лезут в глаза, ведь именно сейчас, когда так много уже сделано, видишь, сколько работы еще осталось.

«Иногда прямо голова идет кругом»,—говорит мне старый Рахман Ахмедов, ныне сторож стадиона.

«Прямо голова идет кругом, когда подумаешь, что мы могли так жить...»

Старый Рахман Ахмедов раньше был носильщиком в Джанкохе. В марте 1931 года его избрали членом районного совета, старый носильщик научился читать и писать, хорошо работал, и теперь его переизбрали снова. Он все еще находился под впечатлением от своего отчета перед избирателями, когда он рассказал обо всем, что здесь было сделано меньше чем за четыре года.

«Когда меня выбрали, я плакал от радости, ведь ни о чем подобном я даже не мечтал; но когда я пришел на первое заседание нашего совета и мы начали разбирать стоящие перед нами задачи, когда я увидел, как много надо сделать, я готов был заплакать от огорчения. Столько работы, столько работы, все изменить — не знаешь, с чего и начать... Но все же мы начали...»

В 1897 году в Ташкенте было 155 673 жителя. *За тринадцать лет* его население выросло меньше, *чем на пятьдесят тысяч,* и в 1910 году статистика насчитывала в нем 201 191 жителя.

В 1920 году в Ташкенте жило 232 000 человек, и *за тринадцать лет* — до 1 января 1934 года — число это возросло *больше, чем на 300 000.* Сейчас в Ташкенте 543 000 жителей, из которых две трети — узбеки и представители других народов Средней Азии и одна треть — русские.

Так быстро растет Ташкент, но все развернувшееся в нем строительство — строительство жилых домов, промышленности, школ, культуры — должно поспевать за ростом в десять раз более быстрым. Ведь наследие, которое столица Узбекской советской республики получила от колонизаторского режима русского империализма, было страшным.

Рахману Ахмедову шестьдесят два года. Читать и писать он научился всего неполных три года назад. До тех пор он мог только подписать свое имя, но и этому научился уже после революции, когда в школах советского Узбекистана был введен латинский алфавит. Сейчас Рахман в числе тех четырнадцати процентов шестидесятилетних ташкентцев, которые гордятся своей грамотностью. И вот теперь, когда он уже умеет

читать, теперь только у него идет кругом голова при мысли о жизни, которую он прожил и которую терпел,— и только теперь понял он, почему генерал Кауфман, несший в Среднюю Азию «цивилизацию» русского царизма, считал уместным метод обучения узбеков с помощью прикладов, сабель и пуль своих казаков, но решительно был против обучения грамоте в школах.

Всего-навсего два процента узбеков умело до революции читать и писать. Это были в первую очередь муллы и сынки узбекских феодалов или буржуев.

Они пользовались недоступной для массы трудящихся арабской письменностью, всеми тонкостями которой даже сами редко овладевали по-настоящему. Еще и сейчас ташкентская статистика (по переписи 1932 года) дает нам наглядные свидетельства того положения, которое существовало в эпоху правления кокандских и бухарских ханов и которое не изменилось за время владычества русского империализма.

В 1932 году в Ташкенте жило 9938 узбеков-мужчин старше шестидесяти лет, из них читать и писать умело 1360—13,7 процента. Более 1300 из них научилось читать и писать только после революции. Женщин-узбечек старше шестидесяти лет было в это время в Ташкенте 9386. Писать и читать из них умело только 356 (3,8 процента), и все они научились этому только в советском Узбекистане.

И сравните с этим современную узбекскую молодежь! Всю историю Средней Азии, всю силу революции, до основания изменившей здесь жизнь, вы можете вычитать из маленькой таблички сухих цифр, которые я извлек из ташкентской статистики.

В 1932 году в Ташкенте было жителей узбекской национальности:

	Мужского пола	Из них грамотных	%	Женского пола	Из них грамотных	%
Старше 60 лет	9938	1360	13,7	9386	367	3,8
В возрасте 50—59 лет .	6823	1843	27,0	6633	344	5,2
В возрасте 20—29 лет	19037	14316	75,2	18413	5873	31,9
В возрасте 10—19 лет	17916	16303	91,0	21048	14733	70,0

Может ли кто-нибудь не видеть, может ли кто-нибудь не ощущать всю силу этой таблички сухих цифр? Эта табличка показывает, какое страшное наследие неграмотности оставил умирающий русский капитализм свободным узбекам, она показывает, как решительно приступила советская власть к созданию грамотных кадров, и она показывает также, какую борьбу пришлось вести, чтобы сломить удушающее влияние ислама, который не признает женщину за сознательное существо. Мы видим, как далеко заходило это влияние, если еще среди молодых людей — двадцати-тридцати лет — мог удержаться такой разрыв в грамотности мужчин и женщин. Но мы видим уже и огромные результаты борьбы против неграмотности; 91 процент молодых узбеков, отцы которых дали дореволюционной статистике 98 процентов неграмотных, и 70 процентов узбечек, матери которых были стопроцентно неграмотными.

И это цифры 1932 года. С тех пор прошло два года... и в Ташкенте *нет* больше неграмотных молодых людей до двадцати лет ни среди молодежи мужского пола, ни среди молодежи женского пола. Сто процентов — вот цифра, которая была бы занесена в рубрику грамотных от 10 до 20 лет, если бы перепись в городе Ташкенте проводилась сегодня.

И остальные цифры в нашей табличке сегодня изменились бы. Такова судьба всех советских статистических данных: они принадлежат истории уже в тот момент, когда издаются. Слишком быстро развивается в советской стране жизнь, чтобы цифры статистических таблиц поспевали с ней в ногу. Но она — советская жизнь — не развивается сама собой. Ее движут руки людей, их воля, их сила. И вот, если *согласно статистике* Рахман Ахмедов относится к тем 14 процентам ташкентских шестидесятилетних, которые научились читать и писать, то *в действительности* он относится уже к восемнадцати процентам таких удивительных стариков. Новые шестидесятилетние присоединились к Рахману Ахмедову. Его полку прибыло. И новые пятидесятилетние, сорокалетние и тридцатилетние перешли из рубрики неграмотных в рубрику грамотных. Потому что с 1931 года по ноябрь 1934 года в Ташкенте 180535 мужчин и женщин прошли особые школы для взрослых и 145167 из них вышли в

жизнь с новыми знаниями — с умением читать и писать. И только за период от переписи 1932 года по нынешний день в ташкентских школах было свыше 140000 учащихся, из которых 91000—узбекской национальности.

Если бы я писал эту главу не в конце 1934 года, а в конце 1935, она была бы короче, но еще наглядней. В ней говорилось бы только:

До революции в старом городе Ташкенте не было грамотных, кроме муллы.

Сегодня нет муллы и нет неграмотных.

И нет — было бы в ней сказано также — старого города Ташкента, но есть новый, современный город Ташкент, соответствующий требованиям гигиены. Можно ли сомневаться в этом, если грязный Джанкох превратился в красивый стадион, а неграмотный носильщик Рахман Ахмедов стал грамотным членом райсовета? Но когда видишь это и видишь, сколько работы еще остается, считаешь своим долгом засучить рукава и приняться за дело — быстро и основательно.

Темпы, темпы, темпы. Это не надуманное приказание подгонять историю. Это жизненная необходимость для каждого советского человека, который как Рахман Ахмедов понял, что жизнь, настоящая, хорошая и счастливая жизнь, может быть только делом его собственных рук.

«Руде право», 18 января 1935 г.

07-2 с

ПО КОЛХОЗАМ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

(Материалы, заметки и разговоры)

Андижан, 30 декабря 1934 г.

Едва успеешь немного поразмяться на ташкентских улицах — и уже снова садишься в поезд. Ты не в мягком вагоне, как во время пятидневного пути по магистрали Москва — Ташкент; Андижан находится недалеко: всего день и ночь пути — и по железнодорожным колеям Ферганы не ходят экспрессы. Впрочем, твердые доски широкого деревянного ложа ощущают своими боками лишь двое в вагоне: я да еще один несчастный «европеец», молодой управляющий мясного треста из города Фрунзе. Наши спутники-узбеки входят с огромными разноцветными тюками, которые возникают так: кусок хлеба и маленький чайник завертываются в широченное стеганое ватное одеяло с цветастым или полосатым верхом. Они находят свои места, тщательно очищают деревянное ложе в «первом» или «втором» этаже нашего вагона, расстилают свое стеганое одеяло и садятся на него, предварительно сняв грязные галоши со своих мягких высоких сапог с эластичными подошвами, какие бывают на домашних туфлях. Узбеки все еще отдают предпочтение удобству сидеть скрестив ноги. Сидеть на стуле с опущенными ногами для них в большинстве случаев столь же утомительно, как для нас сидеть на корточках. А они, которые в свободное время могут проехать на коне или верблюде сто километров по степи, чтобы навестить приятеля и выпить с ним чашку кок-чая, они любят удобство.

Теперь они уселись на своих мягких одеялах и разговаривают протяжными гортанными голосами, читают «Кзыл Узбекистан» или тихо поют монотонные песни.

Мы оставили за собой Урсатьевскую и пересекаем часть территории Таджикистана на пути к Ходженту. К железнодорожному полотну приблизились горы и с ними новые богатства Средней Азии. Выгляни из поезда направо или налево, в сузившуюся долину Сыр-Дарьи, где вечно белые руки высокогорного хребта Терскей-Алатау, обнимающие всю Ферганскую долину, опять почти касаются друг друга. Все, что ты здесь видишь, все эти безлесные заснеженные склоны Туркестанского хребта направо и Могол-тау налево скрывают большие богатства, которые лежали мертвым капиталом, не использованные на благо человечества ни ферганским феодализмом, ни русским капитализмом.

И богатства, подземные богатства заключены не только в этом последнем отроге Терскей-Алатау, но и во всех заснеженных горах, окружающих Ферганскую долину. Тут есть уголь, нефть, графит, асбесты, железные руды, медь, никель, кобальт, сера, соль, известь, лечебные источники и грязи — все, что делает эту часть Средней Азии сложнейшим тектоническим узлом Советского Союза, все, что только теперь открывают, исследуют и оценивают советские люди. Здесь проектируются новые электрические станции, бурятся новые нефтяные скважины и закладываются новые угольные шахты, здесь, над чудесными лечебными источниками, основываются новые курорты для трудящихся Советского Союза.

Когда вы услышите более подробный рассказ об Алмалыкстрое или Шор-Су-строе, вы осознаете, что по своей экономической мощности это гиганты не меньшего значения, чем Днепрострой, и стройки *исторические,* с точки зрения их политического значения, ибо они являются документами *национальной политики коммунистической партии.* Например, шахты с угольными запасами в триста миллионов тонн — документ, без сомнения, достаточно весомый.

Придя к власти, русский пролетариат не следует по стопам уничтоженных им русских капиталистов. Для него Средняя Азия не колония, которую он имеет право эксплуатировать. Средняя Азия для него — край, населенный народами, которым он обязан помогать на пути от феодальной отсталости к абсолютной самостоятельности членов социалистического бесклассового общества.

Советский Союз не только строит школы для всех своих народов. Советский Союз не только издает книги на языках всех своих народов, некогда угнетенных и насильственно удерживаемых в некультурном состоянии. Советский Союз не только обеспечивает политическое равноправие граждан всех национальностей. Советский Союз знает также, что самые искренние слова о национальной самостоятельности, о самоопределении народов всегда останутся только словами, если каждый народ не будет иметь самостоятельной экономической базы. И поэтому лучшие научные силы направляются на исследование всех экономических возможностей и всех неиспользованных богатых ресурсов в землях, народы которых во время революции завоевали свободу с помощью всего советского пролетариата. Алмалыкстрой — это создание не промышленного гиганта России, а промышленного гиганта *советского Узбекистана*. Кзыл-Кия — это богатые угольные шахты не России, а *советской Киргизии*. Ни одно капиталистическое государство не дало бы и не могло дать столь могучее оружие в руки угнетенного народа, какие бы сладкие речи ни говорились о его национальном освобождении. Оно не дало бы ему промышленной базы и не могло бы помогать в ее создании, потому что этим оно подрывало бы основу своего существования: эксплуатацию. Вот почему также ни одно капиталистическое государство никогда не может разрешить национальный вопрос.

А проезжая по Узбекской советской республике — УзССР,— ты не можешь сомневаться в том, что здесь этот вопрос был разрешен.

Слишком много доказательств — от узбекских вузов (в стране, которая была почти стопроцентно неграмотной) до промышленных гигантов — в стране, которая не имела промышленности,— ясно говорит о том, что культурная и экономическая отсталость Узбекистана была ликвидирована, что было разбито бремя, которое толкало узбекский народ в число несвободных, угнетенных, эксплуатируемых народов.

Было бы несправедливо, если бы я не отметил, что в Узбекистане были — и еще есть — свои националисты, которые «национальное освобождение» Узбекистана представляли себе иначе, более «по-европейски». Эти «патриоты» то здесь, то там вылезают еще на дневной

свет и пытаются по примеру своих европейских братьев способствовать росту шовинизма. Они изобретают фразы, достойные Гитлера и пана Стршибрного[1]. И, разумеется, сами они вполне достойны общества европейских фашистов. Это бывшие манапы или сыновья манапов, бывшие муллы или сыновья мулл, остатки молодой узбекской буржуазии, которые пользуются — или теперь, пожалуй, лучше сказать пользовались — националистической фразеологией для борьбы против советской власти.

Свобода узбекского народа? Какая это свобода, если они, узбекские феодалы и буржуазия, не имеют права эксплуатировать свой народ? Свобода батраков и дехкан, колхозников и пролетариев означает для манапов, для узбекских эксплуататоров в тысячу раз большую неволю, чем гнет русского империализма.

Итак, «патриотическая» контрреволюция «действовала». Пробиралась на руководящие посты, вредительски тормозила развитие узбекской промышленности, вредительски наносила ущерб урожаю хлопка, пыталась развалить колхозы, направить по неверному пути развитие культуры, сеять недовольство, шовинистическую ненависть, агитировать против советской власти.

Агитация узбекских националистов, агитация среди людей, всего 17 лет назад бывших страшно отсталыми, не имела такого успеха, как агитация шовинистов среди «цивилизованных европейских наций». Наблюдая за своим соседом-узбеком, который внимательно читает в «Кзыл-Узбекистане» речь руководящего товарища на пленуме городского совета, ты понимаешь, какой свободный рост сознательных людей возможен при диктатуре пролетариата и какую страшную роль играет капитализм, который и свет культуры умеет использовать для затемнения голов угнетенных и эксплуатируемых.

Нельзя отрицать: узбекские националисты были изобретательны в своей контрреволюционной деятельности. Но их изобретательности противостояла революционная бдительность. И, быстро вытесняемые с каждой позиции, которую они заняли с помощью какого-

---

[1] Стршибрный Иржи — лидер чешских фашистов.

нибудь обмана, узбекские националисты все с большей и большей надеждой обращали свои взгляды к горам памирского узла. Там, в горах, были басмачи, военная сила контрреволюции. Сыновья баев, манапов, мулл и несознательные кочевники, удерживаемые в послушании фразами о свободе народа и цитатами из корана,— вот из кого состояли банды басмачей. А их деятельность?

Я еду в Шарихан. Это центр хлопкового района в самом конце Ферганской долины, района колхозников, которые со времени революции выросли из несчастных, забитых батраков в хороших и свободных хозяев. И хотя это район богатый, в нем еще и сегодня видны следы басмаческой деятельности.

До войны в районе было почти 60000 жителей. Сейчас в нем осталось лишь 30000. И это сегодня, в 1934 году, после десятилетней работы, которую с неслыханным упорством проводили здесь Советская власть и Коммунистическая партия Узбекистана, восстанавливая хозяйство, разрушенное басмачами. До войны в районе было более тысячи крестьянских селений. В 1924 году, после бесчисленных наездов басмачей, во всем районе осталось только... 17 селений. Басмачи нападали на кишлаки — узбекские деревни,— грабили, уводили скот, сжигали дома, насиловали женщин, убивали каждого, кто пытался защитить свое имущество, они истребляли трудовое узбекское население, и за этим с вооодушевлением следили «узбекские патриоты», которые в смерти и обнищании колхозников видели надежду на возвращение своей власти — власти манапов и баев, власти узбекских феодалов и узбекской буржуазии. (Скажите, что этот «узбекский патриотизм» не похож на патриотизм европейской буржуазии!)

Сейчас в Шариханском, ныне Сталинском, районе 137 *колхозов* и только под хлопок возделывается 14000 гектаров земли. Между тем, что было в 1924 году, и тем, что есть сейчас, лежат десять лет упорного труда и упорных боев с басмачами. Если вы знаете героическую историю узбекской, киргизской и таджикской Красной Армии тех лет, вы не удивляетесь тому, что сегодня ферганские колхозники с искренней любовью смотрят на красноармейскую форму.

Но они смотрят на нее не только как на одежду сво-

их защитников. Они смотрят на нее как на *свою* одежду. Потому что колхозники сами сражались против басмачей. Это была самая удивительная боевая организация двадцатого столетия: настоящая стотысячная армия, вооруженная только... *палками*. Другого оружия не было, запасов винтовок и револьверов хватало всего для нескольких членов колхоза, остальные же вооружались только палками. «Красными палочниками» называли эту армию. И эта армия, над которой басмачи сначала лишь смеялись, через два года наводила на них ужас. Ведь в ней сплотились все трудящиеся, весь трудовой народ объединился в ней для борьбы против «национальной армии» грабителей-басмачей.

Узбекский народ сводил счеты с контрреволюционными «патриотами».

Когда в 1930 году я ехал в киргизские горы, мне дали во Фрунзе револьвер.

«Зачем?»

«В горах еще держатся басмачи. И манапы снова поднимают голову. Ибрагим-бек появился на советской территории».

Ибрагим-бек был самым прославленным военачальником басмачей. Жестоким, отважным и ловким военачальником. Но его банды уже в минувшем году были наголову разбиты, разогнаны, разоружены, и сам Ибрагим-бек спасся только благодаря бегству за границу. Откуда он взял теперь свои новые войска, откуда он взял оружие, откуда он взял деньги для организации своей новой армии?

Эта загадка была выяснена лишь в 1931 году, когда Красная Армия еще раз и уже окончательно разбила басмаческие банды, а «красные палочники» сами захватили в плен грозного Ибрагим-бека.

Ибрагим-бек был хитер и коварен. Ему не хотелось верить, что его игра окончательно проиграна. Он пытался спастись с помощью подкупа. Когда красные палочники передали его Красной Армии, Ибрагим-бек предложил командиру за свою голову красивые часы.

Командир с усмешкой взглянул на их марку.

Часы были... *английские*.

И не только часы: и оружие, и деньги, которыми Ибрагим-бек воспользовался для своего нового побега,

были даны английскими капиталистами, давно мечтавшими превратить Среднюю Азию в свою колонию.

А узбекские «патриоты» аплодировали армии Ибрагим-бека, довольно потирали руки, предвкушая удачное осуществление английских замыслов. Узбекистан в качестве английской колонии был для них в тысячу раз приемлемее Узбекистана — советской республики.

И разве после опыта «дружбы» заклятых врагов — французских, немецких, чешских и польских фашистов — мы не можем сказать, что своей антинациональной политикой узбекские националисты мало чем отличаются от националистов европейских стран?

«Руде право», 27 января 1935 г.

КОЛХОЗНИКИ НА TOUR DE USSR

Москва, 20 июля 1935 г.

На велосипедах, на конях, на собаках по СССР

Каждый год во Франции устраиваются большие велосипедные гонки вокруг всей Французской республики: «Tour de France ...» Прославленные велосипедисты пересекают долины рек и «берут» склоны Пиренеев, выбиваясь из последних сил, потому что победа означает хорошую или по крайней мере обеспеченную жизнь в течение всего следующего года. Это тяжелая и рискованная работа, и называют ее спортом. Рекламные агентства придумывают сенсационные плакаты, расхваливающие это зрелище; устроители соревнований рассчитывают, на каком отрезке пути лучше всего организовать напряженное состязание лидеров гонки, чтобы получить наибольший доход, а владельцы тотализаторов инструктируют фальшивых советчиков, чтобы как можно больше заработать на заключенных зрителями пари. Это хорошая, прибыльная торговля, и называют ее спортом. На самых интересных участках гоночной трассы стоят тысячи зрителей, привлеченных рекламой и кричащими заголовками газет, платят, спорят, выкрикивают «ура!» и улыбаются, проводят свое время, если его у них слишком много, и забывают о своих житейских заботах, если у них слишком много забот,— болеют; и называется это интересом к спорту.

На площади Свердлова, в центре Москвы, стоит большой красивый стенд. На нем вывешено пятнадцать фотографий, нарисован молодой, несколько олеографически приглаженный велосипедист и карта, на которой толстой красной чертой соединены Москва, Южнов, Го-

мель, Киев, Днепропетровск, Константиновка, Сталино, Харьков, Курск, Тула, Москва. Это маршрут, по которому совершают сейчас велосипедный пробег четырнадцать студентов Московского института архитектуры во главе со своим директором. Маршрут в четыре тысячи километров! Достойный конкурент для Tour de France. Но расстояние и средство передвижения — единственное, что здесь напоминает большие французские гонки. Во всем остальном мы увидим различие — различие, какое существует между настоящим спортом и каторжной работой в сочетании с бизнесом. Жизнь этих пятнадцати велосипедистов никак не зависит от результатов их пробега. Они едут, потому что им захотелось ехать. На их спортивных достижениях никто не наживается. Они сидят на велосипедах, но на их шее не сидит предприниматель. Не висят заботы. Потому что обо всем необходимом для них заботится институт. Он дает им средства, дает возможность заниматься большим велосипедным спортом.

И болельщиков здесь тоже нет. Каждый день на стенде на площади Свердлова появляется новый красный флажок в том месте, до которого велосипедисты доехали предыдущим вечером. Люди останавливаются, смотрят и, гордые своими молодыми согражданами, говорят: «Вот молодцы!» При этом у них может возникнуть только одна мысль: тоже ездить на велосипеде. По дороге в каждой деревне молодых велосипедистов приветствуют молодые и старые колхозники, а после того как спортсмены проедут, комсомолец, выполняющий в колхозе обязанности физкультурного инструктора, имеет удобный случай агитировать за расширение велосипедного спорта. На более значительных остановках возникают целые митинги. Велосипедисты рассказывают о спортивной тренировке, а поскольку это студенты-архитекторы, они вскоре бывают вынуждены подробно объяснять новый грандиозный план Советского Союза: десятилетний план реконструкции Москвы. (Московские артисты, которые месяц назад предприняли подобную же поездку, исполняли во время остановок короткие сцены из своего репертуара или импровизации собственного сочинения. Они утверждают что для них это был самый приятный отдых.)

Так совершают свою поездку по Советскому Союзу пятнадцать московских архитекторов.

Таков один маленький, зато по-настоящему спортивный Tour de USSR. Но одновременно с ним... сегодня в полдень в Москву приехали шесть велосипедистов, которые проехали 3900 километров, отделяющих Москву от... Средней Азии. Кто же эти обладатели замечательной спортивной выносливости? Профессионалы? Нет, в Советском Союзе не встретишь спортсменов-профессионалов. Один из них — летчик, другой — культработник фирюзского дома отдыха, третий — колхозник из Байрам-Алийского района, четвертый — красноармеец из Кушки, пятый— слесарь из Мерва, и шестой — рабочий с ашхабадского телеграфа.

... Завтра в Москву приедут участники массовых велосипедных гонок Ленинград — Москва, рабочие и служащие советских заводов.

... В город Куйбышев, бывшую Самару, приехало шестьдесят велосипедистов — участников большого пробега длиной восемь тысяч километров из Ленинграда через Москву, Горький, Свердловск, Магнитогорск, Куйбышев, Саратов, Харьков, Киев и снова в Москву.

... На Дальнем Востоке был дан старт пробегу рабочих-велосипедистов из Владивостока... до самого Кузнецка.

Группа рабочих выехала на велосипедах из Тбилиси в Москву...

... и так далее.

Ибо перечислить все большие велосипедные мероприятия, которые проводятся в этот момент на территории Советского Союза, вряд ли возможно. Это не бизнес, а чисто спортивные мероприятия, их не сопровождает газетная реклама, и о многих из них мы узнаем лишь в том случае, если они дадут особенно выдающиеся спортивные результаты. Но всегда это спорт, настоящий спорт. И благодаря тому, что советское правительство, а также партийные, комсомольские, профсоюзные, физкультурные организации постоянно уделяют огромное внимание каждому спортивному мероприятию, спорт в Советском Союзе распространен так, как ни в одной другой стране мира.

Мы говорили о путешествиях по Советскому Союзу на велосипедах. Но в то же самое время, когда тысячи

советских велосипедистов гонят свои машины по дорогам СССР, осуществляется и целый ряд других спортивных путешествий самого различного типа. Так из Ашхабада, столицы советской Туркмении, в Москву выехало 29 колхозников на... конях. Им предстояло проехать почти четыре тысячи километров. Колхозники уже преодолели самый трудный участок пути: пустыню Кара-Кумы и Усть-Урт. Две тысячи километров по степи и пескам. Теперь, достигнув Куйбышевского края, они впервые увидели хвойные леса.

Всадники въехали в колхоз деревни Ново-Сергиевка. В первый раз за все время их пути случилось, что колхозники не приветствовали гостей у околицы. Почему же? Потому что как раз в ту минуту, когда туркменские всадники в красных шелковых халатах и высоких мохнатых папахах (туркмены носят их и зимой и летом) въезжали в деревню с юга, с севера в нее въезжали немецкие рабочие из Поволжской республики, совершавшие путь длиной в три тысячи километров на маленьких повозках, которые тянут упряжки... по шести собак в каждой. И ново-сергиевские колхозники приветствовали спортсменов, ехавших с разных сторон, посередине своего села.

В это же время в Севастополь возвращались тринадцать девушек, совершив путешествие на лодках по круговому маршруту Севастополь — Евпатория — Севастополь, а к Астрахани приближались лодки тридцати студентов из города Горького, которые должны проплыть по Волге три с половиной тысячи километров.

В это же время двадцать ударников иркутских заводов достигли вершины Хамар-Дабан над озером Байкал.

В это же время из Москвы выехало пятьдесят студентов университета для восхождения на Эльбрус — высочайшую гору Европы.

В это же время рабочие ташкентской текстильной фабрики уже совершали восхождение на высокогорный Памирский узел в Средней Азии.

В это же время... и опять мы можем сказать: и так далее, потому что столь массовому распространению, какое альпинизм и туризм имеют в Советском Союзе, не найти примера в странах капиталистического мира.

Да, весь Советский Союз сейчас в пути: он путе-

шествует на велосипедах, на конях, на лодках, в автомобилях и пешком, потому что сейчас время каникул, время отпусков, а отпуск в Советском Союзе — это настоящий отдых, полное освежение организма и в домах отдыха, и в санаториях, и в спортивных путешествиях.

Мы начали сравнением с Tour de France, с каторжным трудом французских велосипедистов и бизнесом спортивных предпринимателей. Кончить мы можем сравнением с каникулярной жизнью богачей. Многие богачи умеют хорошо использовать время для поправки своего здоровья, для восстановления своих сил. Тысячи «их» рабочих платят за это своим здоровьем и своей силой. В Советском Союзе хорошая жизнь богачей доступна *всем трудящимся*. И «они могут себе ее позволить» не потому, что кого-нибудь эксплуатируют, но потому, что устранили всякую эксплуатацию.

ЧЕХИ ЕДУТ НА БАЛХАШ

Москва, август 1935 г.

Несколько дней назад в маленьком клубном помещении Дома ударников у Красных ворот собрались чешские рабочие с Метростроя. Это было их последнее собрание перед отъездом в края, которые и в самом деле можно назвать далекими. Когда весной этого года было торжественно открыто сообщение на первой линии московского Метрополитена, чешские метростроевцы с гордостью могли сказать: «Это дело наших рук!» Все они были ударниками в труде, все по окончании строительства были отмечены особыми премиями. Но второй линии метро, сооружение которой идет уже полным ходом, не все они остались верны. В Советском Союзе много мест, где начаты большие стройки, много мест, где хороший и сознательный рабочий с честью может выполнить свой социалистический долг. И одно из таких мест выбрало большинство чешских ударников московского метро: Балхашстрой.

Седьмого августа уехала первая, а десятого августа в полдень отъезжает вторая группа чешских рабочих в Казахстан, на озеро Балхаш. Их тринадцать человек из разных уголков Чехии, Моравии и Словакии.

Им предстоит дальняя дорога: три с половиной тысячи километров по магистрали Москва — Новосибирск через Киров, Свердловск, Омск, потом более тысячи километров до Семипалатинска, пятьсот километров по Турксибу, и, наконец, еще два дня плавания на пароходе по Балхашскому озеру.

Место, куда они едут, еще недавно было пустой, безлюдной степью — так, впрочем, начинается история почти всех новых больших советских заводов. Да, там была степь, где летом палит среднеазиатское солнце, а зимой стоят тридцатиградусные морозы, песчаная

степь, которая только редкой, жесткой травой отличалась от пустыни Сары-ишик-отрау на противоположном берегу Балхашского озера. И сегодня там еще только степь, но уже не безлюдная. Сегодня там уже несколько тысяч рабочих закладывают фундамент одной из тех гигантских промышленных строек, которые превращают некогда отсталую Россию в самую передовую страну мира. Там создается Прибалхашский завод, и чешские рабочие из Москвы едут туда в качестве инструкторов учить местное казахское население самой передовой строительной технике.

Еще шестьдесят лет назад царские геологи обнаружили, что там, на берегах огромного озера, есть залежи меди. И — как оказалось — немалые залежи. Царское правительство попыталось добывать здесь медную руду. Но с помощью привычных для него методов угнетения нельзя было воспитать рабочие кадры из местных казахов, а месторождения были слишком удалены от промышленных центров страны.

И вот на берегу прекрасного зеленого озера, неглубокие воды которого насыщены глауберовой солью, появились новые жадные агенты английской капиталистической фирмы. Вскоре они начали проявлять недовольство. Место было явно богато медной рудой, но ее не удавалось «утилизировать» излюбленными капиталистами хищническими методами. Требовались основательные подготовительные работы, грандиозное планирование, большие рассчитанные на многие годы капиталовложения. А лондонским господам акционерам все это было не по душе. На это жалкие рантье, привыкшие стричь купоны, не были способны.

Но они оказались способны на другое: когда в Петрограде вспыхнуло пламя Октябрьской революции и его сияние стремительно приблизилось к берегам озера Балхаш,— они, прежде чем бежать, завалили все недостроенные шахты и взорвали все примитивные рудники. И берег прекрасного смарагдового озера опустел.

Только первая пятилетка снова привела в эти места людей. Геологи и инженеры начали исследовать подземные богатства прибалхашского края. В течение одного лишь 1931 года инженер Пухов заложил сто тридцать две глубокие опытные шахты — и каждая из них была новым доказательством того, что берега озера

Балхаш скрывают несметные богатства. Сегодня об этом богатстве знает уже весь Советский Союз. На Балхаше и в соседней Коунрадской возвышенности расположены залежи медной руды.

И то, что не могло осуществить царское правительство, то, что при величайшей жажде прибыли не смогли осуществить английские концессионеры, большевики осуществляют сегодня не ради прибыли, а ради полной победы социализма. План, плановое социалистическое хозяйство вступили на берега Балхашского озера. И сегодня там уже начинает расти гигантское предприятие.

Там возникнут самые большие в мире медные рудники. Каждые восемь минут из Коунрадской шахты будет выходить состав, груженный медной рудой. В Советском Союзе сейчас есть место, которое дает сказочное количество руды — это Магнитка на Урале. Но Коунрад будет давать еще больше.

Там возникнут гигантские медеплавильные печи.

Там возникнут новые, современные поселки, там будет построен большой город-сад с пятьюдесятью тысячами жителей, школами, клубами, театрами.

Там возникнет мощная электростанция, которая даст электрическую энергию рудникам, заводам и городу.

В пустой, необитаемой степи возникнет богатая жизнь тысяч новых людей. Новая часть пустыни будет завоевана социалистическим человеком. Новые природные богатства станут служить человечеству.

И для того, чтобы строить все это, уезжают сейчас из Москвы чешские рабочие. Едут почти к самому началу строительства. Едут закладывать его фундамент. Им предстоит ответственная работа и далекий путь.

Следующим партиям строительства, которые поедут туда через каких-нибудь полгода, предстоит не менее ответственная работа. Но путь их будет уже короче. Потому что по степи и пустыне, среди ковылей и печальных саксаулов, от Петропавловска к Балхашскому озеру прокладывается новый Турксиб, карагандинско-балхашская железная дорога. Гигантский медеплавильный завод наносит уже сегодня свою собственную ветку на железнодорожную карту мира.

«Руде право», 25 августа 1935 г.

МИЛЛИОНЫ ШАРИКОПОДШИПНИКОВ

Давно уже я не был в Пролетарском районе Москвы. По крайней мере, недели три.

Но сегодня в Москву приезжают туркменские всадники, которые за восемьдесят три дня проехали на конях 4300 километров от Ашхабада через пустыню Кара-Кумы до столицы Советского Союза. Мы ожидаем их на границах Москвы, как раз в Пролетарском районе, над одной из улиц которого — Нижегородской — высится веселая триумфальная арка, воздвигнутая в знак приветствия замечательным колхозникам Туркменистана. С разных концов города съезжаются автомашины с ударниками московских заводов. Кто бы смог представить себе во время этого праздничного ожидания, что царскому правительству когда-то удавалось возбуждать в русских рабочих пренебрежение к туркменским дехканам, а в туркменских дехканах ненависть к русским рабочим?

Согласно сообщениям — телеграф обгоняет и самых быстрых из прекрасных туркменских скакунов,— всадники выехали в полдень из Люберец. Следовательно, нам еще остается два-три часа ожидания. Мы бродим по улицам Пролетарского района. Проходим мимо новостроек и пересекаем широкие автострады будущей Москвы, которые сейчас еще только создаются. Так мы дошли, не заметив этого за разговором, до самого «Шарикоподшипника». Это обширное и легкое здание вновь воскрешает в памяти каждого, кто прошел по нему, звенящий звук стальных шарикоподшипников, на которых вертится одна шестая мира.

Сегодня, однако, этот звон заглушают удары молотков, стук топоров и шумные выкрики людей. Далеко от стен «Шарикоподшипника» тянутся траншеи и растут строительные леса.

— Что тут происходит?

— «Шарикоподшипник» расширяется.

— Такой большой завод шарикоподшипников... и еще расширяется?

— Такой большой... но его продукции уже давно не хватает. Нужно, чтобы завод стал еще больше. И *насколько* больше!

Мы на минуту забыли о дорогих гостях из далекой Туркмении. Перед нами происходило нечто необыкновенное. Мы зашли в кабинет парткома «Шарикоподшипника». За информацией.

— Да, мы расширяем «Шарикоподшипник»,— говорит председатель партийного комитета завода.— В этом году мы дадим миллионы шарикоподшипников, но наша машиностроительная, автомобильная, авиационная и тракторная промышленности все еще не будут нами удовлетворены, хотя мы и перевыполним план. Их потребности значительно больше. В будущем году мы должны значительно увеличить производительность нашего завода и сможем дать в полтора раза больше шарикоподшипников, но и их не будет хватать. А эту границу при имеющихся у нас производственных площадях мы уже не сможем перешагнуть. Поэтому мы и расширяем «Шарикоподшипник».

— Значительно?

— Это зависит от того, какая у вас мерка,— весело отвечает парторг.— После расширения мы будем производить,— и он назвал цифру, ошеломившую всех присутствующих.— Сейчас мы поставляем нашей промышленности 120 различных сортов подшипников; после расширения будем поставлять 350 сортов.

... и поскольку ему явно доставляет удовольствие видеть нас ошеломленными гигантскими цифрами, он добавляет с гордой небрежностью:

— Хотите услышать еще о каком-нибудь плане? Вот еще план, который тоже уже претворяется в жизнь. Мы строим новый завод шарикоподшипников в Саратове. Он будет иметь такую же производительность, как наш завод *после расширения,* т. е. десятки мил-

лионов шарикоподшипников в год. Он будет выпускать 240—250 различных сортов подшипников. Весь завод займет площадь в семьдесят гектаров. Только главный цех будет иметь 200 тысяч квадратных метров. Там уже идет работа. Уже воздвигнуты жилые дома для рабочих, прокладывается железнодорожная ветка, строится цементный завод...

Мистер Броудер нервно смотрит на часы:

— Уже время, господа, как бы нам не опоздать!

Но на улице, немного опомнившись, лояльно добавляет:

— Я здесь уже третий год. Казалось бы, пора привыкнуть и ничему не удивляться. Но нет, не привыкнешь! Здесь все время появляется что-нибудь, поражающее тебя. Такое, чего бы ты никогда не предположил. Удивительная страна...

Через триумфальную арку на Нижегородской улице въезжало в Москву тридцать два смуглых колхозника из Туркмении в мохнатых папахах и красных халатах, выгоревших на солнце Кара-Кумов.

— Действительно, это будет солидный завод. Представьте себе только, что на маленькие подшипники и ролики у нас уходит ежегодно полтора миллиона центнеров специальной высококачественной стали.

— Итак, вы уже в третьей пятилетке,— немного горько шутит мистер Броудер, корреспондент буржуазной английской газеты, который, собирая *такой* материал, никогда не знает, что ему по этому поводу скажет шеф-редактор.

— Почему в третьей?— умышленно не понимает парторг.

— Ну, такое расширение не проведешь за неделю.

— За неделю, конечно, не проведешь. Но годы нам на это не потребуются. Наша промышленность не может ждать. И это определяет наши темпы...

— И каковы же они?

— Темпы создания нашего завода вам, вероятно, известны. Он был построен и введен в действие за два с половиной года. Новые цеха, новые здания будут закончены... первого января 1936 года, то есть в течение шести месяцев, и полностью пущены в ход... первого апреля 1936 года. Это значит, что мы сейчас *вдвое увеличим наш завод менее чем за девять месяцев...*

... Какой гигант вырастет всего за девять месяцев, если этот крупнейший завод шарикоподшипников будет еще вдвое увеличен!

— Ну, это в самом деле завод без конкурентов,— признается мистер Броудер.

— Да — но не надолго,— с довольной улыбкой отвечает парторг.— Вашей конкуренции мы уже можем не бояться. И все же мы сами создадим себе конкурента, если, разумеется, вы назовете это конкуренцией...

«Руде право», 5 сентября 1935 г.

ИНТЕРГЕЛЬПО РАПОРТУЕТ

Москва, август 1935 г.

Получаешь письма. Пишут трудящиеся со всех концов Чехословакии. Они спрашивают, критикуют, вносят предложения, ищут работу, требуют разъяснений или просто рассказывают о своей жизни. В таких рассказах мало веселого. Но иногда чехословацкие рабочие пишут из мест, весьма удаленных от Чехословакии. Например, из Средней Азии. И вот в этих письмах много радостного.

Одно из них ждало меня сегодня в моем почтовом ящике. Это было письмо из чехословацкого производственного кооператива Интергельпо, находящегося в советской Киргизии. Интергельпо рапортует о результатах работы за первую половину 1935 года.

Представьте себе: там, в далекой Киргизии, бывшие чехословацкие рабочие подводят итоги еще одного полугодия своего труда, как это и подобает настоящим хозяевам. Они созвали собрание, и товарищ Самуэль выступает с отчетом. Кто такой товарищ Самуэль? Один из вас. Он родился в Новых Замках в Словакии, ходил в школу, и учитель говорил, что у него большие способности, советовал, чтобы мальчика отдали в гимназию. Мать уже представляла сына священником, но в семье было одиннадцать детей, а отец — всего-навсего бедный сапожник. И вот Ян Самуэль стал слесарем. У себя на родине он мог сменить это ремесло только на профессию безработного. Сейчас — в Советском Союзе — Ян Самуэль — председатель одного из

прославленнейших производственных кооперативов, о котором с гордостью могут говорить и он сам и все его товарищи.

В минувшем полугодии Интергельпо праздновало десятилетие своего существования. В юбилейные дни выяснилось, каких больших успехов добился кооператив в работе, как много было им построено и как выросли люди, руками которых все это создавалось. Юбилей отмечался в мае. С тех пор прошло всего каких-нибудь два месяца — и опять новые успехи. «Как и весь Советский Союз,— сказал товарищ Самуэль на собрании,— Интергельпо быстрыми темпами идет к зажиточной жизни».

Текстильная фабрика Интергельпо впервые перевыполнила план: в этом полугодии она дала 103,7 процента плана. Повысилась квалификация рабочих, снизились предварительные расходы, поднялась заработная плата. Только качеством продукции текстильщики «Интергельпо» еще не удовлетворены.

И без того прекрасное финансовое положение Интергельпо в этом полугодии еще укрепилось. Снова увеличилась социалистическая прибыль всех интергельповских предприятий. Некоторый дефицит имеется только в столовой, которой кооператив дает дотацию для улучшения питания своих членов и рабочих. Но и этот дефицит может быть и будет устранен, причем качество обедов повысится, так как на склонах Александровского хребта создано специальное подсобное хозяйство.

Сегодня Интергельпо — это целый городок, выросший в степи. Но строительство все время продолжается. В этом полугодии были построены детские ясли, лучшие в Киргизии (Интергельпо принадлежит также рабочий клуб, самый большой и самый красивый во всей республике), почти закончено строительство мебельной фабрики, и полным ходом идут работы по генеральной реконструкции кожевенного завода. Созданный десять лет назад как первое большое предприятие Интергельпо, он теперь слишком несовременен для такого крупного кооператива. Строительные работы развернулись так широко, что кооператив должен был организовать новые вспомогательные предприятия, на пример по производству черепицы.

Таковы успехи. Но какие недостатки есть сейчас у Интергельпо и какие задачи кооператив ставит перед собой на новое полугодие?

Прежде всего: в двух предыдущих кварталах — тоже впервые — кожевенный завод не выполнил свой план из-за перебоев в снабжении сырьем. Отсюда вытекает задача: устранить эти перебои, поскольку в конце года кожевенный завод не хочет иметь в рубрике выполнения плана цифру меньшую, чем сто процентов.

Во-вторых: в Интергельпо трудятся представители самых различных народностей: чехи и персы, русские и венгры, словаки и татары, немцы и киргизы... Но именно киргизы — основная народность в советской Киргизии. Между тем число киргизов среди членов «Интергельпо» не соответствует их значению в республике. Отсюда задача: воспитать более многочисленные кадры из местной народности.

И в-третьих: во время проверки технических знаний, которую кооператив проводил среди своих работников, выяснилось, что многие из них недостаточно хорошо знают... математику. И теперь в «Интергельпо» организуются кружки основ математики, так как без овладения ею рабочие не смогут повысить свой профессионально-технический уровень. А нужно, чтобы он постоянно возрастал, потому что рабочий при социализме должен быть не рабом машины, а ее полноправным и полновластным хозяином.

Скажите сами, разве не радостно читать такие письма от рабочих, которые приехали из Чехословакии свободно трудиться в свободной советской стране? Ведь и те недостатки, о которых я пишу, показывают, как здесь растут люди.

«Руде право», 8 сентября 1935 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВСТРЕЧЕ С ДЕЯТЕЛЯМИ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Целью нашей поездки является сбор материалов о социалистическом строительстве в бывших царских колониях. Я лично собираю материал для книги очерков о Средней Азии, главным же образом об Узбекистане, а также для большого художественного произведения о существующем в Киргизии чехословацком кооперативе.

Последний раз я здесь был девять месяцев тому назад. В сущности, незначительный срок. Но и за этот срок произошли, как я наблюдаю, замечательные, огромные изменения. Действительно, страна меняется не по дням, а по часам!

В декабре прошлого года случилось мне познакомиться в Текстилькомбинате с комсомолкой Балтабаевой. Это была странно застенчивая девушка. И вот позавчера на съезде девушек Узбекистана мне представили одну из лучших парашютисток республики. Это была живая, остроумная, с большой широтой взглядов на жизнь девушка. Вдруг она заявляет: «А ведь мы с вами знакомы по Текстилькомбинату», и только тогда я узнал в ней комсомолку Балтабаеву. Так духовно вырос, неузнаваемо изменился за девять месяцев человек!

Другой пример. Тогда же в декабре я побывал на Чирчикстрое. Он произвел на меня неотразимое впечатление. На днях я снова посетил Чирчикстрой и увидел такой грандиозный размах работ, что все виденное мною девять месяцев назад стало представляться уже незначительным. А ведь и тогда, повторяю, на Чирчикстрое были осуществлены грандиозные работы.

«Правда Востока», 11 октября 1935 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЧЕСТВОВАНИИ САДРЕДДИНА АЙНИ

Ни даже имени Таджикистана
Не видел мир пятнадцать лет назад.
Был Куристан — край скорби и обмана,
Затерянный меж каменных громад.

Знакомясь с Таджикистаном, я часто повторял себе эти стихи товарища Айни. Повторял, чтобы не забыть: да, вот эта прекрасная, богатая страна, идущая семимильными шагами к зажиточной культурной жизни,— это та же самая страна, из которой еще двадцать лет назад звучал к нам в Европу голос страшного страданья. Не много лет, — а кажется прошли века,—мы в Средней Европе слышали о варварстве в Средней Азии. Теперь тут — культура, рост, подъем, а голос варварства звучит сейчас в Европе.

Было тут такое время, когда талантливейших писателей таджикского народа преследовали, били, сажали в тюрьму, уничтожали — и люди в Средней Европе возмущались таким «азиатством». А вот сегодня мы тут приветствуем на радостном народном празднике великого писателя. Там же у нас в Средней Европе сажают талантливейших писателей в концлагери, подвергают пыткам, уничтожают плоды их творчества. Ваша страна, товарищи, стала передовой страной, а мы далеко отстали, так далеко, что часто у нас уже не понимают вашего настоящего.

И тут, товарищи, ваши писатели становятся нашими учителями. Айни это не только ваш писатель, это и

наш писатель. Его книги для нас не только прекрасное искусство, но и наглядное учебное пособие. Эти книги отражают не только старые страдания и новые достижения таджикского народа — они сами по себе уже

Юлиус Фучик и Садреддин Айни.

являются живым доказательством этих достижений. И поэтому они, эти книги, непосредственно помогают нам в нашей борьбе, они участвуют в борьбе за мировую революцию.

Вот, товарищи, почему я так счастлив, что могу сегодня присутствовать на ваших радостных торжествах. Я имею возможность здесь, перед вами, в день славного юбилея, из глубины души поблагодарить товарища Айни от имени Коммунистической партии Чехословакии, от имени революционных писателей Запада, поблагодарить его за всю его богатую работу, которая значит для нас помощь, которая значит для нас активное участие в нашей революционной борьбе,— и выра-

зить всю свою любовь к этой великой партии, которая воспитывает таких писателей, к партии большевиков.

Товарищу Айни все, выражая свою любовь, дарят подарки. Я, как человек приезжий, этого не могу сделать — поэтому примите мое обещание приложить все силы к тому, чтобы вы смогли приехать в Чехословакию и получить тот подарок, который порадовал бы вас.

«Коммунист Таджикистана», 28 ноября 1935 г.

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ЭКЗОТИКА

Ташкент, октябрь 1935 г.

Говорят, в Риме есть колодец, обладающий волшебной силой. Если напьешься из него воды, полюбишь Рим глубокой любовью и будешь к нему возвращаться снова и снова. Так рассказывают люди, которые любят легенды.

Не знаю, какой из арыков Средней Азии мог бы дать воду, годную для подобной легенды. Вода в них слишком мутна, чтобы поэты избрали ее в качестве символа любви, а у самих арыков гораздо более важные заботы: поить поля хлопчатника, степные оазисы, тенистые заросли карагача, яблони, цветы. Пить из арыка — удовольствие не из приятных. Прежде чем к нему привыкнешь, с тоской считаешь дни, требующиеся для того, чтобы тифозная бацилла наплодила семью. И все-таки, однажды пройдя по советской Средней Азии, ты глубокой любовью полюбишь эту страну и будешь возвращаться к ней снова и снова. Не вода, а люди обладают здесь такой чудесной властью, и не волшебство, а сила их рук очаровывает тебя.

Жизнь растет буквально у тебя на глазах. Ты видишь ее рождение и ее расцвет... Перед тобою поле, страдающее от засухи. Высохшие борозды лежат у твоих ног, хлопчатник устало поник головой, и на его листья оседает бесконечная пыль пустыни. Это — умирание. Но вот...

Но вот в борозду проникает узенький язычок воды. Земля жадно раскрывает губы. Вода прибывает, это уже не язычок, а целый поток воды, и земля пьет ее,

пьет полными глотками. Невидимый мираб, хранитель водных запасов, где-то далеко от нас поднял створы шлюзов, перегораживающих арыки, и жизнь забурлила по оросительным каналам. Ты видишь ее: серая глина становится коричневой, хлопчатник поднимает голову, листья, дрожа от утренней свежести, стряхивают с себя тяжелую пыль, стебли удлиняются, растут. Это быстрый, богатый, обильный урожаем рост, и ты становишься его живым свидетелем.

Такая же судьба и у людей Средней Азии. В течение столетий они увядали без влаги, которую выпивали паразиты. Вода в арыках текла не для них, она была чужой. На тучной земле плодились баи, муллы, русские купцы. Но мираб революции поднял створы шлюзов и теперь щедро и справедливо распределяет влагу счастья по бороздам человеческих душ. Люди подняли голову, отряхнули тяжелую пыль веков, в их жилах забурлила влага новой жизни, и они начали расти. Это быстрый, богатый, обильный урожаем рост, и ты видишь его, даже если только проходишь мимо.

Если ты любишь человека, тебе полюбится этот солнечный край, который показывает его силу и творческие способности в полном блеске.

Есть люди, у которых представление о Средней Азии неразрывно связано с экзотикой. Но именно сюда я бы никогда не посоветовал ехать охотникам за экзотикой. Они были бы глубоко разочарованы. Все то варварство, которое распускалось здесь экзотическими цветами, уничтожено, и поездка в Нюренберг, в современный Нюренберг, принесла бы им неизмеримо большее удовлетворение, чем путешествие в Фергану или Самарканд. Человек в белом шлеме, защищающем от солнца шлеме, которым англичане прославляли Восток и который они превратили в символ своего колониального владычества, был бы здесь единственным экзотическим явлением.

И все же Узбекистан и Таджикистан, Киргизия и Туркмения обладают такими природными условиями, имели такую историю, которые делают их Востоком, делают их похожими на все те страны, где белый шлем кажется неотъемлемым признаком европейца.

Есть тут солнце, которое опаляет твою кожу. Знойное, требовательное солнце. Но в его лучах растет

Последние пережитки средневековья, которые застал Фучик во время посещения Средней Азии в 1934 г. Женщины, закутанные в паранджу, на базаре узбекского городка.

хлопчатник, и ученые Ташкента, Самарканда и Алма-Аты с успехом используют его энергию для варки пищи, плавления серы и опытов, которым, весьма вероятно, суждено открыть совершенно новую эру в истории человеческой техники.

Есть тут верблюды, которые, в полном соответствии с описаниями приключенческих романов, качаются, как корабли в бурю. Но ты обращаешь на них так же мало внимания, как на запряженную в телегу лошадь, и вскоре узнаешь, что автомобиль — более удобное средство передвижения не только для тебя, но и для каждого узбекского колхозника.

Есть тут мечети, былая слава Самарканда и Бухары. Но наиболее примечательные из них превратились в действенные антирелигиозные музеи, а менее примечательные стали клубами, кино-фабриками, складами хлопка, и Бухара славится теперь не мечетями, а хорошими школами, точно так же, как Самарканд — прекрасной больницей.

Есть тут еще женщины, закутанные в черные мрачные чачваны. Но их уже мало, и авторы кафешантанных песенок с гаремной экзотикой были бы, вероятно, весьма неприятно удивлены, узнав, что большая часть этих женщин — спекулянтки, которые закрывают свое лицо, боясь, как бы милиционер на базаре не узнал их слишком скоро.

Есть тут пустыни и оазисы среди них, есть арбы на высоких колесах и смуглые мужчины, сидящие на терпеливых осликах, есть тут люди в цветных халатах и маленьких вышитых тюбетейках, но то, что придавало аромату края дурной запах экзотики,— исчезло. Исчезло порабощение, исчезло варварство, исчезла колониальная эксплуатация.

Эти люди с помощью русских пролетариев прогнали колонизаторов и свергли «своих» эмиров, ханов и манапов.

Край стал свободным и культурным. А свобода и культура изгнали из него гнилую экзотику.

Мы сидим в летнем театре старого города Ташкента.

Раньше на этом месте был Джанкох — конский рынок и свалка. Старый Ташкент нагромождал здесь

все свои отбросы. Это было самое грязное место города. Над базарной площадью высоко поднималась пыль, здесь рождались эпидемии, арык, протекающий рядом, разносил бактерии по домам, но ни кокандским ханам, ни русским генералам-колонизаторам не приходило в голову, что эта экзотическая достопримечательность Ташкента должна быть ликвидирована.

Теперь широкая улица разрезала старый Джанкох надвое. С левой ее стороны вырос современный стадион, с правой — большой парк культуры и отдыха с аттракционами, красными чайханами, эстрадой и летним театром.

В этом театре мы и сидим сейчас. Узбекские артисты скандируют стихи, и в их голоса вливается приглушенная расстоянием мелодия: от эстрады, на которой молодые узбечки исполняют старинные народные танцы, долетает звучанье деликатного дутара и удары чильдырмы, с танцевальной площадки ветер приносит порой звуки фокстрота, слышны звонки трамваев на улице, а из чайханы звучит высокий голос народного певца. Эти звуки не мешают тебе, но придают всему особую окраску.

Ее подчеркивает темная, прохладная ночь, богатые халаты и европейские костюмы зрителей. Все это составляет фон, на котором узбекские артисты исполняют «Гамлета».

Их «Гамлет»— это чисто шекспировский «Гамлет», прекрасная драма, трагизм которой воспринимается здесь совершенно непосредственно. Ты не понимаешь языка, и все же каждое слово Шекспира доходит до тебя. Актер говорит жестом, походкой, движением руки — это большая, могучая театральная культура. Такая постановка «Гамлета» могла бы с успехом соперничать с постановками лучших театров Европы, а ведь узбекскому театру всего-навсего пятнадцать лет.

Совершенный Шекспир и совершенный Гоголь в узбекском театре, новые узбекские пьесы, созданные на основе опыта величайших мировых драматургов,— это и есть рост от экзотики к культуре, от Джанкоха к Шекспиру.

Ты не ошибаешься, когда замечаешь, что рост людей советской Средней Азии совершается еще быстрее и

поразительнее, чем столь быстрый и поразительный рост людей центральной России. Здесь бывшие колониальные народы в соответствии со словами Ленина переходят от феодализма непосредственно к социализму, минуя эпоху капитализма. Эти ленинские слова относятся к огромной части народов мира. И здесь, в советской Средней Азии, ты снова находишь великолепное подтверждение большевистской правды.

«Руде право», 3 ноября 1935 г.

О СВОБОДНОЙ УЗБЕКСКОЙ ЖЕНЩИНЕ

1

Министр у станка и карьера Мухамар

Ташкент, октябрь 1935 г.

Начальник прядильного цеха ташкентского текстильного комбината с гордостью рассказывал нам о станках своего отделения, каких нет больше нигде на свете. Станки были действительно замечательные. Ни Англия, ни Чехословакия, ни одно другое западное государство с развитой текстильной промышленностью не имеет таких станков. Даже Америка не имеет. Кризис заставил остановиться развитие ее техники. Но чаще, чем на станки, смотрели мы на нашего проводника и на людей, которых встречали. Это были люди, каких там, на Западе, не рождала даже конъюнктура. Кто бы там мог представить себе министра, ползающего по полу фабрики в комбинезоне, который впитал в себя по крайней мере полбочонка машинного масла? А здесь наш проводник действительно ползал в таком виде. Сегодня это вполне понятно, сегодня Айдар Абдуджабаров — инженер-текстильщик, который тщательно следит за монтажом станков в своем отделении,— но его предшествующая биография делает этот факт невероятным.

Дело в том, что инженер Айдар Абдуджабаров был прежде народным комиссаром здравоохранения в Узбекской республике, а затем народным комиссаром финансов в советском Таджикистане.

Айдар Абдуджабаров был советским министром — но тогда он еще не был советским инженером. А Узбекистан нуждался в инженерах для своих первых

промышленных предприятий, для своих гигантов — Чирчикстроя и текстильного комбината. И именно потому, что Айдар Абдуджабаров был хорошим министром, хорошим народным комиссаром, исполнительный комитет Узбекской коммунистической партии послал его в Москву в высшую школу, в промышленную академию имени Сталина, которая давала наиболее высокую квалификацию. Ему было тогда уже 32 года.

С конца 1932 года Айдар Абдуджабаров снова в Ташкенте. Теперь уже в качестве инженера. Он ведет монтаж прядильного цеха, сдает в эксплуатацию первые прядильные машины, ходит по отделениям цеха, как заботливый папаша, обучает молодых узбеков и узбечек таинствам техники, помогает советом и делом. А когда на свой промасленный комбинезон он надевает пиджак, в его петлице вы увидите орден Красного Знамени. Ведь Абдуджабаров был не только народным комиссаром Узбекистана, но и мужественным борцом за его свободу.

— Удивительная карьера, товарищ Абдуджабаров!

— Почему? Совершенно обыкновенная. Впрочем, вы видите, что наше право на самоопределение не фразы и не простой административный самообман. Иметь своих народных комиссаров — этого недостаточно. Нам нужны руководящие кадры также на низовой работе, в промышленности, мы должны поднять на высокий технический и культурный уровень весь народ — и именно это мы сейчас делаем. Я — один из первых узбекских инженеров, и это меня радует больше, чем то, что я был одним из первых узбекских народных комиссаров. Если же говорить о карьере, то здесь вы найдете карьеры гораздо более удивительные... Например, вот — Мухамед Санваров. Ему двадцать лет, и он руководитель бригады монтеров, лучшей на всей нашей стройке. Автомат, который монтирует его бригада, состоит из 40 000 деталей. Монтаж рассчитан на сорок дней, но бригада Санварова управляется за месяц. Молодость Мухамеда сложилась уже более счастливо, чем у нас, родившихся задолго до революции. Хотя его отец был простой дехканин, Мухамед окончил школу. Свою карьеру он начал счетоводом. Его заметили и как способного парня послали учиться в Москву. Те-

перь, как вы видите, это замечательный бригадир, и я убежден, что вскоре после завершения нашей стройки он станет еще более замечательным инженером... Вон тот чумазый, рядом с ним, его лучший помощник, тоже двадцатилетний,— Абуталиб Ахмедов. Родом он из Ташкента, но знает половину Советского Союза. Его отца, красного партизана, убили в восемнадцатом году белогвардейцы. Через год умерла мать. Пятилетний Абуталиб стал беспризорником и целых шесть лет скитался между Самаркандом и Москвой. Однажды во время кражи его поймали и отдали в детский дом. Рассказ о его карьере укладывается в несколько слов: школа, депо ташкентского трамвая, где он работал электромонтером, потом самаркандский университет, отделение физики и математики, текстильный техникум в Москве и ныне — наш комбинат и одновременно учеба. К сожалению, Ахмедов не хочет оставаться верным текстилю. Он будет авиаинженером.

А вот, посмотрите, еще более удивительные карьеры. Ударница Мухамар. У нее за плечами всего двадцать восемь лет жизни, но часть этой жизни была такой, что вам покажется, будто это происходило столетия назад. Отец Мухамар был нищим деревенским сапожником. Ей исполнилось четырнадцать лет, когда в деревню приехал купец из Ташкента, которому понравилась грива ее черных волос. Купец предложил отцу тучного барана, и тот продал дочь. Купцу было пятьдесят лет, и в доме его, кроме Мухамар, жили еще четыре жены. Они ревниво завидовали новой, молодой сопернице и обижали ее на каждом шагу. О безрадостной жизни жены старого магометанского купца рассказывать грустно и скучно. Мухамар работала с утра до ночи, спала с мужем, когда доходила до нее очередь, терпела от него побои, рожала детей... Она родила уже третьего, когда обнаружила, что ее соседка сняла паранджу. С этого дня она приступила к революционным действиям в своем доме. Муж категорически заявил, что до его смерти паранджа не будет снята с ее лица, и для Мухамар настали еще более горькие времена. Ведь она не знала, что на свете существует советская власть, которая является в то же время и ее властью, и что она может в любой момент найти у нее защиту. Так прошло тринадцать тяжелых лет, пока, наконец,

муж Мухамар не умер. В тот день другим его женам в последний раз удалось избить ее. А на следующий день Мухамар сама появилась без паранджи на нашем текстильном комбинате. Теперь она одна из лучших учениц нашей заводской школы.

С собою она привела еще двух жен своего бывшего мужа. Вы знаете, раньше бывало так: узбекские женщины выходили замуж двенадцати лет и в двадцать пять уже были престарелыми. После двадцати пяти лет они могли найти мужа только чудом, в огромном же большинстве случаев оставались дома, ненавидимые отцом и высмеиваемые соседями. Судьба вдов была не лучше. Жены умершего купца заранее смеялись, когда Мухамар сообщила им, что идет работать на текстильную фабрику: кто ее возьмет, такую старую! Но на фабрике, разумеется, никто не обратил внимание, что Мухамар «уже» двадцать восемь лет. Жизнь советской женщины бесконечно более продолжительна, чем жизнь домашней рабыни. А когда и другие вдовы увидели, что Мухамар работает и счастлива, они пришли на фабрику и в приемной канцелярии робко сняли паранджи, чтобы показать свои стареющие лица. Возьмет? Или не возьмет? Текстильный комбинат казался им каким-то гигантским мужем, который набирал много жен, и теперь они со страхом ожидали, полюбятся ли они ему. Полюбились! Впрочем, служащему отдела кадров, само собой разумеется, даже и в голову не пришло осматривать их с точки зрения будущего мужа, и он с радостью принял их на работу, потому что они просили о ней. Теперь они работают здесь, на комбинате, и если вы хотите услышать счастливый конец этого романа, могу вам раскрыть секрет: одна из вдов уже вышла здесь замуж. И кажется, это как раз старшая из них...

Инженер Абдуджабаров рассказывал историю карьеры Мухамар не так последовательно, как я вам ее передаю. После каждого второго слова о Мухамар он произносил десять слов о новейших машинах своего отделения. Это были, правда, великолепные машины, каких вы не найдете ни в Европе, ни в Америке, и даже нигде больше в Советском Союзе. Это были прекрасные машины, *советские* машины, и мы полностью разделяли воодушевление товарища Абдуджабарова. И

все же больше, чем на станки, мы смотрели на людей, которые работали за ними.

Так я познакомился с Айдаром Абдуджабаровым, с Мухамедом Санваровым, с Ахмедом, с Мухамар и остальными женами ее мужа... а также с Бибинисой Балтабаевой.

2

Бибиниса Балтабаева и тридцать парашютисток

Когда я спросил Бибинису Балтабаеву, почему ее зовут на фабрике «илдам», то есть быстрая, она ответила смущенно:

— Не знаю.

Скромность ее явно не была наигранной, и в конце концов ее можно было понять. На ташкентском текстильном комбинате в ту пору работало уже 4000 работниц (из 15000, которые будут работать здесь в следующем году), и очень многие из них были уже прославленными ударницами, о которых Бибиниса слышала больше, чем о себе. Но и о ней рассказывали на фабрике больше, чем она сама умела рассказать. В эпосе строительства ташкентского комбината есть одна песня, посвященная соревнованию бригады товарища Кульматова, в которой работает Бибиниса, с бригадой товарища Айзатулина, долгое время отставшей от плана. В конце концов бригада Айзатулина стала работать сверх положенного времени — лишь бы выполнить план, лишь бы одержать победу над бригадой Кульматова. Члены бригады тайком обходили вокруг отделения, подстерегали момент, когда уйдет главный инженер, и затем снова возвращались к своей работе. Поздней ночью светили законспирированные огни отделения, пока бригада Кульматова не пришла объяснить, что соревнование не должно вестись за счет отдыха и здоровья рабочих. И как ни старались айзатулиновцы, кульматовцы по-прежнему оставались впереди, потому что в среде их действовала удивительная движущая сила: Бибиниса, которая быстро осваивала новую технику и своим примером увлекала всю бригаду.

Тысячи таких песен звучат во всех эпосах великого социалистического строительства в Советском Союзе,

Бибиниса — только одна из тысяч подобных ей. И поэтому понятна ее скромность. Но ее товарищи по работе хорошо оценили внутреннюю силу Бибинисы. Когда стало приближаться время выборов в советы, ее имя появилось в списке кандидатов. А во время выборов не только сами текстильщицы, но и шесть тысяч строительных рабочих комбината единодушно голосовали за двадцатилетнюю комсомолку, ударницу монтажа Бибинису Балтабаеву, прозванную «илдам», то есть быстрой.

Обо всем этом неуверенно и смущенно рассказывала мне Бибиниса — она еще не привыкла к публичным выступлениям. А говорить для газеты — это как-никак публичное выступление. Только о своей работе в городском совете она говорила без заминок, вероятно — так, как она умела говорить о частях ткацкого стана.

Что же касается остального, она стыдилась, в самом деле стыдилась, так что даже кровь заливала ее смуглое полудетское лицо.

Вот каким образом я познакомился с Бибинисой Балтабаевой в декабре 1934 года...

Зал заседания Дома правительства в Ташкенте имеет форму полукруга.

1 октября 1935 года это не был полукруг кресел — это был раскрытый, пестро вышитый веер. В этот день здесь начался первый съезд женской молодежи Узбекистана. Со всех концов Узбекской республики съехались девушки и молодые женщины, и по их тюбетейкам, праздничным шелковым платьям с вышивками и простым комсомольским формам можно было одновременно изучать и географию и историю Узбекистана. Вот в зеленой комсомольской блузке, но с тюбетейкой на голове стоит представительница передовой Ферганы, а рядом с ней женщина из далекой Сурхан-Дарьи в длинном пестром платье и в халате. Привычка держать голову с легким наклоном свидетельствует о том, что она еще недавно носила паранджу. Обе эти женщины одного возраста, но по внешнему облику между ними разница в целое столетие. Их разделяет длительный период исторического развития, который женщина из Ферганы прошла за каких-нибудь два года, а женщина из Сурхан-Дарьи уже всего за... полгода.

Съезд женской молодежи в Узбекистане — это большое историческое событие. Впервые в истории всего Востока сошлись женщины для обсуждения своих дел. И классовый враг, притаившийся в отдаленных районах, разумеется, напряг все силы, чтобы сорвать это историческое совещание, которое благодаря своему значению в деле освобождения женщины наносит ему новый тяжелый удар.

На съезде выступали женщины, которые рассказывали о том, как мужья запрещали им участвовать в съезде, били, угрожая, что они разведутся с ними, потому что в Ташкенте из них сделают проституток... и так далее, и так далее, в зависимости от того, насколько изобретательным был старый мулла или бывший бай, который нашептал их мужьям ненависть против съезда. Потом на трибуне появилась старая женщина. И она, старуха, оказалась полномочной делегаткой этого съезда женской *молодежи* и теперь рассказывает, как это случилось. Известие о съезде пришло к ним в кишлак еще месяц назад. О нем много говорилось, и вся молодежь, женщины и мужчины, радовались. Но потом поползли странные слухи, и, наконец, уже совсем было ясно: съезд созывают народные комиссары, чтобы выбрать для себя самых красивых женщин. Поэтому наверняка в районе и напоминали, чтобы делегатки были молодыми. Против такого съезда в кишлаке, понятно, поднялась волна протеста. Однако несколько передовых колхозников и колхозниц не верили этим слухам и настаивали на том, чтобы кишлак выбрал свою делегатку на съезд. Председатель колхоза — сам беспартийный — колебался, колебался, но в конце концов распорядился провести выборы, которые подготавливал старый мулла, бывший магометанский священник. И он «хорошо» их подготовил. Кишлак послушался его «советов» и выбрал делегаткой на съезд молодежи шестидесятилетнюю бабушку, чтобы народные комиссары не могли взять ее себе в жены.

Вот как эта старушка оказалась на съезде женской молодежи.

Съезд встретил рассказ старой женщины веселым смехом... и бурными аплодисментами, потому что в конце своей речи старая женщина заявила:

«Возможно, что я уже не подхожу к вам по возрасту,

но зря я на съезд не приехала. Из кишлака я уезжала еще в парандже — возвращаюсь уже без нее...»

Это было на четвертый день заседания съезда. На сцену поднялась депутация первых узбекских парашютисток. Возглавляла ее девушка. Она взошла на трибуну и звонким, ничем не стесненным голосом не просто передала делегаткам поздравление парашютисток, но и рассказала о значении прыжков с парашютом и о том... как это делается. Я не знаю узбекского языка, но каждое ее слово я понимал. А главное — я смотрел на нее. Она, казалась, была мне знакома, как человек, которого лет десять назад я видел ребенком.

Наконец я узнал ее: это была Бибиниса Балтабаева. Та самая робкая девушка с текстильного комбината, которая десять месяцев назад стыдилась говорить «для газеты». А теперь, только десять месяцев спустя, эта робкая девушка превратилась в смелую, отважную пионерку парашютного спорта среди узбекской женской молодежи.

Так быстро растут здесь люди.

Первой узбечкой, которая прыгнула с парашютом, была Мирбабаева. Через десять дней совершила прыжок Бибиниса. В стране, где многие женщины еще и сегодня ходят в парандже, это был великий революционный акт.

Он был совершен в августе. Прошло только два месяца. Сейчас прыжок с самолета сделало уже шесть узбечек, а к седьмому ноября кружок парашютистов готовит своей республике новый подарок: групповой прыжок тридцати узбекских девушек.

Вот как быстро растут здесь люди!

«Руде право», 3 ноября 1935 г.

УЗБЕКИСТАН НА ВОСЕМНАДЦАТОМ ГОДУ РЕВОЛЮЦИИ

Советский хлопок

Ташкент, октябрь 1935 г.

Сейчас октябрь. Пока мое письмо дойдет из Средней Азии до читателя, будет уже конец месяца. В это время трудящиеся всего мира готовятся к празднованию Великой Октябрьской революции, которая дала им первое рабочее государство, первую страну диктатуры пролетариата, первое воплощение их желаний и надежд. Седьмого ноября рабочие и колхозники всего Советского Союза отчитываются перед международным пролетариатом. Отчитываются в том, что построили, как укрепили Советскую власть, насколько приблизили свою страну к бесклассовому обществу. Трудящиеся капиталистических стран принимают этот отчет с радостью и гордостью. Но среди них есть и такие, которые иногда принимают его с опасениями, иногда с недоверием. Они не хотят понять и не могут поверить, что все эти гигантские успехи трудящихся Советского Союза являются уже подлинными успехами социализма; они ищут в этих успехах теневые стороны; они не доверяют тому, что в Советском Союзе уже полностью уничтожены эксплуататорские классы, пытаются найти «новых эксплуатируемых», которые, по их мнению, несут на своих плечах весь очевидный и не поддающийся отрицанию прогресс Советского Союза, настолько очевидный, что отрицать его невозможно.

Буржуа всячески пытается поддержать эту недоверчивость, этот болезненный скептицизм некоторых трудящихся. В своей печати он пытался пустить в ход «теорию» о том, что в Советском Союзе городской про-

Железнодорожное удостоверение Юлиуса Фучика, редактора „Руде право" (1934 г.) перед приездом в СССР.

Юлиус Фучик под видом д-ра Мареша в 1934 г., когда был отдан приказ о его аресте (перед отъездом в СССР).

летариат живет за счет советской деревни. Развитие колхозов и рост благосостояния в них изобличили его во лжи. Тогда он начал говорить о новом расслоении трудового населения Советского Союза, выдавая ударников заводов и полей за «новую советскую буржуазию». Но рабочий капиталистической страны мог убедиться, что ударников в СССР абсолютное, подавляющее большинство рабочей массы, и с полным основанием был вправе усомниться, чтобы огромное большинство могло жить за счет эксплуатации незначительного меньшинства. И эту ложь пришлось бросить в корзину с мусором; а неутомимым буржуазным журналистам нужно было изобретать новые.

Согласно самой распространенной из них, в Советском Союзе развиваются лишь некоторые районы, а другие районы платят за их развитие своим прозябанием. Если вы покажете таким журналистам новый рабочий квартал в Москве, они скажут многозначительно: «Да-а, но ведь это в Москве. А в Сибири?» В сущности они ни много ни мало как обвиняют русский пролетариат в колонизаторстве, в эксплуатации колоний, которыми, по их словам, стали теперь отдаленные от Москвы районы.

И вот я в стране, долгие десятилетия бывшей настоящей колонией. В стране, которую русские генералы действительно завоевали огнем и мечом и которую русские капиталисты эксплуатировали так, как только капиталист может эксплуатировать покоренную и при этом экономически и культурно отсталую страну. Здесь, в Средней Азии, разыгрывались сцены, еще и сегодня повторяющиеся в английских, французских и бельгийских колониях в Африке и вызывающие страстный протест лучших представителей человечества. Все это здесь было, собственно, очень недавно — каких-нибудь восемнадцать лет тому назад.

А теперь эта страна стала Узбекской Советской Социалистической Республикой, и ее рабочие и колхозники готовятся к празднованию восемнадцатой годовщины революции русского пролетариата, с помощью которого они освободились и вступили на путь социализма.

О подготовке к этому празднику я и хочу сейчас рассказать. О том, с чем к восемнадцатой годовщине

Октябрьской революции приходят не московские, а узбекские трудящиеся, трудящиеся страны, которая весьма отдалена от европейского центра Советского Союза, но которая — как вы увидите — живет такой же богатой советской жизнью.

Праздник хлопковых полей

Седьмое ноября 1935 года будет в советском Узбекистане двойным праздником. В этот день сотни тысяч глаз участников торжественных митингов и демонстраций обратятся к Ташкенту, где в Доме правительства откроется первый съезд ударников хлопковых полей. В этом году Узбекистан добился замечательного успеха. О нем говорят на базарах, в красных чайханах, в поездах, на фабриках, и колхозники гордо ходят по улицам городов и радостно приветствуют друг друга, встречаясь в родном колхозе, потому что этот успех прежде всего дело их рук.

В этом году впервые в своей истории Узбекистан выполнил план сбора хлопка еще до седьмого ноября.

Хлопок — величайшее богатство Узбекистана. Узбекский хлопок решает, станет ли Советский Союз самостоятельным в производстве хлопчатобумажных тканей или будет по-прежнему зависеть от импорта. Этот факт необычайно повышает роль суверенной Узбекской Советской Республики во всем Союзе Советских Социалистических Республик.

Хлопок стал здесь основой благосостояния широких масс.

Но так было не всегда. В прошлом хлопок был не благосостоянием, а несчастьем для узбекских трудящихся. В истории Узбекистана до Октябрьской революции хлопок означал для большинства населения нищету и эксплуатацию.

Даже тот грубый хлопок с коротким волокном, который в долины Сыр-Дарьи, Аму-Дарьи и Зеравшана проник, очевидно, через горы Памира из Индии, и тот уже привел сотни тысяч узбекских крестьян к зависимости от старых феодалов, богатых манапов и баев, владевших главными оросительными арыками и пользовавшихся своей властью над водой для господства над людьми, вопреки достаточно настоятельному запрещению аллаха.

Хлопок привлек в Среднюю Азию русских империалистов. Из-за хлопка народы Средней Азии стали народами колониальными, и хлопковые плантации увлажнялись их кровью. Русские колонизаторы ловко объединились со старыми узбекскими баями и манапами, русские законы дали им права на воду, которые отнимал у них шариат, а для узбекских крестьян и сельскохозяйственных рабочих начался ад двойной эксплуатации. Узбекские трудящиеся перестали быть людьми, они стали «сартами» (собаками), которым запрещено было ездить в трамваях, появляться в парках, ходить по тротуарам. И восстания, которыми узбеки защищались против колониального ужаса, означали для них новые ужасы, новые кровопролития.

И только тогда, когда восстал русский пролетариат и в Петрограде, в Москве, в Нижнем Новгороде, в Иванове ликвидировали тех, от чьего имени русские генералы в Средней Азии расправлялись с населением, только тогда узбекским, таджикским, киргизским, казахским и туркменским трудящимся удалось получить свободу.

Но это еще не был конец всех бед. Среднеазиатский хлопок не утратил своей притягательной силы. Английские шпионы уже давно опытным глазом оценили несметные богатства Средней Азии, и во время революции войска английских интервентов, захватившие нефтяные источники в Баку, спешно переправились на другой берег Каспийского моря, чтобы занять будущие хлопковые плантации английских капиталистов.

Однако войска интервентов покинули Среднюю Азию еще быстрее, чем вторглись в нее. В сопротивлении, с которым они встретились, проявилась сила революции, и среднеазиатские хлопковые плантации остались для английских капиталистов лишь мечтой.

Мечтой, к осуществлению которой они, впрочем, не переставали стремиться, и Узбекистан долго и болезненно ощущал эти устремления. Вплоть до 1933 года в Таджикистане и у склонов гор в Ферганской долине появлялись банды басмачей-грабителей, вооруженных английскими винтовками и возглавляемых бывшими узбекскими баями и манапами, которые прошли специальное военное обучение в Лондоне. Вплоть до 1933 года таджикские и узбекские колхозники вынуждены были защищаться от наездов этих разбойничьих банд, а Красной Армии приходилось проявлять чудеса героизма, о которых, к сожалению, сейчас так мало знают в мире.

Долгие, долгие десятилетия хлопок был проклятьем для узбекских трудящихся, и в момент, когда он должен был стать их благословением, им пришлось целые годы сражаться за его безопасность.

Но сейчас хлопок стал действительно их хлопком, сейчас враг уже не отваживается испытывать их полную решимости силу.

И седьмого ноября этого года Узбекистан торжественно отметит великий праздник хлопковых полей. Не только праздник победы в борьбе, которая принесла ему свободу, но и праздник победы в труде, который принес ему благосостояние.

Как осел чуть было не вошел в историю

Грубые и короткие волокна хлопка, которые нашли русские колонизаторы в долинах «своего» Туркестана, не годились в качестве сырья для текстильной промышленности центра. И вот колонизаторы попытались разводить в Туркестане хлопчатник лучшего сорта, а поскольку им даже и не снилось, что здесь можно выращивать египетский хлопчатник, они выбрали второсортный, американский. Разумеется, любой сорт требует ухода; и чем лучше сорт — тем больше заботы ему должно быть уделено, а хлопок — вообще одна из самых требовательных технических культур. Чтобы американский хлопчатник привык к среднеазиатским условиям и в полной мере возродил здесь свои качества,

нужно было воспитать кадры, которые действительно хорошо и со знанием дела сумели бы его выращивать. Но воспитывать такие кадры, учить узбекских крестьян и сельскохозяйственных рабочих, давать им знания — все это даже не приходило в голову русским империалистам. Вместо учителей еще усерднее начали действовать нагайки в руках казаков, и убытки, которые капиталисты терпели за счет качества и урожайности хлопчатника, они возмещали все большим снижением жизненного уровня узбекских трудящихся.

Другим условием успешного разведения хлопка является вода. Как русские колонизаторы заботились об орошении среднеазиатских степей и пустынь, мы можем узнать с их собственных слов. В официальном сборнике «Россия» почти к полустолетию власти русских капиталистов над Средней Азией вышел объемистый том, посвященный «Туркестанскому краю» (С.-Петербург, 1913 г.). В предисловии редактор тома князь В. И. Масальский пишет:

«В течение нашего господства в Средней Азии мы сделали немало для края, но волею судьбы деятельность наша почти не коснулась главной его потребности, а именно законодательной нормировки водопользования и увеличения культурной площади, путем орошения новых земель. Между тем вся жизнь, богатство и будущее Туркестана зависит от воды и все огромное значение этой страны для нас покоится на увеличении пространства орошаемых земель и правильном пользовании оросительной водой».

Эти слова князь Масальский написал лишь так, мимоходом, посреди восхваления владычества русских капиталистов в Средней Азии, но тем они примечательнее. «Волей судьбы» русские колонизаторы не сделали для Средней Азии ничего, что сыграло бы существенную роль в улучшении ее жизни. Не сделали даже того, что определяло все огромное значение этой страны для них самих. И все же Средняя Азия приносила им огромные богатства. Чтобы получить их, они должны были подвергнуть народы Средней Азии чудовищной эксплуатации. Сколько воды они украли у малоземельных узбекских, таджикских и туркменских крестьян и сколько десятков тысяч сельскохозяйственных рабочих наполовину превратили в рабов, если в 1910 году смог-

ли похвастать, что Средняя Азия дала им 417 тысяч тонн неочищенного хлопка!

Существование власти Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в республиках Средней Азии не насчитывает полустолетия. Советской власти здесь еще только исполнится восемнадцать лет. И не «воля судьбы», а воля рабочих и трудящихся крестьян так руководила всей деятельностью советов, что удовлетворены важнейшие жизненные потребности Средней Азии.

В степях и пустынях растет сеть оросительных каналов. Десятки тысяч гектаров новых земель были уже обводнены. Советский закон справедливо разрешил проблему пользования водой. Вода перестала быть предметом торговли и орудием эксплуатации. Тысячи школ изгнали из Средней Азии неграмотность, примитивное земледелие превратилось в культурное, механизированное, зрелое в техническом и научном отношении сельское хозяйство.

Вся жизнь, все богатство и будущее советских республик Средней Азии зависит от людей, свободных и разносторонне развитых людей, а такие люди растут здесь, они уже появились. Сегодня на среднеазиатских хлопковых полях трудятся не темные колониальные невольники, а подлинно свободные рабочие и колхозники, которые все время повышают свое образование.

И в этом убеждаешься на примере хлопка.

Русским колонизаторам вся Средняя Азия давала в год 417 тысяч тонн неочищенного хлопка. Вдвое больше даст в этом году своим хозяевам только одна из четырех среднеазиатских республик — советский Узбекистан. (По всему Советскому Союзу — то есть прежде всего по Средней Азии и, кроме нее, еще по нескольким районам южной Украины, Азовско-Черноморского края, Крыма и Азербайджана, в которых выращивают хлопок,— на этот год запланировано миллион пятьсот пятнадцать тысяч тонн неочищенного хлопка. Почти на полмиллиона тонн больше, чем давали советские хлопковые поля до сих пор!)

27 сентября Исполнительный Комитет Коммунистической партии Узбекистана постановил, что план по

хлопку должен быть выполнен до 1 ноября. Постановление партии было принято во всем Узбекистане с подлинным воодушевлением. Сбор хлопка, сверкающего своей белизной из созревших коробочек, становится манифестацией. Все трудоспособное население колхозов вышло на поля. Было давним обычаем, что хлопок собирали только женщины и дети. Для мужчин эта работа казалась неподходящей, унизительной. Теперь на хлопковых полях не эксплуатируется труд детей, но зато все мужчины склоняются к ватным плодам хлопка, и тот, кто теперь отказался бы от этой работы, потерял бы уважение окружающих.

Почему же постановление партии воспринято с таким активным энтузиазмом?

Десять месяцев назад я был в Ферганской долине. Стоял декабрь, холодные, ясные дни и морозные ночи, в короткой тени борозд прятался от солнца снег. Люди ходили еще по полям и искали на кустах хлопчатника, увядших от мороза, неоткрывшиеся коробочки, чтобы, придя домой, с трудом извлечь из них влажное недоброкачественное волокно. Прошлый год был особенно неблагоприятным, но поздний сбор хлопка вошел в обычай с незапамятных времен. Узбекский крестьянин был совершенно скован хлопком. Хороший хозяин не знал одного дня в году, когда можно было бы не трудиться над хлопком. До конца года — сбор и очистка старого урожая. С нового года — пахота и подготовка нового урожая.

Никогда еще в Узбекистане так не ухаживали за хлопчатником, как в этом году. Никогда еще узбекские поля не давали такого урожая. И все же перед колхозниками Узбекистана открывается перспектива в течение полутора — двух месяцев быть свободными от забот о хлопке и в полной мере воспользоваться обильными дарами, которые он им принес.

Вот почему постановление Коммунистической партии Узбекистана принято с таким воодушевлением. Колхозники уже сейчас убедились, что выполнить план до 1 ноября вовсе не фантастическая задача. Их убеждают успехи сентября, успехи, какие до этого никогда еще не бывали достигнуты. В неблагоприятном прошлом году за сентябрь было собрано только 49252 тонны хлопка, то есть лишь шесть с половиной процентов го-

дового плана. За октябрь и ноябрь осталось еще выполнить 93 процента плана, из которых не менее двух третей приходилось на октябрь. В 1933 году, который был до сих пор самым благоприятным, в сентябре удалось выполнить 29 процентов плана — на следующие два месяца оставался «только» 71 процент.

В этом же году за сентябрь было собрано 370 000 тонн хлопка, что означает 42 процента годового плана. Остается еще 58 процентов, и в октябре, когда хлопчатник созревает быстрее и «организованнее», с этой работой уже действительно можно справиться.

Как были достигнуты эти блестящие результаты?

Прежде всего, узбекское хлопководство сейчас уже в значительной степени механизировано. Во-вторых: колхозы ввели и закрепили новую организацию труда и подлинную коллективную трудовую дисциплину. Наконец — и это, я думаю, главное — колхозники и колхозницы проявили замечательную инициативу и изобретательность в сборе хлопка.

Сегодня по всему Узбекистану прославилось имя Таджихон. Таджихон — молодая колхозница из колхоза «Акмал-Абад», комсомолка, живая, активная девушка. Работая на сборе хлопка, она открыла, что волокна можно вынимать из коробочек, не придерживая коробочку второй рукой, как это было издавна принято в Узбекистане. А если вторая рука не нужна для того, чтобы придерживать коробочку, ею можно собирать хлопок. Таджихон первая в Узбекистане начала собирать хлопок обеими руками и почувствовала, что больше успеваешь, что при таком методе не только производительнее работаешь, но и меньше утомляешься. Старые сборщики хлопка собирали в день по 40—50 килограммов. Лучшие и прославленнейшие ударники из колхозов собирали в этом году до 60—65 килограммов. А Таджихон начала собирать 110—120 килограммов в день.

Открытие Таджихон быстро распространилось по всему Узбекистану. Колхозники Старобухарского и других соседних с ним районов приглашали Таджихон к себе, чтобы она показала им свой метод работы. И хотя Таджихон пользуется сейчас всеобщим уважением и славой изобретательницы, но она уже не является «рекордсменкой» в сборе хлопка, потому что ее ученица

Ратмабиби Рахимбердыева собирает теперь в день 133 килограмма.

Таджихон по-настоящему любима всеми колхозниками, потому что ее рационализаторское изобретение означает для них быстрейшее окончание хлопковой «жатвы», необычайный рост их трудовых доходов, улучшение качества хлопка (он не перезревает на полях) и, следовательно, новое повышение их жизненного уровня.

Колхозники советского Узбекистана стоят на пороге года изобилия и благосостояния.

Изобилие и благосостояние обеспечивают также высокие сорта хлопчатника. На коллективных полях Узбекистана в этом году росли не грубые волокна туземного хлопка и не полудлинные волокна «американца». В Узбекистане есть уже значительно лучшие сорта с волокнами почти такими же длинными, как у египетского хлопка. Эти заботливо выращенные советские сорта более выносливы, чем их египетские прародители, но сохраняют при том их лучшие качества.

У советского «египтянина» интересная история. Хлопководы советского Узбекистана уже давно стремились испытать египетский хлопок на полях Средней Азии, чтобы установить, как он переносит среднеазиатский климат. Это была очень серьезная проблема. Старая русская текстильная промышленность по большей части работала на импортном хлопке и только к нему была приспособлена (то есть к более длинным волокнам, чем у среднеазиатского хлопка). Советские текстильные фабрики строились на основе всего предыдущего опыта русской текстильной промышленности и с учетом того, что пройдет несколько лет, прежде чем Советский Союз не будет зависеть от заграничного хлопка. И они были построены так, чтобы перерабатывать длинные хлопковые волокна. Когда же Средняя Азия начала давать ощутимое количество хлопка, возник вопрос: как соединить советский хлопок с советским текстилем? Это означало бы не только проделать много ненужной работы, но и ухудшить качество хлопчатобумажных изделий. Итак, было выгоднее «удлинить волокна» среднеазиатского хлопка. И ничто не могло быть более подходящим, как попытка использовать для этого египетский хлопчатник.

Однако Египет отказался дать для опытов семена

Среднеазиатская почва напрасно ожидала бы египетского оплодотворения, если бы один агроном не привез семь хлопковых семян, заботливо хранившихся в спичечном коробке. Он посеял семена, и когда им пришло время, они взошли. С необычайной серьезностью и любовью ухаживал агроном за первыми побегами хрупкого хлопчатника. Это был великий опыт: удержится «египтянин» в Средней Азии или нет?

И на свой вопрос агроном услышал однажды громкий ответ: «Нет!» Ответ этот дал... осел. Самый обыкновенный серый осел, который перед всеми остальными ослами обладал только тем преимуществом, что был ослом агронома и поэтому имел доступ в его опытный сад. Осел использовал свое преимущество при первом удобном случае, забрался в сад и с превеликим аппетитом начал объедать драгоценное зеленое растеньице из далекого Египта. Ему оставалось съесть еще три ростка — и наш любезный осел вошел бы в историю, как многие и многие другие ослы, самовольно присвоившие себе право влиять на судьбы людей. Но агроном вовремя заметил его деятельность, выгнал злополучного осла из сада, а вместе с тем из истории и спас три ростка хлопчатника...

Так рассказывают историю среднеазиатского «египтянина».

И факты говорят, что из 900 000 тонн неочищенного хлопка, которые в этом году Узбекистан даст советской текстильной промышленности, *восемьдесят процентов* будет отличного качества и в том числе тысячи тонн тонких, благородных, длинных волокон «египтянина».

«Руде право», 27 октября 1935 г.

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ТАДЖИХОН ШАДИЕВОЙ

Передо мной фотография Таджихон Шадиевой.

В истории ее жизни — весь путь узбекской женщины. Муж с ней спал, а другие его жены ее били, пока не пришла новая жена, купленная за два верблюда и восемь баранов. Так было всегда в жизни жен богатых узбеков. Такой была грязной гаремная экзотика, которая нравилась дешевым европейским писателям и трогала до слез почтенных европейских дам, во всем зависящих от своих мужей,— и прежде и по сей день.

Но Таджихон уже давно перестала быть женой богатого узбека.

В скрытую от людских глаз женскую половину узбекского дома однажды проникло известие о волнениях в городе. Муж Таджихон возвратился домой полный злобы, которая выдавала его страх. Происходило что-то необычное.

В Таджихон жила не только покорность, которой ее учили ислам и нищета родителей. В Таджихон жила также и ненависть. Страх мужа наполнил ее радостью. потому что муж был для нее лишь рабовладельцем. Она воспользовалась первым случаем, чтобы выскользнуть из дому, и с лицом, закрытым черным чачваном — сеткой из конского волоса,— пошла искать людей, у которых хватило отваги нагнать страх на богатых рабовладельцев. Улицы были полны такими людьми: в городе происходила революция.

Ее муж, стараясь сохранить свое богатство, быстро приспособился к новым условиям. Он умел читать и

писать — а это было редкое искусство, которое ему очень помогло. Он сделался советским служащим. Таджихон была разочарована. Хотя она и не имела точного представления о том, что такое революция, но ей все же это казалось непонятным: неужели люди воевали лишь для того, чтобы ее муж получил еще большую власть?

Она стала выходить из дому еще чаще. На митингах, где русские женщины с открытыми лицами произносили огненные речи о женском освобождении, а мужчины в кожаных куртках призывали к борьбе против угнетателей, она все ближе протискивалась к ораторам. Испуганно убегала, когда ей казалось, что кто-нибудь хочет к ней обратиться, но снова возвращалась, потому что ей нравились речи о свободе. И однажды она зашла в женотдел...

С тех пор Таджихон перестала быть испуганной слушательницей женских собраний — она сама сделалась активным борцом. Сама указала на своего мужа как на замаскировавшегося врага революции. Сорвала с него маску. И сорвала маску своего рабства: первая сняла паранджу. На митингах она уже не стояла где-нибудь с краю, постоянно готовая к бегству. Она сама выступала, сама говорила и говорила об освобождении женщин так, как никто иной не умел, потому что в ее словах было все ее страстное стремление стать человеком, стать свободным, самостоятельным членом общества. Во многих местах Узбекистана нужно было сказать эти слова, тысячи женщин ожидали ее... И Таджихон шла из города в город и от кишлака к кишлаку, убеждая узбечек; она стала революционеркой, стала предводительницей женщин. За ней гонялись целые банды басмачей, несколько раз она чудом избегала смерти, но каждое ее выступление после нового покушения врагов лишь завоевывало ей еще большую любовь и авторитет...

Сегодня вы найдете ее в Ферганской долине. Она пришла туда три года тому назад в качестве начальника политотдела, и под ее руководством колхозы района впервые перевыполнили план сбора хлопка. На ее груди появился орден Ленина, а в ее колхозах — зажиточная жизнь.

О прошлом она рассказывает, как бы сама удив-

ляясь, что так было. И быстро переходит к современности. Может быть, и нехорошо забывать те времена, когда заботой женщины было лишь стремление понравиться своему господину, отбить его у других рабынь, а если это не удавалось — трудиться до изнеможения. Но теперь у нее другие заботы, которые отгоняют воспоминания: колхозу нужна новая школа, в районе идут испытания нового сорта хлопчатника, необходимо подготовиться к съезду женской молодежи.

— А потом,— говорит Таджихон Шадиева,— я не хочу проиграть соревнование с мужем.

Ее второй муж — секретарь соседнего райкома. Оба района заключили социалистический договор о соревновании за лучший урожай хлопка.

Я спрашивал в колхозах, какие имеются у них перспективы на победу в этом веселом соревновании.

— Ну как же! Ведь мы с Таджихон не можем проиграть!

Это не были слова женщины, их произнес старый мираб Расул Мирбабаев. А поскольку так сказал старый узбек — это звучало как торжественное признание силы новой женщины Советского Востока...

«Руде право», 24 марта 1936 г.

РОЗИЯХОН МИРЗАГАТОВА

Один за другим следуют женские портреты в моем альбоме, в моей записной книжке.

Вот нежное лицо товарища Таировой, таджикской рабыни, которая стала руководителем высшего женского учебного заведения в Сталинабаде,— морщинистое лицо Абдулазизовой, батрачки, ставшей членом правительства, здесь Тошматова, Кадырова, Ташланова и другие женщины Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, которые ныне заседают в Центральных исполнительных комитетах советских республик Средней Азии, руководят районами, возглавляют колхозы, учат, занимаются научной работой.

Черные волосы, большие глаза, немного морщинок, которые появились слишком рано, но рассказывают о давних страданиях. И еще один портрет.

Резкая энергичная подпись:

Розияхон Мирзагатова.

Она понравилась баю гораздо раньше, чем достигла того возраста, когда шариат повелевает женщине скрыть свою молодость под паранджой. Мать воспитывала ее только для него одного, потому что ей было суждено выкупить у бая долги своего изнуренного работой отца. Она росла, и день свадьбы приближался.

А в ту пору она сама уже любила. Это была безнадежная любовь, любовь к простому нонвою, маленькому подручному пекаря, который разносил по городу теплые лепешки и восхвалял их достоинства голосом муэдзина. Ему пришлось бы так ходить и расхваливать свои лепешки еще пятнадцать лет для того, чтобы накопить денег на выкуп невесты.

На последнее тайное свиданье перед свадьбой Розияхон нонвой Мирза не пришел. Она увидела его только на другой день во главе толпы и раньше, чем мать успела загнать ее за глиняные стены женской половины дома, услышала его выкрики. На этот раз нонвой Мирза не расхваливал теплые лепешки. Нонвой Мирза провозглашал революцию...

Свадьба Розияхон была отложена. У бая теперь были другие заботы. Таких, как нонвой Мирза, вдруг оказалось много в городе и в кишлаках. Баи пытались организовать против них басмаческую контрреволюцию.

А тем временем Розияхон выходила из дому закрытая паранджой. Она спешила не только на тайные свидания с Мирзой, но и на собрания женщин, которые были тоже тайными, потому что в кривых улочках в ту пору часто находили узбечек с перерезанным горлом, они умирали от ран, нанесенных муллами и другими фанатичными служителями аллаха, жестоко каравшими женское свободомыслие.

Басмачи наступали, и у бая снова появились розовые надежды на сохранение власти. И он опять назначил день свадьбы. Именно в этот день Розияхон исчезла.

Ее искали в арыках и водоемах. Мать оплакивала дочь, совершившую самоубийство. Она была убеждена, что это самоубийство. Ведь и здесь, на Востоке, происходили такие трагедии, когда чувствительность женщины переходила меру, допускаемую аллахом. И слезы уже было унесли с собой печаль матери, когда пришли известия, что Розияхон учится в Москве.

Смерть дочери — это было горе. Но бегство дочери в Москву на учебу — это был позор, которого мать не могла пережить. Она заперлась в своем доме, и спустя семь дней соседки вынесли ее труп. Такими были раньше женщины Узбекистана, такой была и мать Розияхон...

Розияхон вернулась на родину через восемь лет.

Ее муж, бывший подручный пекаря Мирза Усманович Мирзагатов,— заведующий самой большой в Средней Азии самаркандской больницей, а Розияхон — первая в Узбекистане женщина-врач.

К ней стекаются тысячи узбекских женщин, еще

стыдящихся врачей-мужчин. Она лечит, советует, ездит по кишлакам и пропагандирует гигиену, заботясь о здоровье узбекского народа. И если в узбекских кишлаках люди действительно становятся здоровее и если узбекский народ численно возрастает, потому что его женщины могут рожать здоровых детей,— в этом немалая заслуга и Розияхон Мирзагатовой, новой свободной узбекской женщины, у которой от прошлого остались только морщинки.

«Руде право», 26 марта 1936 г.

«МЫ КОЛХОЗНИКИ МИЛЛИОНЕРЫ...»

Ташкент, ноябрь 1935 г.

Четырнадцатого ноября продавцы в газетных киосках Ташкента еще раньше, чем в другие дни, начали отвечать:

— «Правда Востока»?— Нет.

— «Кзыл Узбекистан»?— Распродан.

Четырнадцатого ноября ташкентцы с утра просматривали страницы своих газет:

— Сколько процентов?

Четырнадцатого ноября с вокзалов и по шоссе в ташкентские гостиницы съезжались колхозники-ударники из районов Узбекистана, и первым их вопросом, который они задавали носильщикам, милиционерам и дворникам, было:

— Сколько процентов?

Телеграф лихорадочно выстукивал цифры и подписи. На всех телеграммах был адрес:

— «Наркомзем. Ташкент».

Телеграммы поступали адресату как донесения с поля битвы в главную ставку или как поздравления в дом прославленного человека, дожившего до шестидесятилетия. Первое сравнение точнее.

В Народном комиссариате земледелия Узбекской республики было еще больше людей, чем в другие дни (а их там и в обычные дни бывает немало), но шум скорее напоминал напряженную тишину. Груды бумаг приглушали металлический грохот пишущих машинок, вскоре машинки замолкли, и слышался только скрип перьев да шелест карандашей.

Люди в коридорах ждали.

В два часа дня по Ташкенту разнеслось сообщение: «Девяносто девять и шесть десятых процента».

Рабочие уполномоченные с заводов, директора, партийные руководители неутомимо звонили в Комиссариат земледелия, и усталая телефонистка уже сама отвечала:

«Да... будет... еще сегодня...»

И раньше, чем сирены прогудели конец смены, от станка к станку, от магазина к магазину, от канцелярии к канцелярии, улицы Ташкента облетела весть:

«Главная хлопковая база Советского Союза, Узбекская Советская Республика, выполнила свой план по сбору хлопка на месяц раньше установленного срока».

Я видел демонстрацию рабочих после большой забастовки, в которой они победили. Видел демонстрацию людей, приветствовавших мир после окончания войны. Теперь я видел самое радость, которая вырвалась на улицы из домов и ворот фабрик и шумела по ним бурным потоком, увлекая прохожих.

Такой была демонстрация на улицах Ташкента вечером 14 ноября.

На заводах рабочий день закончили торжественными митингами. Радость переплескивала через заводские стены. Хотелось выразить ее песней, выкричать ее. Хотелось поделиться ею с другими. Это было воодушевление, при котором люди обнимаются, не стыдятся слез, танцуют.

Парторг вбежал в помещение рабочего клуба и вынес красное знамя. В руках рабочих-музыкантов появились музыкальные инструменты. Под высокие тополя ташкентских улиц уже проникла темнота, и демонстранты освещали себе путь факелами. Работницы текстильного комбината вышли, танцуя на ходу. Из казарм выехал узбекский полк. Шумные людские потоки стекались к зданию Центрального комитета Коммунистической партии.

Вскоре перед зданием ЦК была сооружена трибуна из двух грузовиков. Из дома вынесли ковры и украсили ими борта машин. С импровизированной трибуны счастливо улыбались руководители узбекских большевиков, президент Узбекской республики, председатель правительства, доверенные рабочих, ударники.

Это не был массовый митинг. Это был взаимный обмен поздравлениями с победой.

С победой на хлопковом фронте.

Выполнение республикой плана по сбору хлопка стало большим народным праздником.

Вся Узбекская республика живет этой победой. В течение целого года рабочие и колхозники Узбекистана с искренней горечью вспоминали, что план по хлопку в минувшем году не был выполнен, что они остались должны гражданам Советского Союза девяносто тысяч тонн хлопка-сырца. В этом долге в значительной мере была виновата природа — и поздняя весна, и нежеланный дождь, и наводнение, и преждевременный трехдневный мороз,— но именно с природой и сражается социалистический человек, и поражение в борьбе с нею — это настоящее его поражение.

Год тому назад — 15 ноября 1934 года — в Узбекской республике было выполнено всего лишь 67 процентов плана. Два года назад, в 1933 году, Узбекистан достиг своего рекорда — дал Советскому Союзу 795 тысяч тонн хлопка-сырца и выполнил план к 10 декабря. А в этом году план по хлопку был выполнен уже 14 ноября и с хлопковых полей было собрано 895 тысяч тонн — на 178 тысяч тонн больше, чем в предыдущем. Прошлогодний долг полностью оплачен, а на полях колхозов раскрываются все новые и новые коробочки прекрасного хлопчатника. План уже выполнен и будет значительно превзойден. Социалистическое соревнование в колхозах все ширится, колхозники выходят на поля с лозунгом:

«ДАДИМ МИЛЛИОН ТОНН»

Воодушевление, радость и счастье наполняют сегодня Узбекистан. Не только потому, что Узбекская республика добилась победы на хлопковых полях, но и потому, что эта победа явилась завершением целого ряда ее успехов.

В этом году раньше установленного срока был выполнен и перевыполнен план по развитию шелководства, которое достигло небывалого в истории Средней Азии размаха.

В этом году были достигнуты большие успехи в скотоводстве.

В этом году был перевыполнен план по заготовке драгоценного каракуля.

Десятимесячный план узбекской промышленности был перевыполнен, и нет сомнений, что будет перевыполнен и план всего года.

И после всех этих успехов в самой важной рубрике: «Хлопок» появилась наконец цифра: *«Сто процентов!»*

Всеобщая, захватывающая радость по случаю выполнения плана сбора хлопка ярко показывает, какие глубокие изменения произошли в сознании узбекских крестьян, для которых то, что было когда-то частным делом частного хозяйчика, превратилось в важнейшую заботу хозяев всего государства. Но именно эти глубокие изменения и явились причиной выполнения плана.

Колхозы, коллективные хозяйства, полностью и окончательно победили в советском Узбекистане, в стране, которая прежде была отсталой царской колонией. Социализм превратил примитивно обрабатываемые клочки земли в образцовые хлопковые плантации, социализм превратил человека, забитого нищетой и варварством и одурманенного религиозными предрассудками, в нового культурного человека, в *человека социализма.*

Омач — деревянный плуг и кетмень — мотыга — единственные орудия труда, применявшиеся в хозяйствах узбекских дехкан до революции. Только вместе с первыми колхозами появились первые тракторы. В 1929 году во всем Узбекистане было 35 тракторов. Через год их количество увеличилось в десять раз. В прошлом году в Узбекистане было уже пять тысяч тракторов. А в нынешнем — *двенадцать тысяч* тракторов помогало узбекским колхозникам, облегчая их труд.

Еще в 1933 году с помощью тракторов было распахано 45 процентов хлопковых полей. В этом году тракторы покрыли бороздами всю площадь, отведенную под хлопчатник. А тракторы не были единственными машинами, которые помогали колхозникам.

И машины не были единственным новым явлением на коллективных полях. С увеличением их числа росла

и трудовая культура колхозников, опыт старых дехкан был стократ умножен учебой, теорией.

И земля признала эту силу. Свое признание она проявила *урожаем.*

Сведений об урожайности узбекских полей до революции не найдешь нигде. Царское правительство не интересовалось такой статистикой. Старые дехкане из Ферганской долины — самого урожайного края Узбекистана — рассказывали мне, что с одного гектара они не собирали больше четырех центнеров хлопка. В этом году — сейчас, в середине ноября — гектар дает в среднем десять с половиной центнеров, и уборка продолжается, так что до конца уборочной кампании средняя урожайность поднимется до 12—13 центнеров.

А это лишь *средняя урожайность,* которая далеко была превзойдена не только отдельными колхозами, но и целыми районами. В Туганской долине земля дает 20—30 центнеров с гектара, а колхоз имени Сталина в Акмал-Абадском районе собрал 52 центнера — беспримерный урожай.

В Советском Союзе урожай не становится бедствием, как в страдающих от кризиса капиталистических странах. Хороший урожай в Советском Союзе несет трудящимся хорошую жизнь. Освобожденный человек отвоевывает у природы ее богатства и отвоевывает их для себя. Прекрасный урожай хлопка в советском Узбекистане знаменателен не тем, что благодаря ему были просто достигнуты рекордные цифры, но тем, что он принес хорошую, зажиточную жизнь трудящемуся человеку.

Вечер пятнадцатого ноября.

Обширное здание ташкентской оперы наполнено смехом загорелых женщин и мужчин, смехом радости и счастья. Это заседает Второй съезд колхозников-ударников Узбекистана. Колхозники рассказывают о своем труде, о борьбе за урожай и об одержанной победе.

Во время перерывов разговор продолжается в коридоре, где теснятся люди в пестрых халатах и европейских костюмах. Это профессиональный разговор об опыте сбора хлопка обеими руками, о новых уборочных машинах, о результатах окучивания, о своевременной поливке полей. Сагат Бешим из колхоза «Мехнат» убеждает прославленную Таджихон, что его взгляды

на борьбу с сорняками не менее важны, чем ее метод уборки, и оба они склоняются перед мудростью Тишабая Мирзаева, мастера высокого урожая, признанного не только в Ферганской долине, но и во всем Узбекистане. Ведь и Народный комиссариат земледелия приглашает этого умудренного опытом старца на свои совещания, и ни одно решение не принимается без его согласия.

А затем в разговорах начинает звучать слово «трудодень». «Трудодень»— стоимость, которую колхоз выплачивает своим членам за отработанную норму,—это мерило успехов, мерило правильности организации и качества труда.

Это уже не профессиональный разговор. Каждый может понять, что значит, если трудодень в колхозе «Санаат» (который никогда ранее не выполнял плана, а в этом году выполнил его на 185 процентов) стоит 15 рублей и колхозники этого колхоз отработали по триста, четыреста и более «трудодней»[1].

И каждый может понять...

Да, это был голос Мирзы Ахмата Бабаматова из колхоза им. Буденного:

«Мы... мы теперь миллионеры».

Сначала я думал, что он просто шутит. Но Мирза Ахмат Бабаматов начал оживленно излагать историю их превращения в миллионеров, отсчитывая на пальцах сотни тысяч рублей так, как когда-то жалкие копейки:

«По плану мы должны были сдать 367 тонн хлопка. Мы сдали их и получили 374000 рублей. Так. Но мы перевыполнили план... на 230 тонн. Двести тридцать тонн — это по государственным ценам 282000 рублей. Так. А за сверхплановый хлопок мы в качестве государственной премии получаем двухсотпроцентную надбавку. Это еще 574000 рублей. Так. И все вместе это составляет миллион двести тысяч рублей. Наш колхоз — миллионер. Мы — колхозники-миллионеры».

---

[1] «Трудодень» в колхозе — это не действительный восьми- или десятичасовой рабочий день, а *норма*. Колхозник может выработать (и как правило вырабатывает) и больше, чем эта норма. Если, например, «трудодень» на хлопкоуборке начисляется за 45 килограммов собранного хлопка, то Таджихон (которая собирала по 135 кг) вырабатывала за один рабочий день три колхозных «трудодня». (Примечание Ю. Фучика.)

Ни о миллионах, ни о сотнях тысяч, ни даже о десятках рублей не осмеливались мечтать нищие крестьяне дореволюционного Узбекистана. Батраки гнули спину на байских полях за скудную пищу или за обещание, которое баи почти никогда не выполняли. Дехкане целый год гнули спину на своих истощенных клочках земли и отдавали урожай агентам русских фабрикантов, которые обкрадывали их и на цене и на весе, приписывали несуществующие долги или брали безбожные проценты по действительным долгам. В результате жизненный уровень дехканина оказывался еще ниже, чем у батрака...

А теперь, например, сам Мирза Ахмат Бабаматов вместе с женой и сыном выработал 720 трудодней и получает из дохода колхоза двенадцать тысяч килограммов риса, помимо того, что дают ему огород и сад.

Это подлинное благосостояние.

Благосостояние, которое означает культуру. В колхозе имени Буденного уже есть своя школа, огромные богатые теплицы, новая красная чайхана, ставшая центром культурной жизни, библиотека, оркестр, хор. Колхозники приглашают к себе выдающихся артистов из столицы, строят новый большой клуб, всем молодожена̀м предоставляются дома европейского типа. Нет, не узнать теперь этого колхоза, который ты видел меньше года назад и который уже тогда нисколько не был похож на старый нищий дореволюционный кишлак.

А колхоз имени Буденного не исключение. На слова Мирзы Ахмата Бабаматова отозвались многие другие колхозы:

«И мы — миллионеры!»

Благосостояние и культура прочно вошли в узбекские кишлаки. Узбекистан делает сказочные семимильные шаги; колониальная полуфеодальная страна вступила в социализм, даже не замочив подошв в капитализме. Вот почему выполнение плана сбора хлопка вызвало здесь такое глубокое, такое искреннее воодушевление, которое не может не оказать воздействия далеко за границами советского Узбекистана, далеко за границами Советского Союза. Ведь колхозники этой важнейшей хлопковой республики Советского Союза показали нечто большее, чем просто хорошую работу. Те мужчины и женщины Узбекистана, которые вместо

сорока килограммов нормы собирали по сто пятьдесят килограммов хлопка ежедневно и разбили предрассудок о неперевыполнимых нормах,— эти люди совершили переворот в хлопководстве, во многих отношениях давно уже перегнав капиталистические страны. А если они перегнали их, если, наполнив склады советских текстильных фабрик необходимым сырьем, они дали возможность и текстильщикам показать чудеса социалистического труда, чтобы и те — не каторжным трудом, а с помощью организации и техники — превзошли производительность капиталистических фабрик, то они не только укрепили социализм в Советском Союзе, но и прямо помогли сделать новый шаг к конечной цели.

Может быть это громкое слово, но здесь, в Узбекистане, в этом великолепном и радостном расцвете бывшей колониальной страны, со всей конкретностью чувствуешь, что коммунизм не мечта далекого будущего.

«Руде право», 22 декабря 1935 г.

БОЛЬШОЙ КИРГИЗСКИЙ ТРАКТ

Нарын, октябрь 1935 г.

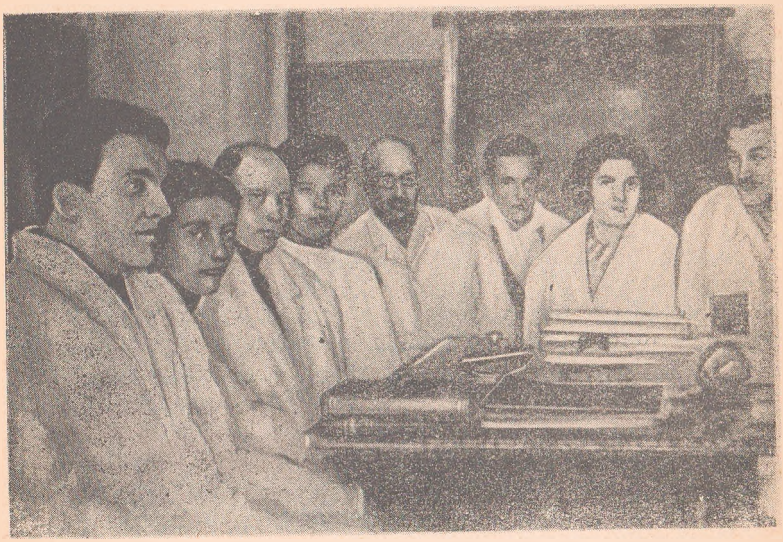
Когда десять лет тому назад поезд с первыми членами коммуны «Интергельпо», едущими из Чехословакии, прибыл на станцию Арысь и затем двинулся дальше к Чимкенту, по вагонам прошло радостное возбуждение: после долгих дней пути по бесконечным степям и пустыням Казахстана, которые порой кажутся тебе столь же безнадежными, как пустынное море мореплавателю, потерпевшему крушение, появились горы. Высокие, заснеженные горы. Это был берег их далекого странствия, предвестие Киргизии.

И только спустя несколько лет многие из членов коммуны убедились, что эти горы могут быть еще более безнадежными, чем казахские степи, ибо их слишком много.

Автономная Киргизская Советская Социалистическая Республика по своей территории почти в полтора раза больше Чехословакии. Но населения в ней едва ли в полтора раза больше, чем в одной Праге. На всей площади республики, занимающей двести тысяч квадратных километров, живет всего-навсего миллион триста тысяч человек. И кажется, что люди здесь затерялись среди гор.

Горы, горы, горы — такова Киргизия. Киргизский Алатау, Кунгей Алатау, Терскей Алатау, Урта-тау, Нарын-тау, Ат-Баш-тау, Кашгар-тау, Кокчал-тау — все это Киргизия. И Тянь-Шань — это тоже Киргизия. Могучий семикилометровый Хан Тенгри, царь духов, высится над нею, как легендарный владыка, во власти которого

находится жизнь и смерть ее обитателей. Горы — главная причина бедности Киргизии, и в то же время в них заключено все ее богатство. Не только потому, что среди гор расположены большие долины, словно специально созданные для посевов сахарной свеклы и других технических культур, не только потому, что

Юлиус Фучик в Самаркандской больнице 1935 г.

здесь находятся великолепные пастбища, на которых могут пастись сотни тысяч овец, коров и лошадей, но и потому, что в недрах этих гор скрываются сказочные запасы ископаемых: здесь есть уголь, нефть, олово, медь, золото... и кто знает, какие еще сокровища скрыты в их глубинах, ведь то, что здесь найдено,— результат изысканий всего нескольких лет. Только с того момента, когда Киргизия стала свободной советской республикой, она приступила к изучению своих богатств. И оказалось, что страна, в которой в течение столетий несколько десятков баев и манапов жило богато только потому, что сотни тысяч бедняков вели полуварварское, нищенское существование... оказалось, что эта страна вовсе не бедна, а наоборот — богата, безгранично богата, что скоро она станет одной

из богатейших советских республик. Штольни проникнут в недра ее гор, быстрые горные реки дадут энергию мощным электростанциям, рядом с которыми возникнут гигантские заводы...

...в прекрасных долинах тянь-шаньской Швейцарии вырастут современные города, там, где сейчас вьются тропинки, по которым могут пройти лишь серны да горные бараны, возникнут санатории, школы, клубы, театры...

...сегодняшние кочевники станут инженерами, врачами, профессорами...

...когда...

— А скоро мы попадем отсюда в Джалалабад?

— Через пять дней.

— Вы шутите, товарищ! Ведь здесь всего каких-нибудь триста километров.

— Триста километров — для орла. А для нас это почти две тысячи километров. Джалалабад находится прямо на запад от нас, но дорога к нему идет так: четыреста километров на север, семьсот километров на запад, потом несколько сотен километров к югу и, наконец, мы приедем в Джалалабад с западной стороны города. Это наиболее безопасная и удобная дорога. Если ехать прямо, пришлось бы преодолевать на пути большие трудности, а времени это заняло бы столько же. Перевалы уже покрыты снегом...

Киргизия станет одной из богатейших советских республик, быстрые горные реки дадут энергию мощным электростанциям, рядом с которыми возникнут гигантские заводы, в прекрасных долинах вырастут современные города, санатории, школы, клубы, театры...

...когда среди снежных гор пройдут шоссейные дороги, а опасные перевалы превратятся в безопасные проезды, по которым автомашины беспрепятственно смогут преодолевать скрытые облаками горные хребты.

Дороги, дающие возможность использования современных средств транспорта,— одна из основных предпосылок быстрого развития советской Киргизии. Без них остается лишь фрагментом и то гигантское дело, которое уже почти завершено: перевод на оседлый образ жизни бывшего кочевого населения, закладка постоянных мест жительства для киргизских чабанов, разводивших овец,

коней и рогатый скот и плативших за привычку к кочевничеству неграмотностью и невозможностью для себя приобщиться к культуре.

А пока путь, который автомобиль покрыл бы за пять-шесть часов, зачастую длится пять-шесть дней. Там же, где, как пионеры будущего, появились первые автомашины, дорога заставляет их быть медленными и осторожными. Ведь перевод рычага скорости с двенадцати на пятнадцать километров в час может стоить жизни и шоферу, и всем его пассажирам. Однако есть уже и здесь такие дороги, по которым машины мчатся со скоростью шестьдесят километров в час.

Лошади медленно ступали по пыльным камням горной тропы. Глубоко под ногами бежала река Чу. Я видел ее — мелководную и медленную; она умирала в песках пустыни, жадно впитывающих речную влагу. Я видел ее — широкую и темпераментную, весело искрящуюся на солнце и еще не подозревающую о противоестественной смерти, которая подстерегает ее посреди пустыни. Сейчас, под нами, она была опять иной. Сумрачная, вспененная от напряжения и ярости Чу стремительно неслась через Буамское ущелье, и я не удивлялся ее поспешности: здесь действительно не слишком приятно.

Я пробовал подражать своему проводнику, который опустил поводья и спокойно курил самокрутку из газеты и махорки. Но мне это плохо удавалось. Напрасно я старался не смотреть вниз, на Чу, которая с седла лошади казалась особенно грозной и глубокой. Вдруг я отшвырнул недокрученную цигарку и соскочил с коня с такой быстротой и ловкостью, на. которую способен только человек, охваченный страхом. Мой спутник уже стоял на тропе, успокаивая своего коня. Лошади испуганно прядали ушами и дрожали. Мы тесно прижались к отвесной стене скалы.

Из-за поворота навстречу нам нерешительно выехала грузовая машина. Она остановилась. И мы прошли мимо, почтительно приветствуя шофера, который, с выражением глубокого облегчения на лице и явно испытывая чувство благодарности к судьбе, утирал пот со лба. Он имел право на наше уважение, а, пройдя несколько

десятков метров, я понял, почему он был так доволен: за его спиной остался самый опасный участок Буамского ущелья — «поворот смерти». Далеко внизу, в Быстровке, вылавливали из Чу тела тех, кому не удалось его проехать. А это случалось нередко.

Таким было мое первое путешествие из Фрунзе на озеро Иссык-Куль в июне 1930 года.

Второй раз я проделал этот путь теперь, в октябре 1935 года.

Во дворе здания Памирстроя во Фрунзе стоял голубой автобус, сильно полинявший от дождя и солнца.

«Голубой экспресс».

Товарищ Попов, главный инженер Памирстроя, пожелал нам счастливого пути, и я, помня свое первое путешествие, придавал его словам особое значение. Но когда мы выехали из города, меня ожидало приятное разочарование.

Перед нами лежало широкое, благоустроенное шоссе, и автобус летел по нему, как по лучшим шоссейным дорогам Европы. Пять лет назад я ехал здесь в бричке и в душе молил судьбу сохранить мне жизнь, чтобы я мог прославить по всему свету имя кучера, который проделывает этот путь дважды в неделю. Теперь я сижу в автобусе и еду с такими удобствами, что могу спать, крутить козью ножку из махорки или беседовать со спутниками, не боясь откусить себе на первом же ухабе язык.

Мы проехали Токмак, Быстровку и оказались в Буамском ущелье. Все то же широкое, благоустроенное шоссе так свободно и легко взбегало вверх по уклону, словно ему не предстояло подняться на тысячеметровую высоту. Мы миновали «поворот смерти», и я бы даже не заметил его, если бы шофер не показал мне место, где я когда-то набрался столько страху.

В Рыбачье мы приехали к ночи. Путь, который длился раньше два, три, иногда четыре дня и был сопряжен со смертельными опасностями, мы преодолели за шесть часов.

Я лежал в глиняном домике, в котором отдыхают проезжие шоферы, беспокойно переворачивался с боку на бок и не мог уснуть. Старая и новая Киргизия перемешались в моей голове. Киргизия без дорог и Киргизия с великолепными шоссе. Мне предстояло еще много

дней путешествовать по Киргизии без дорог, но за моей спиной была шестичасовая поездка по шоссе, о котором можно сложить героический эпос. Я видел великое начало,— начало Большого Киргизского тракта.

Большой Киргизский тракт — это магистраль, которая соединяет север Киргизии с ее югом, магистраль через всю Киргизскую республику. Начинаясь у Фрунзе, тракт пройдет через Рыбачье, Качкорку, Нарын, Ат-баш, через долины Чу, Нарына и Черной воды, через многочисленные перевалы и выйдет к Узгену, Джалалабаду и Ошу, где соединится с уже законченным Памирским трактом,— самым высоким шоссе в мире. Строить эту магистраль, имеющую историческое значение для развития Киргизии, поручено Памирстрою, ударной организации строителей Памирского тракта.

И все это уже не звучит для меня как музыка далекого будущего. Почти четверть магистрали, которая могла бы соединить два противоположных конца Чехословацкой республики, сдана в эксплуатацию. По нему-то мы и ехали из Фрунзе в Рыбачье. При этом у меня было ощущение, что я совершаю фантастическое путешествие в уэллсовской «машине времени». Ведь этот участок магистрали был буквально украден у времени: по плану он еще не существовал, и предполагалось, что его строительство будет завершено к первому января 1936 года. А мы с полным комфортом проехали по нему в октябре 1935. В необычайно трудных условиях люди Памирстроя превзошли здесь все рекорды, с тем чтобы преподнести советской Киргизии законченный участок пути как лучший подарок к восемнадцатой годовщине Октябрьской революции.

Дорога еще не была полностью закончена, когда по ней прошел первый осенний транспорт зерна из плодородной иссык-кульской долины во Фрунзе. И хотя в некоторых местах грузовым машинам приходилось объезжать тракт по старым дорогам, он выдержал первое испытание на нагрузку: к середине октября было доставлено вдвое больше зерна, чем к концу ноября предыдущего года. Это был первый успех Большого Киргизского тракта, успех, который был достигнут еще на глазах его строителей. Мы застали их воодушевленными этим успехом. Им выпало редкое счастье — увидеть плоды своего труда. Ведь у строителей незавидная

судьба: они приходят в пустынный и грустный край, а когда в результате их труда он чудесно преображается, они покидают его, переходят на новые пустынные места и начинают все сначала, никогда не возвращаясь туда, где творенье их рук живет полной жизнью.

Но те, кто будет ездить по Большому Киргизскому тракту, никогда не забудут о его строителях. Уже сейчас по вечерам в самых отдаленных уголках Киргизии, в юртах и у костров на горных пастбищах, звучат их имена. И люди произносят их с уважением и любовью. Это справедливо. Строителей Большого Киргизского тракта есть за что помнить.

«Руде право», 1 декабря 1935 г.

О ВОДКЕ, БУРАНЕ, БАСМАЧАХ И О НОВОЙ ЖИЗНИ

Рыбачье, октябрь 1935 г.

1

Из Буамского ущелья выехал «голубой экспресс» — выцветший автобус Памирстроя. Он стряхнул с себя сумрачные тени гор и потонул в солнечном свете.

Солнце и пассажиры просияли. Перед ними лежали безбрежные воды озера, которое здесь, на высоте более полутора тысяч метров над уровнем моря, простерлось на сто восемьдесят километров. Озеро нежилось в лучах солнца. В хорошую погоду так греются на склонах Тянь-Шаня жеребята. Это была очаровательная и радостная картина.

В одно прекрасное утро двадцать пять лет назад из Буамского ущелья выехал богатый киргизский манап Шабдан. В то время ущелье было гораздо теснее и сумрачнее, чем теперь, и поэтому первый взгляд на озеро Иссык-Куль вызывал еще большую радость. И манап Шабдан, вероятно, впервые в жизни пораженный красотой, решил отметить этот день приумножением своих богатств. Он торжественно объявил западные берега озера своими владениями (для могущественного манапа это было тогда несложным делом) и приказал основать при выходе из Буамского ущелья поселение.

Так в 1910 году возникло Рыбачье, и с той поры до самой революции у выхода из Буамского ущелья стояло два низеньких глиняных домика, вокруг которых среди жесткой травы время от времени словно из земли вырастали и вновь исчезали кротовьи холмики кочевых юрт.

Сейчас в Рыбачьем более двух тысяч жителей. Для проезжего — это безнадежно скучный городок, из которого стараешься поскорее выбраться. Возможно, что так же к нему относятся и местные жители. Но для тех, кто постоянно пользуется киргизскими дорогами, для шоферов, для строителей дальних участков киргизской магистрали, для «морских пиратов»— экипажа иссык-кульской флотилии,— Рыбачье — это оазис. Оазис серый, пыльный, лишенный зелени и деревьев (хотя рядом с Рыбачьим находится несколько десятков миллиардов кубических метров воды, в нем нет речной влаги для орошения садов и аллей)... итак, серый, пыльный, лишенный зелени, но все же оазис.

Или, лучше сказать, порт. Рыбачье — типичный портовый город. Не только потому, что здесь крупнейшая на Иссык-Куле пристань, но и потому, что Рыбачье — главное пристанище киргизских автомашин. Городок пересекают все дороги северной Киргизии и все дороги, соединяющие север страны с югом. Отсюда большое значение Рыбачьего и большое его будущее. Здесь возникнет город со стотысячным населением, «чрево» советской Киргизии, через которое будут проходить продукты питания для людей и фабрик всей республики. И для того, чтобы Рыбачье так выросло, не потребуется столетий.

Пока же это только маленький, запыленный городок, и шоферы, сухопутные моряки, плавающие по грозным волнам гор, радуются, когда завидят его пыль на горизонте.

Не знаю, чего больше потребляется в Рыбачьем — бензина или водки? Войти в Рыбачьем в столовую — это все равно, что войти в портовый кабачок. Кислый дым махорки застилает и без того тусклую электрическую лампочку. Инвалид войны за никому не нужным барьерчиком заменяет своей гармонью джазоркестр. Наваливаясь локтями на непокрытые столы, сидят неутомимые в питье мужчины. А женщины в белых передниках, и молодые и старые, разносят водку в бутылках с отбитыми горлышками. Все столовые в Рыбачьем похожи одна на другую — все они напоминают кабаки... Но есть тут закон, с которым в портовых кабачках других стран ты не встретишься: обслуживающие женщины здесь неприкосновенны. Это такие же трудящиеся, как

и те, что сидят за столами, и беда посетителю, если он забудет об этом.

Пьют здесь от скуки, пьют из-за того, что в местное кино — длинное глинобитное строение, рассчитанное на пятьдесят зрителей, можно втиснуть не более двухсот человек, пьют потому, что вокруг высятся дикие горы, но главным образом пьют просто потому, что «все хорошо кончилось» и трудная дорога по ущельям и перевалам обошлась без несчастий... Пьют люди, которые приехали из далеких городов, делают большое дело, зарабатывают много денег и мало получают от жизни.

Культура с трудом продирается сюда, высоко в горы, но она шаг за шагом ведет зримое наступление на портовую психологию Рыбачьего. Единственное кино, в котором молодые энтузиасты руками вращают динамо (аппарат все время нервно мигает), ежедневно уводит из пивных и закусочных двести шоферов, механиков, матросов, портовых грузчиков. В портовом клубе только что закончено строительство второго кинозала. Среди глиняных домиков на полутора улицах Рыбачьего вырастают современные европейские дома. Будет строиться театр, новые рабочие клубы, библиотека получит новое здание. А проходя вечером по темным улицам, ты видишь свет не только в окнах пивных, но и в школе, где киргизы с жидкими бородками, сидя за детскими партами, внимательно слушают лекцию шофера об устройстве двигателей внутреннего сгорания или курс бухгалтерии, который ведет портовый бухгалтер.

Этого мало в сравнении с морем выпиваемой здесь водки, но этого достаточно, чтобы увидеть перспективу развития городка. Ведь Рыбачье стало значительным населенным пунктом только за последние три года. А в следующие три года оно уже станет городом, который из недр Кунгей Ала-тау выведет на поверхность исчезающую в нескольких километрах от него горную реку и загонит под землю захлестывающие его сейчас водопады водки.

Это не фантазия. Таким было развитие многих новых советских городов, которые выросли в безлюдной степи еще быстрее и расцвели еще великолепнее.

Пока же Рыбачье — пристань шоферов и иссык-кульских матросов, которая запомнится тебе своей

пылью, водкой и ураганом.

Во время бурана, превращающего красоты Иссык-Куля в ад, я и услышал впервые рассказ о Хамракулове и Кондрикове, рассказ о ростках новой жизни, которые пробиваются и побеждают в этом диком и романтическом крае.

2

Началось это совершенно так же, как бывает в приключенческих романах:

Над тихими водами озера Иссык-Куль сверкал ясный солнечный день. Довольные пассажиры парохода «Киров» связывали на палубе мягкие тюки своих ватных одеял и вглядывались в показавшееся на горизонте Рыбачье. Уже видны были башни элеватора и серые портовые цистерны. Через два часа кончится странствие по озеру, обрамленному снегами гор (а я, наконец, дождусь парохода, который отвезет меня в прославленный Каракол).

Но вдруг из Буамского ущелья повеял легкий ветерок. Прозрачная озерная гладь покрылась волнами, и Иссык-Куль стал походить на море. Капитан «Кирова» беспокойно смотрел на берег и старался приказами подогнать медлительное судно.

Маленькие волны превратились в валы. Ветер резко усилился. Это был первый шквал, авангард урагана. Казалось, до пристани уже рукой подать, когда из Буамского ущелья вырвался «улан», уперся в борт корабля и погнал его назад, по только что пройденному пути, относя на десятки километров от пристани. Рыбачье скрылось в тучах тяжелой пыли.

Люди, лошади, собаки, даже свиньи, которые за минуту до этого с наслаждением подставляли солнцу то один, то другой бок под стенами глинобитных кибиток,— все исчезло с улиц. Ураган смел жизнь с поверхности оживленного городка. Земля, казалось, поднялась в воздух и нависла над домами. Ветер нес непроницаемую завесу пыли, траву, мусор. Камни падали на землю, словно орехи с невидимых деревьев. Человек, вынужденный перебежать улицу, появлялся в дверях весь белый от пыли, как после далекого путешествия. «Улан» ревел между дрожащими домиками, и только

разбушевавшееся озеро пыталось заглушить его грохотом своих волн. Людьми и животными овладело чувство неуверенности, которое обычно бывает при землетрясении...

Это длилось два дня.

К вечеру третьего дня «Киров» пришвартовался к пристани Рыбачьего, и усталые пассажиры, побледневшие от страха и морской болезни, сходили с палубы.

Эти два дня я просидел в холостяцкой комнате инженера Магаршака, начальника 2-го строительного участка Памирстроя. Магаршак — худощавый, высокий человек, молодой, но уже с большим опытом. В его улыбке, казалось, постоянно присутствовала горечь. По-видимому, так оно и было. Вырос он в Ленинграде, в этом прекрасном большом городе на берегах Невы, и здесь, в Рыбачьем, невероятно страдал от недостатка культуры и городского комфорта, от всего, что еще и сейчас определяет отсталость глубинных районов Киргизии. Возможно, иногда он был не прочь пожаловаться на свою судьбу. Но в сердце его было не только страдание. Оно горело пафосом величественного строительства. Работа доставляла ему радость, он гордился доверенным ему делом и, обдумывая, как без бетона построить бетонный мост, ощущал более глубокое духовное удовлетворение, чем слушая симфонию Бетховена.

— ...и еще тридцать пять километров на вашем участке, товарищ Магаршак...

— Тридцать восемь,— поправил он с подчеркнутой серьезностью. Я засмеялся:

— Три километра!

— Да, три километра... когда едешь в машине, это пустяки. Но три километра, которые ты строишь, это кусок жизни, это твой вклад в историю. Их никогда не забудешь. Помнишь людей, взмахи мотыг, упорствующую скалу, перевернутую бричку, запыхавшийся трактор... Нет, нет, не отнимайте у меня этих трех километров: в них часть жизни, которой не придется стыдиться...

Таков был инженер Магаршак.

Два дня, пока бушевал «улан», я просидел в его комнатке, которая год назад была отобрана у местной

милиции. На дворе завывала и грохотала буря. Мусор и камни стучали в окна, в которые вместо разбившихся стекол были вставлены куски картона. На кровати, закинув ноги на ее спинку и смертельно скучая, лежал главный инженер строительства Большого Киргизского тракта Попов. Нелегкая занесла его в Рыбачье как раз во время «улана». Николай Иванович, молодой техник Памирстроя, отрывал от газеты ровные полоски бумаги и свертывал из них козьи ножки, хотя махорки у нас не было и в эту собачью погоду никому не хотелось за ней идти. Инженер Магаршак рассуждал вслух, почему бумага «Советской Киргизии» курится приятнее, чем бумага «Известий», но, поскольку он даже не пытался закончить свои рассуждения шуткой, никто из нас не счел нужным на них как-нибудь реагировать. Не унывал только Виктор Андреев — шофер Попова,— большой толстый ребенок с умными глазами. Он неутомимо заводил граммофон и ставил одну за другой заигранные до болезненной хрипоты пластинки. Граммофон оставила здесь соседка нашего хозяина инженер Анна Борисовна, которая помимо своей основной работы ведет курсы дорожного строительства для шоферов и служащих Памирстроя. Занятиям «улан» не мешает. Перед уходом она потребовала от нас торжественного обещания в том, что пружина граммофона у нас не лопнет.

— Сами понимаете, рисковать здесь таким достижением культуры мы не можем.

Итак, мы сидели, слушая, как из трубы граммофона вылетают хриплые звуки «смеха» из «Гейши» (на этикетке пластинки почему-то было написано «Неаполитанская тарантелла»), когда молчаливый техник, свернув очередную козью ножку, сказал:

— У поворота смерти мы поставим ему обелиск.

Шофер одобрительно закивал головой, инженер Попов приоткрыл и снова закрыл глаза, а Магаршак прочертил ногтем на скатерти извилистую линию и затем перерезал ее мягким полукругом. Я понял, что все эти неразговорчивые люди думают об одном, одинаково близком для каждого из них, о дороге, которую они вместе строили, и если бы их мысли были высказаны, они составили бы роман о творчестве и героизме.

Я не отваживался нарушить молчание, но мои глаза

и руки, видимо, настолько красноречиво выражали вопрос, что Николай Иванович пояснил:

— Ильясову.

Ильясов, пожилой техник, работал на Памирстрое с самого начала строительства. Он проводил предварительные изыскания еще на Памире, где организация и получила свое название. А за два года до того, как сооружение Памирского тракта было окончено, Ильясов покинул вершины Памира и начал карабкаться по склонам Кунгея и Терскея Ала-тау в советской Киргизии. В конце 1931 года разведывательные работы на трассе Большого Киргизского тракта в основном были завершены. Грузовая автомашина увозила изыскательную партию Ильясова из Рыбачьего во Фрунзе. Это было радостное путешествие. Самые трудные задания по разведке уже были выполнены, тяжелейшую работу удалось закончить без единого несчастного случая. Толстый портфель был набит чертежами и расчетами трассы, которая превратится в новую шоссейную дорогу. Двадцать молодых людей вскочили в кузов машины, старый начальник экспедиции с веселой почтительностью был втиснут в кабину рядом с шофером, и грузовик тронулся.

В те времена (читатель уже знает об этом) поездка по Буамскому ущелью была опасным предприятием. Глинистая дорога размокла от дождей и снега, и крутой скат упорно толкал машину в пропасть, по дну которой текла Чу. Грузовик подъехал к повороту смерти. Шофер осторожно провел его по головокружительной петле дороги, и пассажиры с облегчением перевели дух. Поворот смерти остался позади.

Но смерть еще подстерегала их. Грязными, липкими руками она схватила задние колеса машины.

Падающий грузовик вышвырнул из кузова своих пассажиров. Прихрамывая и отирая кровь с разбитых лиц, спускались они по склону к реке, куда свалилась машина.

Шофер и старый техник Ильясов сидели в кабине. Они были мертвы.

— Это были первые две жертвы Большого Киргизского тракта.

— А много еще их было?

— Нет, в том-то все и дело. Только начало оказалось

таким угрожающим. С тех пор за два года строительства, которое проходило в труднейших условиях, произошел еще только один несчастный случай, который стоил жизни работнику стройки. Обвалилась горная стена, подкопанная вопреки нашим предписаниям, и засыпала рабочего. Этот случай послужил началом большой разъяснительной кампании по технике безопасности, и несчастье больше никогда уже не появлялось на нашей трассе...

Снова все замолчали. Вскоре вернулась Анна Борисовна, и мы молчали уже вшестером.

И опять первым нарушил молчание техник Савчук:

— У Ильясова были совсем белые волосы. Он поседел за один день. Это было еще на Памире... на перевале Чигирчик... Мы тогда попали в плен к басмачам...

3

До революции Средняя Азия служила источником сырья для капиталистических фабрик Центральной России — и только. Это была темная отсталая царская колония с промышленностью до смешного ничтожной (царское правительство запрещало строить в «своем» Туркестане фабрики, чтобы они не конкурировали с иваново-вознесенскими) и с незначительной прослойкой промышленного пролетариата, в которой рабочие местных национальностей терялись и были редким исключением (русские колонизаторы не допускали в цехи своих предприятий узбеков, киргизов, туркмен, таджиков и нанимали только русских рабочих). Это был край примитивного земледелия, полуфеодальных порядков, почти стопроцентной неграмотности, край, где мулла воистину считался представителем аллаха на земле и религия устанавливала законы, которые бедный дехканин или батрак не смели нарушить.

Отсталость и темнота оказались прекрасными помощниками контрреволюции. Остатки феодалов и нарождавшаяся местная буржуазия сплотились в едином фронте с колонизаторами, и муллы своей отравленной пропагандой открыли наступление. Целые кишлаки садились на коней, беднейшие из бедных принимали оружие из рук своих классовых врагов и вступали в борьбу против советской власти, которая, по словам

магометанских священнослужителей, запрещает верующим молиться аллаху, национализирует все имущество бедняков, включая верблюдов и жен.

Гражданская война в Средней Азии затянулась дольше, чем в остальных районах Советского Союза. Вести о подлинном характере Советской власти медленно проникали в недоступные горные долины Тянь-Шаня и Памира.

Бои прекратились здесь только в 1926 году. Познавшие правду трудящиеся сами выдавали контрреволюционных вожаков в руки Красной Армии; предводители басмачей, разбитые на поле сражения, бежали за границу: в Афганистан, Персию, Индию, где в их судьбе принимали деятельное участие английские консулы, никогда не забывавшие о заинтересованности своего правительства в басмаческой контрреволюции.

После басмачей осталось тяжелое наследство: десятки выжженных до тла кишлаков, подорванное земледелие, целые районы с разрушенной оросительной сетью, нищета, голод, тысячи вдов, сирот и изуродованных людей — борцов за Советы, которые попали в руки фанатиков — басмачей, отрезавших «предателям шариата» носы, уши, пальцы и руки.

Под руководством большевиков Средняя Азия не только восстанавливала то, что уничтожали басмачи, но стала процветать, начала разрабатывать ранее не использовавшиеся богатства. Страшные годы гражданской войны быстро уходили в прошлое.

Началась первая пятилетка. Страна приступила к осуществлению гигантского плана строительства основ социализма. Ты помнишь, читатель, это было время, когда все враги Советского Союза снова взялись за оружие. Капиталисты всего мира искали удобного повода к войне, папа римский призывал к крестовому походу против Советов, буржуазные журналисты обмакнули перья, приготовясь к самым неслыханным кампаниям лжи и клеветы, провокация следовала за провокацией, и вот из Афганистана в республики Средней Азии снова вторглись басмачи. Да это и понятно. Все было вполне понятно: и стремление капиталистов к войне, и призыв папы римского, и кампании клеветы в печати, и новое нападение басмачей. Капиталистический мир ясно сознавал: если он не помешает осуще-

ствлению пятилетнего плана — конец всем его надеждам на уничтожение первого пролетарского государства.

Басмачи были отлично вооружены и имели прошедших специальную подготовку военачальников. Это Англия так позаботилась об их победе, Англия, еще не утратившая вкуса к богатствам среднеазиатских республик и, главное,— исполненная страха. Ведь совсем близко, отделенная одним только горным хребтом, лежала «ее» Индия, для которой рост социализма в таком близком соседстве служил более чем увлекательным примером.

У басмачей было много новейших английских винтовок, английских пулеметов, но у них уже не было того, что являлось их основной силой в период гражданской войны. Они лишились опоры, которую находили раньше в отсталости и темноте населения. Жители Средней Азии уже давно шли по дороге созидания и творчества, указанной им Советской властью, и хорошо понимали, что басмач — их злейший враг.

Авантюристическое нападение басмачей, предпринятое в годы первой пятилетки, окончилось их полным разгромом. Но бешеная жестокость этих хорошо вооруженных наемников поглотила еще много жертв.

В июле 1931 года на перевале Чигирчик работала группа советских техников, которая прокладывала трассу первой шоссейной дороги на Памир,— самой высокой шоссейной дороги в мире. В большинстве своем это были совсем молодые люди, и только о начальнике группы было принято говорить — старик Ильясов.

Стоял ясный день.

По тропе, ведущей к перевалу, поднимался отряд всадников. Первыми их заметили изыскатели, работавшие на самом гребне перевала.

Над плечами всадников сверкнули на солнце стволы винтовок.

Басмачи!

Часть техников бросилась в горы, часть — вниз по склону, некоторые спешили к палаткам, чтобы спасти чертежи. Но отряд всадников оказался быстрее.

Только двое из всей группы успели скрыться в горах. Остальные попали в плен к басмачам.

Все это произошло в несколько минут. Из палаток исчезло все, что, по мнению басмачей, представляло

какую-либо ценность. Бумаги, чертежи, расчеты были разбросаны по земле. Пленников раздели почти донага. Всадники окружили их и погнали к неведомой цели. Солнце, отражаясь в ледниках, сжигало кожу измученных пленников. А когда оно зашло, ударил мороз. Люди не знали, как долго они идут и куда идут. Они остановились в ущелье, по которому гулял сквозной, убийственный для них, холодный ветер. Здесь находилась палатка главаря басмаческого отряда.

Его интересовал только один вопрос:

— Кто из вас начальник?

Все, кроме старого Ильясова, были комсомольцами. Держались твердо. Никто не выдал своего руководителя, которого наверняка ожидала бы смерть. Их били, угрожали кинжалами, револьверами, саблями. Но пленники, как один, повторяли, что их начальник и его заместитель — это как раз те двое, которым удалось скрыться в горах, а они, мол, простые рабочие.

Начальник басмачей послал всадника с донесением в главный штаб.

Это рождало надежду. Пленники выигрывали несколько часов, в течение которых как раз и могло прийти спасение — красноармейцы.

Но радость, вселенная надеждой, жила недолго. Один из басмачей обнаружил, что среди пленников есть девушка. Коротко остриженные волосы и телогрейка делали ее похожей на юношу. Случайно как раз она меньше других пострадала, когда басмачи грабили и раздевали пленников. Банда не узнала, какая ей досталась добыча,— счастье для пленницы, потому что басмачи на Памире испытывали большой недостаток в женщинах. Теперь это счастье кончилось: девушка была опознана.

Слух об этом быстро разнесся по лагерю, и бандиты спешили со всех сторон. Комсомольцы не собирались выдавать своего товарища. Началась неравная борьба. Скоро сопротивление пленников было сломлено, и рассвирепевшие басмачи, забыв о захваченной ими женщине, выгнали всю группу на склон горы. Там, на склонах гор, красноармейские дозоры находили тела советских учителей, узбечек, которые осмелились снять паранджу, активных колхозников, работников Коммунистической партии.

Пленники знали, что их ожидает. Нескольких медленных, тяжелых шагов по склону ущелья было достаточно, чтобы товарищи успели в последний раз пожать друг другу руки. Басмачи умеют целиться — они хорошие охотники.

Но выстрелов не последовало.

Среди басмачей появился всадник. Пленники услышали несколько непонятных слов. И вот уже они спускаются вниз по склону, подгоняемые басмачами и толком не понимающие, миновала ли уже та неуловимая секунда, которая отделяет жизнь от смерти, или они действительно еще живы.

Их вели по ущелью, через гребни гор, и по вежливому обращению басмачей они поняли, что целью их пути является главный штаб басмаческих отрядов. Теперь они уже не удивлялись своему «спасению». Они знали, что в штабе их ожидает встреча с английским инструктором, которого явно интересуют люди, прокладывающие трассу будущей дороги на Памир, к воротам Индии. И разведыватели уже жалели, что всадник с приказом не прискакал на несколько секунд позже. Пытки, которые их ожидали, были тяжелее быстрой смерти от разрывной пули.

Каменистая тропа повернула в ущелье. Неожиданно их грустные размышления прервала пулеметная очередь. Пули взрывали глину перед копытами лошадей, на которых ехали басмачи. Бандиты вступили в бой с неожиданным неприятелем. Но перестрелка длилась всего несколько минут. Отряд красноармейцев, ожидавший здесь конвой с пленниками, был сильнее...

С этого места дорога пошла веселее. Пленники поменялись ролью с басмачами.

И только когда вдали показался лагерь под Чигирчиком, все заметили, что темные волосы «старика» Ильясова стали совершенно белыми.

Дорога на Памир уже закончена. Горно-Бадахшанская область, на протяжении всей человеческой истории труднодоступная и почти отрезанная от остального мира, ныне соединена с ним превосходной шоссейной дорогой, по которой автомашины без труда преодолевают высочайшие в мире перевалы. Путь, измерявшийся ранее неделями, измеряется теперь часами.

А испытанные строители Памирской трассы, спасшие-

ся от смерти в басмаческом плену, прокладывают новое шоссе в высокогорных районах Киргизии.

— Но знаете ли вы, что на Большом Киргизском тракте и сейчас есть басмачи?— спрашивает инженер Магаршак.

— Где?

— Недалеко отсюда — в Буамском ущелье.

Я был способен представить себе, что среди недоступных скалистых утесов, в ущельях, заброшенных высоко в тянь-шаньских горах, могут скрываться и еще скрываются, наверное, некоторые из бывших участников разбитых басмаческих банд, там еще могут найти себе убежище эти опасные в прошлом враги. Но как басмачи осмелятся появиться сегодня в оживленном Буамском ущелье, по которому ежедневно проезжают сотни машин и где трудятся сотни рабочих?

Позднее, однако, я сам встретился с ними, и это была приятная встреча.

Участок шоссе, проходящий через Буамское ущелье, уже готов. Только в некоторых местах группы рабочих еще расширяют дорогу или ставят вдоль нее бетонные столбы над наиболее крутыми склонами. Люди работают быстро и с воодушевлением.

— Мы обещали закончить строительство шоссе к седьмому ноября, к годовщине революции. И выполнить свое обещание — для нас вопрос чести...

...эти слова я услышал не от начальника строительства и не от инженера Магаршака. Их произнес Хамракулов. А Хамракулов — бывший кулак. И вся его бригада состоит из бывших кулаков. Бригада, которая работает рядом, целиком составлена из бывших воров. Ее бригадир Кондриков — в прошлом опасный гость многих городов Центральной России. А возле него трудится бригада киргизских басмачей.

Басмачи в Буамском ущелье в 1935 году! Басмачи, с которыми приятно встретиться! И не только потому, что теперь они безвредны, не только потому, что их пребывание здесь демонстрирует силу пролетарской революции, одержавший над ними победу, но также и потому, что эта сила оказалась настолько могущественной, что совершенно изменила их, сумела из них, бывших врагов, сделать активных участников строительства нового, в корне изменила всю их жизнь.

Сюда, на эту работу, они пришли не по доброй воле. Они были осуждены, и вначале самым решительным аргументом против их нежелания работать и желания сбежать со строительства был часовой с винтовкой в руке.

Теперь один из них, Исаев, сам уже носит на плече винтовку и следит за поведением вновь прибывших. Но ни разу еще он не применил своего оружия и никогда не применит его, потому что у своих бывших стражей, работников ГПУ, он научился новому способу охраны — воспитанию. А это — могучее оружие. Ибо эти люди вскоре начинают понимать, что осуждение — не конец их жизни, а только конец их прошлого, и новая жизнь еще впереди; что навсегда ушла пора, когда их боялись, и теперь только от них самих зависит приблизить время, когда их будут уважать и любить.

Хамракулов был свирепым врагом. Он ненавидел Советскую власть, потому что она означала конец его владычества в кишлаке. И он шел на все — от агитации до поджога колхозных амбаров, в то время когда каждый килограмм зерна имел, с исторической точки зрения, вес целой тонны,— лишь бы подорвать основы социализма в деревне. Бывшие батраки разоблачили его вредительство. Хамракулов был арестован и осужден на десять лет.

Началось строительство шоссе Фрунзе — Рыбачье. Не хватало рабочих рук, и на работу была послана колонна заключенных. (Заключенные в СССР вовсе не являются самой дешевой рабочей силой, как это пытаются доказать буржуазные журналисты. Управление строительства оплачивает работу заключенных по тем же расценкам, что и работу свободных рабочих, а поскольку на счет управления заносятся и расходы по охране, заключенные становятся, наоборот, более дорогой рабочей силой. Система применения труда заключенных основывается, конечно, не на денежной выгоде, а на том, чтобы использовался труд всех работоспособных и прежде всего — на перевоспитании «бывших людей» в настоящих новых людей, в советских граждан.) В трудовой колонне находился и Хамракулов. Он был способным человеком и все свои способности направлял на «отлынивание» от работы. Его назначили бригадиром и предоставили ему возможность набрать в бригаду людей

по своему усмотрению. Долго не раздумывая, он составил ее целиком из бывших кулаков. Эти люди были близки ему. Они хорошо понимали друг друга. Во время перерывов они вместе мечтали о потерянной власти и сговаривались о побеге. А чтобы снискать доверие, решили получше работать.

Прошло два месяца. Казалось, наступил удобный момент для побега. Хамракулов уже собирался было точно назначить его дату. Но за несколько вечеров до решающего дня на собрании колонны начальник лагеря назвал несколько образцовых бригад, в числе которых оказалась и бригада Хамракулова. Хамракулов стал примером. Стал тем, чем он не был ни разу в жизни. В эту ночь не спали от волнения ни Хамракулов, ни его бригада. А на другой день они не выполнили свой план. Это было как раз в тот день, когда бригада Исаева шагнула в своей выработке далеко вперед, на целый месяц закрепив за собой переходящее красное знамя строительства.

Хамракулов воспринимал победу Исаева как личное поражение. Ему казалось, что Исаев отнял у него часть почета, которого он был удостоен на собрании колонны. Хамракулову хотелось вернуть этот почет целиком, хотелось самому нести во главе своей бригады переходящее красное знамя.

Побег был отложен на месяц. И через месяц красное знамя перешло в руки бригады Хамракулова. Но и теперь совершить побег было невозможно: нужно было защищать честь краснознаменной бригады и в соревновании с Исаевым и в соревновании с новым соперником — бригадой «неисправимых» российских воров во главе с Кондриковым.

Так прошел год. Кондриковцы напрасно пытались победить хамракуловцев, и Хамракулов каждый день, торжествующе оглядываясь на Кондрикова, выходил из лагеря со знаменем в руках. Потом Кондриков начал обгонять хамракуловцев. Он приглядывался к их работе, изучал их организацию труда, и Хамракулов, постепенно забывая неприязнь к нему, готов был отдать славу спортивной победы за честь быть учителем.

Сейчас кончается последний месяц строительства первой очереди Большого Киргизского тракта. В клубе собралась вся трудовая колонна. Все хотят присутство-

вать при торжественном акте. Ведь сегодня Хамракулов отдает переходящее красное знамя самому упорному своему противнику — Кондрикову. В последний месяц Хамракулов отстал: его бригада выполнила план на 179 процентов, а бригада Кондрикова — на 185.

Хамракулов взволнован.

На широких скулах сверкнули слезы, они слышатся и в его голосе.

— Гражданин Кондриков, передаю это знамя тебе...

Лицо Кондрикова сияет под козырьком новой с иголочки кепки, которую он не снял именно потому, что слишком уж торжественный это был момент. Он принимает знамя и произносит большую речь:

— Наши выиграли, но Кадыр, то есть гражданин Хамракулов, задал нам работу. Я, граждане, русский, и сначала мне казалось обидным, что у меня отнимает первенство какой-то киргиз. Вообще... так сказать, я... как выразился товарищ начальник... занимался великодержавным шовинизмом. Теперь я знаю, что киргизы — наши братья, и Кадыр отнимал у меня первенство, потому что лучше умел работать. Я, граждане, у него учился, и, так сказать... знамя теперь по-настоящему принадлежит нам только наполовину. И вообще...»

Кондриков так и не объяснил, что означало это «вообще». Он крепко обнял Хамракулова и положил древко знамени на его плечо. Хамракулов в свою очередь обнял Кондрикова, древко знамени медленно скользнуло из его руки, и красное кумачовое полотнище, словно занавес, закрыло лица обоих бригадиров.

Это была сцена, которая в театре показалась бы неправдоподобной. Но для того, кто видел ее в действительности, в ней не было ничего театрального.

Седьмого ноября новое шоссе будет сдано в эксплуатацию. В этот день Хамракулову торжественно объявят, что он свободен, что ему возвращены гражданские права и он может жить, как всякий честный советский гражданин. И он, и Кондриков, и Исаев, и десятки других ударников из числа бывших воров, кулаков, басмачей. Они знают уже об этом и строят планы своей будущей жизни. Одни поедут домой, другие — учиться, а иные хотят остаться на стройке, с которой они срослись.

Хамракулов остается. Каким он станет человеком, когда полностью будет завершено строительство Большого Киргизского тракта, дороги, которая в заброшенные, но богатые долины Тянь-Шаня несет новую жизнь!

«Руде право», 8 декабря и 5 января 1936 г.

ДВА ЧАСА НА ПАРОВОЗЕ

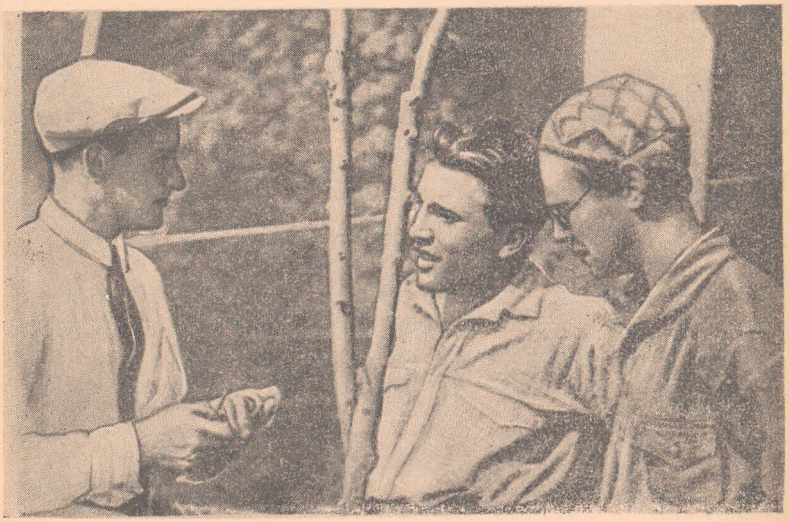
В Кзыл-Орду мы приехали точно. Ни минуты опоздания. Позади уже осталось два дня пути. Но нам предстояло еще почти целых четыре дня — и первый, который нас ожидал, был днем снежной бури над казахстанской степью.

Хищный, морозный ветер бил в наши вагоны со всех сторон. Паровоз устало и жалобно вздыхал, но его вздохи заглушались порывами бури. Снег, сметенный со степи, скрипел под его колесами. Подкашивал ему ноги. Иногда мы стояли — и нам казалось, что нас занесет снегом, но потом новый порыв ветра сдувал с рельс сугроб, и мы двигались в путь. Анна Михайловна, проводница вагона, сожгла в прожорливой печке весь наш двухдневный угольный запас. Но стоял такой холод, что и в валенках невозможно было усидеть на месте. Ветер атаковал нас даже через двойные стекла в окнах, вентиляцию, крепкие стены вагона дальнего следования. Мы, трое иностранцев, благословляли в уютном купе упрямство, с которым русские железнодорожные специалисты защищали систему самостоятельного отопления каждого вагона. Что было бы с нами, если бы на советских железных дорогах паровое отопление всего поезда монтировалось в единую систему по европейскому образцу? Мороз подирал нас по коже при одном воспоминании об этом, хотя термометр в нашем вагоне все же показывал несколько градусов выше нуля.

Потом метели надоело заигрывать с нашим поездом, и она перескочила через нас, чтобы через несколько ча-

сов беспокоить пассажиров поезда Сталинград — Москва. Анна Михайловна бросила последний кусок угля в печку и авторитетно заявила:

— Горячий выдался денек...

Юлиус Фучик в Алма-Ате, 1934 г.

...что не согласовалось ни с нашими ощущениями, ни с показаниями ртути в термометре.

В Актюбинск мы приехали с опозданием на восемь часов.

В коридоре развернулись широкие дебаты представителей всех купе. Сможем ли мы это упущенное время наверстать? А если нет... не прибавим ли мы по крайней мере четыре-пять часов к нашему опозданию?

— Согласно расписанию, мы должны быть в Москве в пять часов вечера. Шесть-восемь часов опоздания — это значит, что мы приедем в два часа ночи. Неприятное время. Если уж опаздывать, так лучше приехать утром.

Мы легкомысленно бросались часами, а тем временем новый машинист внимательно изучал поездной график пути до Оренбурга, чтобы хоть отдаленно, приблизительно иметь возможность ответить на вопрос, когда мы туда прибудем.

— Почему только приблизительно?— спросил я позд-

нее, когда с разрешения начальника поезда он уже пригласил меня к себе на паровоз.

— Потому что мы едем по перегруженной магистрали. Раз уже наш поезд на столько часов нарушил расписание, ему трудно будет снова попасть в график. Мы будем вынуждены ждать, ждать, ждать, чтоб не нарушать расписание других поездов. Черт возьми!..

И машинист нашего поезда, Федор Игнатьевич, разражается многоэтажным ругательством. Я не вижу в этом особой заслуги, но его ругань звучит очень искренне.

Кочегар, тоже Федя, но Иосифович,— объясняет причины своего плохого настроения. Их бригада — то есть водитель поезда Федор Игнатьевич, помощник машиниста Максим и он сам — кочегар — включилась в социалистическое соревнование к VII съезду Советов. Лучшая бригада дороги пошлет в Москву своего делегата на съезд. У них были прекрасные перспективы. Но какое тут соревнование, когда между Кзыл-Ордой и Актюбинском снежная буря уже несколько дней нападает на поезда и бригада Федора Игнатьевича принимает в Актюбинске состав с многочасовым опозданием, которое потом не удается наверстать. Как докажешь, что ты сжился с паровозом телом и душой и что он слушается тебя как своего полного хозяина, если на каждой станции, у каждой стрелки тебя может остановить красный цвет.

И это называется экспресс!

На таком паровозе коммунист вскоре уже чувствует себя дома. Труд здесь иной, чем на фабрике, в колхозе или в школе, но *отношение* к труду, гордость за собственный труд, понимание труда как дела личной чести встречаешь и на этом паровозе,— в бригаде Федора Игнатьевича. Итак я быстро почувствовал себя здесь как дома, и пока мимо нас убегали назад заснеженные степи и песчаные барханы, приглаженные ветром, пока топка щедро согревала закрытую будку машиниста, а морозный воздух продувал ее, когда Федор Игнатьевич открывал окно на ответственных участках пути, я брал у машиниста и его бригады настоящее интервью. Оно длилось два часа, но не бойтесь, что я целых два часа буду утомлять вас. Ведь в течение этих двух часов Федор Игнатьевич не только отвечал мне, но и выполнял боль-

шую работу. За это время мы на сто километров приблизились к Москве.

Свои расспросы я начал просто. Я вспомнил метод рабочих делегаций, которые всегда считают самым важным спросить о зарплате. И вскоре всегда оказывается, что советских трудящихся заботят более важные вопросы, чем зарплата, которой они в большинстве случаев вполне удовлетворены. Итак:

— Сколько зарабатываете, товарищ Федор Игнатьевич?

— Я,— говорит Федор Игнатьевич,— работаю на паровозе семь лет. Хорошо сдал государственный экзамен и теперь причислен ко второй категории машинистов пассажирских и скорых поездов. Так что у меня основная ставка этой категории — то есть 380 рублей в месяц. Перед этим я ездил на товарных поездах. Там у меня теперь была бы основная ставка 315 рублей в месяц. Это я говорю основная ставка. Потом особая надбавка за дорогу — у меня это составляет 60 рублей в месяц. А к этому еще премия за точность, за скорость, за состояние паровоза, за особенно трудные километры. Следовательно, всего я зарабатываю примерно рублей 600-700 в месяц.

— Гм, 600 рублей, это немало.

— Да я и не говорю, что это мало.

— А вы, Федор Иосифович, сколько вы зарабатываете?

— Ставка 225 рублей, надбавка за дорогу 15 рублей, премия примерно 100—150 рублей — в целом также немало: около 400 рублей.

— Так что вы довольны?

— Доволен? Нет.

— Ай-яй-яй! Недовольны?

Если бы я был таким репортером, который приехал в Советский Союз искать проявления недовольства и свидетельства непопулярности советского режима, у меня бы, наверное, засияли глаза от радости. Но я уверен, что я едва ли бы здесь нашел нечто подобное, и недовольство Федора Игнатьевича имеет, несомненно, другие причины.

— Недовольны? Что? Плохие жилищные условия?

— Ах, нет, у нас в Оренбурге новые железнодорожные дома.

— Снабжение, не так ли?

— Со снабжением порядок.

— А что же тогда?

— Работа, товарищ, скверная работа. Вы только не подумайте. Я жалуюсь не на плохие условия труда и даже не на какие-либо личные трудности в работе. Меня огорчает, что транспорт в целом все еще не может справиться со своими задачами. А как мы можем быть сами собой довольны, если вся страна нами недовольна? От царя нам досталось страшное наследие. Отсталая страна, жалкая промышленность... А транспорт? Лучше и не говорить. И вот теперь страна растет, промышленность перегоняет капиталистические государства — и, естественно, к нашему транспорту предъявляются все большие и большие требования. Нельзя и сравнивать с тем, что было до революции.

— Ну, если растет промышленность, растет, наверняка, и транспорт?

— Растет, товарищ. Но, видите ли, это такая вещь. Завод или фабрика — сложный механизм. Каждая хорошая работа — сложный механизм. Но транспорт — это особенно тонкий механизм. Для него нужны самые лучшие специалисты. На железной дороге, товарищ, собственно, не может быть неквалифицированных работников, любой подсобник здесь должен иметь какую-то квалификацию. Но вы сами знаете, что квалифицированных людей все еще недостаточно. И мы, на транспорте, это особенно остро ощущаем. Потому что речь идет не просто о квалификации, но о высокой квалификации. Если, например, строитель допустит ошибку в кладке кирпичей — это плохо. Но тут дело еще можно поправить. Если же стрелочник ошибочно переведет стрелку, то обычно этого исправить уже нельзя.

— Вы хотите объяснить,— спросил я Федора Игнатьевича,— почему на советских железных дорогах тоже происходят катастрофы, хотя здесь нет таких условий труда, которые ведут к железнодорожным катастрофам в иных странах.

Федор Игнатьевич отвернулся от окна и почти с презреньем посмотрел на меня.

— Нет, я хочу объяснить причины объективных затруднений нашего транспорта. А катастрофы — это другой вопрос. Из-за нехватки квалифицированных рабочих у нас могут быть определенные трудности, но катастро-

фа — это уже не следствие недостаточной квалификации, а результат преступного резгильдяйства.

Так мы заговорили на паровозе о том, что так сильно интересовало многих иностранных делегатов-железнодорожников: о строгих наказаниях, которым подвергаются советские путейцы за аварии и несчастья на дороге.

— Я, например, читал в газете,— говорю я,— что один начальник станции был приговорен к расстрелу за происшедшее по его вине столкновение поездов. Что вы об этом скажете?

— Что я скажу об этом?— отвечал Федор Игнатьевич.— Меньшего он не заслуживал, вот что скажу. Рассудите сами, товарищ, если кто-нибудь умышленно убьет другого, нам кажется, что наказать его — справедливо. Правильно. Но что заслуживает человек, который из-за безответственного разгильдяйства (а часто — больше: из-за враждебности к нашему социалистическому государству) становится виновником железнодорожной катастрофы с человеческими жертвами? Я говорил, что мы испытываем недостаток квалифицированных людей. Из-за этого нам приходится медленнее ездить, мы не можем увеличить пропускную способность пути. Однако при этом предусматривается полная безопасность. Мой отец тоже машинист. Он еще жив и часто рассказывает, в каких условиях работали машинисты в царской России. Тогда, действительно, за несчастья были ответственны их подлинные виновники, то есть кто эксплуатировал наших железнодорожников. А им никогда ничего не было, сколько бы людей ни погибало. Но теперь, товарищ, совсем другое положение. Нас никто не эксплуатирует, людей теперь никто не выматывает так, чтобы они валились с ног от усталости, как тогда. Мы сами хозяева своей судьбы. И если в таких условиях происходит несчастье, виновников его мы можем искать где-то поблизости. Где-то среди персонала. И наказать их мы должны как можно строже. Одобряю ли я это? Как же я могу этого не одобрять? Ведь в моих интересах, чтобы из-за разгильдяйства или преступления другого со мной не произошло несчастья. Впрочем, не следует забывать, что таких людей не судит кто-то, не знающий нашей работы. Каждый такой случай основательно расследуется *нами*.

А уж если мы скажем — виновен, так это уж будет действительно в самую точку!

Пейзаж, пробегающий мимо паровоза, не меняется. Все те же белые равнины, приглаженные ветром. Широкие горизонты. Собственно, для езды в советском поезде это символично. Едешь ли ты в вагоне дальнего следования или в пригородном вагоне, лежишь на просторной полке в купе или стоишь с машинистом в паровозной будке, твои горизонты расширяются, если только ты разговариваешь с настоящим советским человеком. А машинист, с которым я беседую,— настоящий советский человек.

Теперь он уже рассказывает о том, как растут новые кадры квалифицированных железнодорожников, и я при этом вспоминаю большое здание Московского института железнодорожного транспорта: как-то я видел выходящих из него молодых мужчин и женщин в красивой железнодорожной форме.

— Сеть школ и курсов для железнодорожников все время расширяется,— говорит Федор Игнатьевич и с гордостью показывает на Максима.— Еще год назад он был кочегаром на товарном поезде. Комсомолец. Сегодня он уже помощник машиниста.

— А через два года,— добавляет Максим,— буду ездить вместо Федора Игнатьевича.

— Можешь, можешь,— кивает головой Федор Игнатьевич,— сам я уже буду водить 2-7-2.

Ездить на паровозе 2-7-2 — сокровенная мечта Федора Игнатьевича. 2-7-2 — новый паровоз, созданный на луганском заводе. Это самый сильный паровоз в Европе. У него 11 осей, 3750 лошадиных сил. Во время испытаний он тянул груз в 2780 тонн со скоростью 55—82 километра в час.

— Определенно буду водить 2-7-2,— говорит мне Федор Игнатьевич.— Только такие паровозы нам и нужны. До сих пор лишь Америка могла похвастаться подобной машиной. Но теперь там, вероятно, почили на лаврах.

— Почему почили на лаврах, Федор Игнатьевич?— пытаюсь я испытать его.

— Почему? Вы знаете, что за последние четыре года количество пассажиров в Америке упало на 46 процентов, а количество перевезенных грузов на 44 про-

цента? У нас же за это время ежегодно перевозки грузов увеличивались на 52 процента, а количество пассажиров — на 135 процентов. Так что видите, товарищ, нам нужны 2-7-2, а не эти бабушки,— показывает Федор Игнатьевич на свой паровоз. Он хочет этим выразить известное пренебрежение к своей «бабушке», но сам смотрит на нее ласковыми глазами.

Этот разговор мы закончили уже на перроне. Два часа на паровозе пролетели быстро. Но уже в Оренбурге я зашел еще раз пожать руку нашему машинисту Федору Игнатьевичу. Советскому машинисту, который сознает свои задачи... а также знает баланс американских железных дорог. Мне хотелось бы теперь провести два часа с его американским коллегой. Не сомневаюсь, что его не интересовал бы железнодорожный баланс, но он рассказал бы мне, наверное, тоже много интересных вещей.

Только, пожалуй, иного характера... и другим тоном...

«Свет Праце», 1935 г., № 10.

ДОЛИНА ЧУДЕС В УЗБЕКИСТАНЕ

Если бы я сказал вам, что большевики признают чудеса,— вы бы мне не поверили. И правильно. Я бы тоже не поверил. Но если вы приезжали на Чирчик еще год тому назад и снова осматриваете его сегодня, держа в руках план всего, что здесь возникнет через два-три года,— думаю, что и вы не нашли бы другого названия, как «долина чудес».

Чирчик — среднеазиатская река. Вы никогда о ней не слышали? Вскоре ее имя будет вам так же знакомо, как названия всех знаменитых рек мира, его будут произносить с почтением, примерно так, как говорят «Днепр» или «Волга». И прославит ее тоже социалистическое строительство. Так же, как во всем мире звучало слово «Днепрострой», вскоре будет звучать «Чирчикстрой». Потому что на Чирчике воздвигается подлинный Днепрострой Средней Азии.

Как раз там, где глубокая горная долина Чирчика приближается к Ташкентской долине, где Тянь-Шаньское предгорье резко снижается и переходит в равнину, там расположен Чирчикстрой, там находится будущая долина чудес.

Два года тому назад долина Чирчика еще напоминала многие другие дикие и заброшенные долины в среднеазиатских горах. И лишь землемеры, приходившие сюда со своими шестами и теодолитами, предвещали Чирчику другое будущее, непохожее на его прежнюю тысячелетнюю судьбу. Если ты придешь на Чир-

чикстрой сегодня, то прежде всего увидишь новую станцию, новую железнодорожную колею, несколько канцелярий, а также чертежные и проектные мастерские. Городок, зародыш будущего социалистического города, стоит там, где еще недавно появлялись только бедные кибитки да юрты кочевников. Но главное: увидишь гранитный канал, в который сбегают воды Чирчика, оставляющие свое старое русло. Канал уже открыт — и это был первый торжественный день в молодой истории Чирчикстроя. Зачем воду Чирчика отвели в этот канал, временный характер которого очевиден, несмотря на его многокилометровую длину? Ее отвели для того, чтобы воздвигнуть в русле Чирчика препятствие, которое он не в силах будет преодолеть: *плотину*. Теперь уже нет людского муравейника возле незаконченного канала, и возникает новый — на месте, где вырастет плотина, внушительная плотина, способная гнать воды Чирчика на расстояние двадцати километров.

Узбекская промышленность *сегодня,* конечно, могла бы удовлетвориться одной чирчикской гидроцентралью, но завтра узбекская промышленность будет нуждаться в десятках таких централей. Энергия, которая потечет из чирчикской долины чудес, откроет гигантские богатства тянь-шаньских гор и предгорий. Провод, ведущий электрическую энергию чирчикских станций, превратится в волшебную палочку, прикосновение которой обнаружит запасы меди в Алмалыке, свинца и олова в южном Кара-Мазаре, и на белый свет появятся нетронутые залежи известняка, мрамора, молибдена и угля.

И вот еще одна из причин, благодаря которым когда-то бедная, заброшенная и дикая долина Чирчика становится долиной чудес, потому что самые простые вещи Чирчик будет превращать в редкие ценности. Там, в Чирчикской долине, возникнет завод по производству азотных удобрений. Завод, который никогда не испытает недостатка в сырье, хотя по новой железнодорожной ветке к нему всегда будут прибывать только порожние вагоны. Да, будут прибывать порожними, а возвращаться до самых краев наполненными азотными удобрениями. Почему? Потому что Чирчикский комбинат сможет использовать для производства удобрений неисчерпаемое сырье: воду и воздух.

Вода состоит из двух элементов: водорода и кислорода. Если мы наполним электробассейны водой и пропустим через них электрический ток, то разложим воду на оба эти элемента, которые в виде газа можно потом отвести в газоемы. Воздух также состоит из двух элементов: кислорода и азота. Азот — как раз то, в чем нуждается каждое растение. Без азота не вырастет ни одно дерево, ни один цветок, ни зерновые, ни хлопчатник. Но растениям не нужен азот в виде газа. Это и понятно: для нас ведь тоже недостаточно было бы купаться или мыть руки в водороде или кислороде, если бы они оставались газом, а не жидкостью. Но можно, опять-таки с помощью электрического тока, разложить воздух, отделить азот от кислорода, под огромным напряжением соединить азот с водородом и получить таким образом то, что требуется для искусственного удобрения — аммиак.

Это чудо и будет осуществлено в Чирчике. Чирчик станет давать энергию и сырье, другую часть сырья даст воздух над ним — и из Чирчикской долины будет выходить не только электричество, которого ждут неорганические богатства узбекских гор, но и искусственные удобрения, необходимые растениям, зерновым и, главное — хлопку плодородных узбекских степей...

И «чудо» это совершают большевики в стране, которая до революции испытывала жестокую эксплуатацию и национальный гнет со стороны русских капиталистов.

Затеянная здесь стройка — немалое предприятие. Представьте, что будет уложено 130 миллионов кирпичей: аккуратно поставленные один на другой, они поднялись бы выше горы Арарат.

Сегодня работы на Чирчикстрое идут уже полным ходом. Тысячи рабочих копают землю и управляют машинами, и все новые тысячи приезжают сюда. Чирчикстрою нужны десятки тысяч рабочих, чтобы он был готов в 1937 году.

И тогда Чирчикская долина начнет творить свои чудеса. Чудеса, которые не являются чудесами, потому что вершат их руки людей. Но на это способны только свободные люди. Если они работают для блага коллектива. Если трудятся они по плану на великом строи-

тельстве нового, социалистического общества. Если они обладают твердым намерением дать человеку лучшую, более счастливую жизнь и с помощью техники освободить его от подчинения природе. Такие люди создали Днепрострой. Эти же люди создают сейчас Чирчикстрой в стране узбеков...

ИЗ ОЧЕРКА «СССР — ВЕЛИКОЕ ТВОРЕНИЕ ЛЕНИНА — ВСТУПАЕТ В ЭРУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И БЛАГОСОСТОЯНИЯ»

Москва, январь 1936 г.

Иногда в Ташкенте бывают зимние вечера, напоминающие скорее весну или осень.

Сейчас один из таких вечеров.

Из полуоткрытого окна одноэтажного домика на улицу льется свет и тихий голос. Два молодых человека перед окном приподнимаются на цыпочки, упорно заглядывая внутрь, напрягают слух и что-то записывают на карнизе в свои тетради. Они даже не замечают, что ты возле них остановился.

— Что вы тут делаете?

Они оглядываются и молча кивают на окно. В нем видны молодые и старые люди, мужчины и женщины, которые сидят за партами или стоят. Бородатый мужчина старательно крупными цифрами выводит на доске уравнения с двумя неизвестными.

Школа.

— Мы пришли с опозданием,— объяснили юноши, когда учитель за окном объявил перерыв,— и было стыдно войти... Все равно пришлось бы стоять. Мест не хватает...

Но они не ушли.

— Один урок пропусти, а потом за месяц не нагонишь. А куда ты годишься, если даже уравнений решать не умеешь...

— Да! Без уравнений к коммунизму не придешь. И без знания истории, и без географии, и без физики, и без иностранных языков!

Не везде такие теплые вечера, как в Ташкенте, и не всегда найдешь энтузиастов учебы на улице, под окнами школы. Но всегда и везде в Советском Союзе найдешь такие школы, всегда и везде в Советском Союзе найдешь десятки, сотни, тысячи молодых и старых людей, которые учатся усердно, с любовью, со страстным желанием все знать.

Идешь по улице Москвы. Уже поздно, магазины закрыты, но вот в одной из витрин видишь свет. Продавцы и продавщицы белья, закрыв двери для покупателей, рассаживаются за своими прилавками или за партами. Со склада приносят доску, прислоняют ее к кассе, и немолодой профессор из Академии наук с научной обстоятельностью рисует на ней схематическое изображение стратосферы.

Далеко оттуда, в киргизском городе Каракол на границе Китая, ты найдешь такую же школу в бывшей мечети. Но сидят в ней не продавцы белья, а работники киргизского автотранспорта и с увлечением повторяют опыт с лейденскими банками. Это их шестой урок физики. (...)

Здесь учатся все. Старые женщины из Ферганской долины, которые только теперь сняли паранджу, с прилежностью старательных детей читают по складам первые буквы из букваря, а шахтер и повар в Горловке размышляют о прошлом и будущем эпоса на вечерних курсах теории литературы. (...)

Даже поверхностный наблюдатель Советского Союза, который не умеет или не хочет замечать, как учатся здесь люди, убедится в их огромной тяге к культуре, если хоть однажды зайдет в театр или кино. Театры, кино, концертные залы постоянно переполнены, постоянно не могут удовлетворить растущие культурные потребности советских трудящихся. Не хватает мест в зрительных залах Москвы и Ленинграда, не хватает их и в самых отдаленных уголках Советского Союза. В этом нет различия между москвичом и казахом из Караганды. (...)

(...) В жизнь трудящихся Советского Союза приходит благосостояние. (...)

И ты уже не удивишься, что у Карима Абдуллаева, члена колхоза «Искра», стоит в его кибитке самый совершенный и, разумеется, самый дорогой радиоприемник и что хозяйство рядового члена артели «Ленинский путь» богаче, чем было до революции хозяйство зажиточного старейшины рода.

«Руде право», 26 января 1936г.

МИР БЕЗ УГЛЯ

Москва, февраль 1936 г.

В 2136 году в английский город Лидс или Ньюкасл приедет школьная экскурсия из Лондона, учитель подведет детей к вышке шахты, огороженной резной решеткой (какие сейчас водружают вокруг памятников), и начнет рассказывать:

— Здесь некогда добывался особый минерал, мягкий, черного цвета, обладавший удивительным свойством — он горел. Люди называли его углем.

Это не фантазия. Такие школьные экскурсии к бывшим угольным шахтам действительно совершались бы, если бы капиталисты удержались у власти до тех пор. Через двести лет Англия полностью лишилась бы угля, через четыреста лет уголь стал бы неизвестным минералом и в Германии, а через тысячу или тысячу пятьсот лет угля не было бы во всем мире, даже если бы за это время люди открыли новые угольные запасы в Азии или Африке. Дело в том, что потребление угля растет год от года и, согласно данным мировой статистики, через каждое двадцатилетие увеличивается вдвое. Если уголь попрежнему останется главным источником энергии, грядущие поколения будут знать об этом черном топливе только по историческим рассказам.

Еще быстрее исчерпались бы природные запасы нефти. За сорок или пятьдесят лет такого использования, какое мы знаем сейчас, нефть исчезла бы во всем мире и только Советский Союз со своими богатыми нефтяными источниками смог бы сохранить ее запасы еще в течение ста или ста пятидесяти лет.

А если бы во всем мире в качестве основного источника энергии начали использовать древесину, меньше чем через десятилетие земной шар остался бы без лесов.

Науке все известно, знают это и капиталистические специалисты по экономике народного хозяйства. Но такое название по сути дела злая ирония над ними. Какие это специалисты по экономике народного хозяйства, если ценные вещества, имеющие огромное значение для будущего нации с точки зрения развития промышленности, транспорта, культуры, здравоохранения, они сжигают с наименьшей пользой для человечества (но с наибольшей прибылью для себя) под котлами своих фабрик? Существует уже много изобретений и проектов, предлагающих заменить энергию угля энергией ветра или солнца, но за немногими исключениями эти изобретения и проекты остаются лишь в сфере занимательных фантазий. Они или требуют слишком больших затрат, чтобы сразу принести обогащение, или наталкиваются на международные преграды — в частности, на раздел мира между империалистами (например, проект гигантской гидроэлектроцентрали у Гибралтара мощностью в 160 миллионов киловатт). Капиталисты не используют по большей части и дешевой энергии горных рек, потому что большинство таких рек находится в странах, где они не хотят строить фабрики, желая иметь возможность эксплуатировать эти территории исключительно как источники сырья.

Очень наглядный пример этого представляла собой сама царская Россия, и пример тем более наглядный, что он позволяет сравнить экономическую политику капитализма и социализма на одной и той же территории. Из всех видов энергии, помимо энергии угля и нефти, техника в настоящее время лучше всего подготовлена использовать энергию воды, «белого угля». В Советском Союзе огромные запасы этой энергии. Понятно, что они были и в царской России. Но царская Россия не только не попробовала заменить в интересах будущности человечества черный уголь белым — она не знала, какими энергетическими ресурсами обладают ее реки, и не знала даже, сколько у нее рек. По последним царским данным в России было 3850 рек общей длиной в 376 тысяч километров. Но в Советском Союзе протекает 6500 рек, и общая их длина превышает пятьсот тысяч километров.

Может быть, большевики за 18 лет существования СССР вырыли тысячи новых рек и десятки тысяч километров новых речных русел? Разумеется, нет, но они начали основательно и по-научному изучать природу своей страны, чтобы использовать ее на благо всего человечества.

Царской России вполне хватало ее знаний о запасах водной энергии. Ведь на всей территории царской России из этих многомиллионных запасов использовалось только 513 тысяч лошадиных сил, причем еще половина из этого приходилось на водяные мельницы, примитивные водяные мельницы, работавшие на технических принципах, которые, согласно историческим находкам, были известны людям уже за несколько тысяч лет до нашей эры.

Сейчас один Днепрогэс использует значительно больше водной энергии, чем вся царская Россия в 1913 году,— его мощность 800 тысяч лошадиных сил. А Днепрогэс не единственная советская гидроэлектростанция, хотя пока что —самая большая. Однако все сделанное до сих пор является лишь началом использования советских запасов водной энергии.

Если бы все население земли могло работать, оно проделало бы только треть работы, которую теоретически могут осуществить советские реки. Но если мы даже возьмем минимальную энергию советских рек, их силу в период маловодья, и это составило бы 54 миллиона лошадиных сил, что превышает силу всего трудоспособного населения земного шара. Использовать всю эту энергию, разумеется, нерационально. Не везде ее запасы столь велики, чтобы их можно было использовать без еще большей затраты энергии. Но если мы даже возьмем лишь такие места, где запасы энергии достигают более десяти тысяч киловатт, мы получим внушительную цифру: сто миллионов киловатт, то есть без малого двести Днепрогэсов.

По ресурсам водной энергии Советский Союз стоит на первом месте в мире. А строительство гидроэлектростанций ставит его на первое место и по использованию водной энергии.

Наибольшими возможностями обладает азиатская часть Советского Союза — как раз те места, где царская Россия принципиально не строила ни фабрик, ни тем бо-

лее электростанций. С точки зрения русских капиталистов это была только колония, только сырьевая база для промышленности центральной России. В Советском Союзе нет колониальных территорий, нет колониальных народов. Все территории, все народы являются равноправными членами великой советской семьи, и это не только провозглашено на словах, но и подтверждено всей экономической политикой Советского Союза. В царской России промышленность была целиком сосредоточена в центральных губерниях и частично на Урале. На миллионах квадратных километров к востоку от Урала не было ни одной значительной фабрики, ни одного крупного завода. Неравномерное распределение производства мы наблюдаем во всем капиталистическом мире (на севере и северо-востоке Франции, занимающих шесть процентов территории французской республики, сосредоточена половина ее промышленности; в десяти северо-восточных штатах США, на десяти процентах американской территории, находится шестьдесят шесть процентов американской промышленности, и т. д.), но в царской России это была целая система колониальной эксплуатации «русского» Востока.

Сейчас в Советском Союзе именно Восток является главным центром промышленного строительства. Первая пятилетка создала колоссальную промышленную базу на Урале и тем самым сделала возможным дальнейшее наступление на Восток, вторая пятилетка перенесла центр строительства в далекий Кузнецк, в восточную половину Урало-Кузнецкого комбината, и вот, вместе с новым строительством на Дальнем Востоке, создана гигантская промышленная цепь от самых западных до самых восточных границ СССР. А с нею через Караганду и Прибалхашстрой соединена также растущая промышленность Средней Азии.

В этих восточных районах СССР возникают и новые большие гидроэлектростанции.

Посмотрим, к примеру, на Среднюю Азию. В западной части СССР было только что закончено строительство первой большой советской электростанции — Волховской, когда под Ташкентом начали строить первую электростанцию на Боз-Су. Хотя она имела мощность всего в 3000 киловатт, но была тем не менее самой крупной электростанцией в Средней Азии. Сейчас в том же

Ташкенте работает уже Кадырьинская электростанция мощностью в 13000 киловатт, а в нескольких десятках километров от Ташкента великолепными темпами строятся три электростанции на Чирчике. В отношении энергии — это пол-Днепрогэса, а с точки зрения хозяйственно-экономического значения — целый Днепрогэс.

Одновременно строятся большие электростанции на реке Чу в Киргизской республике, на реке Варзоб в Таджикской республике работает Кувасайская гидроцентраль; готовы проекты электростанций на Вахше, на Зеравшане и многих других реках. Республики одной Средней Азии получат в будущем году больше энергии от гидроэлектростанций, чем получила вся царская Россия в 1913 году. А среднеазиатские республики занимают только одну двадцатую территории Советского Союза.

Весь Советский Союз в 1932 году получил от гидроэлектростанций 5 процентов общей электроэнергии — 690 миллионов киловатт-часов. В 1933 году от гидроэлектростанций было получено уже свыше миллиарда киловатт-часов. В будущем же году вода даст 16 процентов всей электроэнергии — *шесть миллиардов киловатт-часов,* что означает экономию по крайней мере шести миллионов тонн топлива.

Особенно большой скачок в использовании водной энергии будет сделан, однако, в третьей пятилетке, в те пять лет, когда в Советском Союзе возникнет Волгострой, который даст восемь миллиардов киловатт-часов, и когда в результате огромного строительства в Восточно-сибирском крае начнется освоение порогов Ангары, на которых возникает электростанция *в десять раз более мощная,* чем Днепрогэс.

Конечно, одна водная энергия не решит полностью проблемы энергоресурсов. В Советском Союзе работает целая большая лаборатория по осуществлению великой человеческой фантазии — широкого использования «голубого угля» — ветра и «золотого угля» — солнечной энергии. И мечты постепенно становятся реальностью. Скромный ташкентский профессор Трофимов перешел уже в ряде аспектов от лабораторной работы с тепловой энергией солнечных лучей к практическим проектам, в Ташкенте строятся бани с пропускной способностью в две с половиной тысячи человек ежедневно, где вода ле-

том и зимой будет согреваться *солнечной* энергией, и еще в этом году начнется строительство *завода, на котором сера будет плавиться с помощью солнца,*— первого настоящего солнечного завода в мире.

Свободный социалистический человек овладеет и теми силами природы, об использовании которых до сих пор только писались фантастические романы. И только одна фантазия не осуществится — а именно фантастическое предположение, что капиталисты хотя бы в Англии удержатся еще сто лет — поэтому и не придется школьным экскурсиям отправляться смотреть на шахты в Лидсе или в Ньюкасле, как на шахты, где некогда добывался уголь.

«Руде право», 21 и 23 февраля 1936 г.

ИЗ ОЧЕРКА «СОВЕТСКАЯ ШКОЛА И СОВЕТСКИЙ УЧИТЕЛЬ»

Ленинград, апрель 1936 г.

(...) «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе». Так говорил Ленин. И эти слова, как и многие другие его слова, ставили перед молодой советской республикой повседневные задачи, решение которых требовало еще немалого времени. Ведь как раз школьное наследие, полученное советской республикой от царской России, было в ужасном состоянии.

Во всей царской России за год до революции имелось 2968 низших, средних и высших учебных заведений. В низших и средних школах училось семь с половиной миллионов человек — менее трети детей школьного возраста. Но это соответствовало общему культурному уровню царской России, две трети населения которой не знали грамоты. Таким образом, уже общая картина была удручающей. Но детали ее производили еще более удручающее впечатление. Имелись целые обширные края, в которых школ почти или совсем не было. Имелись целые народы, в которых только трое человек из тысячи умели читать и писать, и были другие народы, стопроцентно неграмотные. Методы обучения, казалось, остались неизменными со средневековья. Решающее слово в школе принадлежало попу. Сколько-нибудь прогрессивные учителя вскоре начинали ощущать попечение жандарма. Другие учителя, с розгой в качестве главного учебного пособия, были скорее похожи на полицейских, чем на воспитателей. Но и такие учителя для нача-

ла были хороши. Хуже обстояло дело со школами у народов, где учителей не было вовсе, потому что никто не умел читать и писать на местном языке.

Не было школ, не хватало учителей, не было учебников. И если в подобной обстановке Ленин говорил о новом типе учителя, об учителе, который стоял бы значительно выше учителей буржуазного общества, это была точно такая же «утопия», как его слова о ста тысячах тракторов на советских полях в тот период, когда гражданская война вообще не позволяла возделывать поля.

Сегодня, как вы знаете, великая ленинская мечта о тракторах уже давно осуществлена. А теперь осуществлена и его мечта о советском учительстве. Это грандиозный успех всего культурного строительства Советов.

Но каким было начало!

Страна с семьюдесятью процентами неграмотных требовала тысяч учителей. Старые учителя, если в них было хоть немного педагогической совести, начали творить чудеса в своей работе. Но их не хватало, далеко не хватало. И вот наскоро, но упорно создавались новые кадры. Демобилизованный красноармеец или инвалид гражданской войны, который только в Красной Армии научился кое-как читать и писать, становился после возвращения в родное село учителем, потому что — кроме попа — он был там единственным грамотным человеком. Пекарь, токарь, обувщик шли по приказу партии учительствовать в деревню, потому что немного разбирались в книгах и были дисциплинированными членами партии, на которых могла быть возложена такая задача. Из немногочисленного пролетариата некогда угнетенных, полностью неграмотных азиатских народов выбирались наиболее способные люди и посылались на несколькомесячные (а часто и только нескольконедельные) курсы, где они впервые учились латинской азбуке и началам счета... а через несколько месяцев (или недель) уже возвращались в кишлаки своей страны учить детей и взрослых вещам, для них самих еще не утративших своей таинственности.

Такие это были учителя. Еще в 1930 году я встретился в Киргизской республике с учителем, который распустил свою школу в глубине Тянь-Шаньских гор и проскакал на коне двести километров до Фрунзе, потому что забыл, как производить деление. Он оставался во

Фрунзе два месяца, учился... и через два месяца снова поехал учительствовать, потому что другого учителя не было. Но не доехал. По дороге попал в руки басмачей, руководимых муллой — магометанским священнослужителем,— который прекрасно понимал, какая опасность заключается для него в грамотности киргизских дехкан. Голову учителя нашли позднее у дороги — тело унесла горная река...

Многие из учителей остались лежать на культурном фронте с перерезанным горлом.

Но не только это, а вся та борьба, которую учителя, плохо вооруженные наукой, вели против многоголовой гидры неграмотности, темноты, глубокой некультурности, вся эта великая борьба позволяет назвать ту эпоху героическим периодом советской школы. В гражданскую войну красноармейцы со связками примитивных ручных гранат, сделанных из консервных банок, бросались на танки, которые с готовностью поставляли белогвардейцам различные империалистические страны. В период восстановления промышленности советские рабочие голыми руками вращали колеса станков, пока силу их мускулов не заменило электричество. А босые в научном отношении, голодные от недостатков знаний учителя боролись за то, чтобы народы Советского Союза знали буквы азбуки и умели к пяти прибавить четыре.

Красноармейцы с гранатами из консервных банок победили в гражданской войне. Теми руками, которыми они вращали колеса станков, советские рабочие создали прекрасные фабрики, по технике и производительности превосходящие самые совершенные заводы капиталистического мира. А немногочисленные кадры учителей своим огромным трудом превратили неграмотную страну в страну грамотную, в страну, девяносто пять процентов населения которой умеет читать и писать.

Но вместе с успехами изменились и требования, предъявляемые историческим развитием к Красной Армии, к советскому пролетариату, к советским учителям. Эти требования изменились и возросли не за последний месяц. Они возрастали с годами, и одновременно росли квалифицированные кадры промышленности и сельского хозяйства, кадры обороны страны и системы воспитания новых людей, граждан социализма. Стахановское движение показало, каких технических высот уже достиг

сознательный советский пролетариат. Об уровне Красной Армии вражеские специалисты говорят с равной мерой уважения и страха. И глубокое уважение вызывает и постановка воспитания в Советском Союзе.

Речь идет уже не только о том, чтобы граждане Советского Союза научились читать и писать. Речь идет уже о том, чтобы вся советская молодежь кончала *среднюю* школу, чтобы в школе она получала как можно более широкие, глубокие и *живые* знания, чтобы из школы выходили молодые люди, которые умеют применить свои знания и стремятся расширить их в интересах социалистического общества. Из средних школ Советского Союза не выходят умственные калеки, знающие только латинский и греческий языки или только начертательную геометрию. Из них выходят полноценные люди, люди, в которых школа не убивала и не связывала, а наоборот — развивала все их духовные и физические способности...

«Руде право», 3 мая 1936 г.

АСТРОНОМЫ В СТЕПИ

Ак-Булак — город солнца

Москва, май 1935 г.

За Оренбургом начинаются казахские степи. Море степной травы, песчаных дюн, назойливой пыли и жгучих солнечных лучей, от которых нигде нет спасения. Поезд плывет по этому степному океану два дня, но он мог бы плыть по нему и две недели, и два месяца.

Когда едешь из Москвы в Ташкент, Самарканд или Сталинабад, из окна вагона время от времени — а время это тянется очень долго — видишь похожие друг на друга островки городов. На первый взгляд их трудно различить. И все же каждый из них живет своей, особенной жизнью, которая далеко не бедна.

Ак-Булак — один из таких островков.

Это районный центр. Жителей в нем немного, как это обычно бывает в азиатских степных поселениях. Небольшая речка Илек целиком скрыта в тростнике, являющемся прекрасным строительным материалом. Из него и из глины сооружены ряды домиков с плоскими крышами, которые разделяет широчайшая улица. Эта улица, по-моему,— самый широкий проспект в мире: ведь здесь, где люди привыкли к гигантским масштабам степи, какой-нибудь лишний километр ничего не значит. Но Ак-Булак — далеко не медвежий угол. На карте Советского Союза нет медвежьих углов, и в Ак-Булаке, которому ни о чем подобном до революции даже не снилось, есть школы, кинотеатры, Дом колхозника, Дом Советов.

И как раз сейчас он представляет собой исключительно важное преимущество. Ибо вскоре название это-

го маленького азиатского городка, как это ни удивительно, будет вписано в историю астрономической науки. Здесь, в тринадцати километрах от Ак-Булака, по расчетам астрономов, пройдет полоса полного солнечного затмения. Полное солнечное затмение — явление редкое. Наблюдения, сделанные в период такого затмения, на целые годы становятся предметом изучения астрономов. Поэтому чрезвычайно важно провести их как можно более основательно и точно, и подготовка к таким наблюдениям ведется годами.

Научные работники большой советской обсерватории в Пулкове под Ленинградом выбрали Ак-Булак в качестве места для наблюдения солнечного затмения еще два года тому назад. Советские астрономы с охотой удовлетворили также просьбу американских астрономов — и вот несколько дней назад в степи близ Ак-Булака появилось несколько десятков астрономических знаменитостей и их помощников из советского Пулкова и американского Гарварда. Под их руководством на небольшом холме, в тринадцати километрах от Ак-Булака, вырастает новая обсерватория, оборудованная, несмотря на свой временный характер, многими драгоценными астрономическими приборами. Эта обсерватория должна будет в течение нескольких минут собрать материалы для научной работы многих лет.

Если в самое ближайшее время Ак-Булак станет центром внимания астрономов всего мира, то уже сейчас он стал центром внимания местного казахского населения. Сообщение о приезде астрономов стремительно разнеслось по всей округе, достигнув даже самых отдаленных мест, которые не имеют ни телефонной, ни телеграфной связи. Ее заменила степная молва, которую всадники несли от аула к аулу. И вот теперь к акбулакской обсерватории целыми семьями съезжаются казахи. Они приезжают на лошадях и на верблюдах, покрывая сотни километров степей и пустынь, чтобы посмотреть на инструменты, которыми будут «измерять солнце», и поговорить с людьми, которые будут это делать.

Американские астрономы первыми начали распаковывать свои ящики и устанавливать телескопы, целостаты и другое оборудование. Это были прекрасные приборы, изготовленные с замечательным техническим совер-

шенством. Они сверкали на солнце так, что возбуждали уважение каждого, кто их видел. Спустя некоторое время от группы зрителей-казахов отделилось несколько человек и направилось к палатке, где жили советские астрономы. Они хотели говорить с начальником советской экспедиции. Найдя его, они задали тихий, но полный беспокойства вопрос:

— А как наши приборы? Можно их поставить рядом с американскими?

Это заговорил советский патриотизм казахов. Их опасения не были лишены оснований: стоит вспомнить, что в 1927 году, во время последнего полного солнечного затмения, экспедиция Пулковской обсерватории, хотя она даже отправилась для наблюдений за полярный круг, имела тем не менее лишь четыре необходимых прибора, и все они были заграничного производства и далеко не новейшей конструкции.

Но когда работники Пулковской обсерватории стали открывать свои ящики и устанавливать новые астрономические приборы советского производства, в толпе наблюдателей-казахов послышался вздох облегчения, за которым вскоре последовали воодушевленные возгласы. Советские приборы вызвали радостное удивление не только у казахов. Совершенно искренне были удивлены и американские астрономы. Им казалось почти невозможным, чтобы советские заводы за такой короткий срок освоили весьма сложное искусство производства астрономической оптики. С особенным воодушевлением отзывались они о советских целостатах, приборах с необычайно точным часовым механизмом, который вращает астрономические зеркала. Седовласый руководитель экспедиции Гарвардской обсерватории доктор Дональд Менцель не жалел слов, говоря об этих приборах, и в конце добавил:

— Не думайте, что я, как ваш гость, говорю это по долгу вежливости. Я в самом деле был бы просто счастлив, если бы мне разрешили наблюдать затмение солнца с помощью целостатов или если бы мы с вами поменялись оборудованием...

А в устах ученого, который может наблюдать затмение солнца только один раз за много лет, такое признание означает немало.

И действительно, целый ряд испытаний показал вы-

дающееся качество советского оптического стекла. Выяснилось, что считавшееся до сих пор лучшим в мире английское оптическое стекло значительно грубее советского. Доктор Менцель предсказывает Государственному оптикомеханическому заводу ГПУ большое будущее и мировую известность в самом недалеком времени.

Американские ученые в Ак-Булакской степи знакомятся с Советским Союзом и не перестают удивляться. Их удивляет и забота советской власти о степном городке «на краю света», и замечательные условия, в которых работают советские ученые. Раньше они представляли себе все это совершенно иначе: они думали увидеть грязный экзотический Ак-Булак с неграмотными туземцами, а нашли культурный центр с казахами, которые приходят по вечерам слушать лекции по астрономии; они ожидали встретить хотя и талантливых, но нищих советских астрономов, а встретились со старыми и молодыми учеными, которым социалистическое общество дает для работы все необходимое. Представляли они себе и другие вещи.

Когда жена доктора Менцеля — некоторые из американцев приехали с женами — угощала советских журналистов чаем, она спросила вдруг с некоторым смущением, не хотят ли они американских галет.

— Видите ли,— призналась она краснея,— мы взяли с собой несколько ящиков запасов, потому что... вы знаете, эти сообщения в наших газетах... одним словом, мы думали, не сердитесь, пожалуйста... что в вашей стране не все в порядке. А теперь мы, честное слово, не знаем, куда все это девать. О нас так заботятся, и здесь есть все, что только может понадобиться... Не сердитесь, пожалуйста, что мы... что мы вас так недооценивали...

Советские журналисты и советские астрономы не сердились. Они смеялись и были обрадованы. Ведь это очень радостно, когда американский астроном открывает в казахской степи социализм.

О ЗАПРЕЩЕННОЙ «ДУБИНУШКЕ», О РАДИО И ДРУГИЕ ОТВЕТЫ НА ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ[1]

Москва, 7 мая 1936 г.

Сегодня я отвечу на несколько читательских вопросов, в той или иной степени затрагивающих культуру.

Товарищ С. из Усти над Лабом[2] спрашивает, правда ли, что в Советском Союзе такой недостаток кинотеатров, что люди стоят перед ними в очередях иногда по нескольку часов. И если правда, то почему это так и что против этого предпринимается.

Несколько часов — конечно, преувеличение. Но очереди перед советскими кинотеатрами действительно существуют, и, следовательно, в Советском Союзе в самом деле не хватает кинотеатров. Однако не оттого, что их мало в абсолютном отношении, а оттого, что там все люди ходят в кино. Почему? Конечно, не потому, что им плохо живется. Я думаю, что владельцы кинотеатров в капиталистических странах всегда могут первыми сигнализировать упадок жизненного уровня населения. Когда жизненный уровень падает, когда нужно экономить, чтобы хватило хоть на хлеб, то начинается сокращение «излишних» расходов — а кино, как правило, включается в их число. Сначала берут билеты на более дешевые места, потом вообще остаются дома и только в маленьких, грошовых кинотеатрах на окраинах есть

---

[1] Эта статья была помещена в газете «Руде право» в еженедельной воскресной рубрике—«Московская почта», где Фучик регулярно отвечал на письма и вопросы читателей, касающиеся жизни Советского Союза.

[2] Лаб (Лаба) — чешское название Эльбы.

еще посетители, поскольку туда — независимо от программы — заходят обогреться безработные.

Это правда, что в Советском Союзе за час до сеанса едва ли где достанешь билет в кино и что там есть фильмы, на которые билеты бывают распроданы за десять-пятнадцать дней до начала их демонстрации. Советские люди хотят жить культурно, и у них всегда достаточно средств, чтобы удовлетворить такую культурную потребность, как посещение кино. Но рост количества кинотеатров не поспевает за этим культурным ростом, хотя сеть кинотеатров в Советском Союзе огромна и охватывает не только города, но и деревни. Имеются самостоятельные кинопредприятия, существуют кинотеатры в рабочих клубах, есть кино в колхозных клубах, есть кинопередвижки, проникающие в самые отдаленные уголки Советского Союза,— кино на грузовиках, кино на воде, кино на санях для чукчей и ненцев, кино в поездах, в самолетах, киноустановки, которые кочуют от колхоза к колхозу на крестьянских телегах... и все это, вместе с великой тягой советских граждан к культуре, способствует тому, что советский человек в среднем видит больше фильмов, чем житель европейских государств.

Но проблемой сегодня является уже не просто кино, а хорошее *звуковое* кино. В этом Советский Союз, действительно, отставал от Европы, не говоря уже об Америке. В 1934 году на территории Советского Союза было всего 1200 звуковых кинотеатров, так что на одно звуковое кино приходилось в среднем 140000 жителей. А это, конечно, очень мало. Быстрому развитию мешало то, что Советский Союз не наладил еще собственного массового производства звуковых аппаратов (хотя имелось уже несколько тщательно разработанных систем), платить драгоценной валютой за аппараты из-за рубежа, в то время когда приходилось покупать более важные машины и механизмы, разумеется, было нерационально.

Сейчас уже налажено самостоятельное советское производство звуковой аппаратуры. И звуковые кинотеатры растут по всему Союзу, как грибы после дождя. В конце 1935 года их было три тысячи, теперь их примерно шесть-семь тысяч, а в конце этого года их будет уже двенадцать тысяч. Одно звуковое кино на четырнадцать

тысяч жителей! А в Чехословакии — если я не ошибаюсь — на каждое звуковое кино приходится двадцать тысяч жителей (и при этом кинотеатры еще наполовину пусты).

Достаточно ли двенадцати тысяч звуковых кино для Советского Союза? Недостаточно. Их хватило бы, если бы в Советском Союзе существовала такая система распределения культуры, как в капиталистических странах; если бы здесь считались только с населением городов. Но Советский Союз идет к полному устранению различия между городом и деревней, для него забота о культуре на селе столь же важна, сколько и забота о культуре в городе. Звуковое кино для каждого сельсовета, звуковое кино для каждого рабочего клуба — вот задача, которая стоит перед советской кинопромышленностью. Поэтому в следующем году количество звуковых кинотеатров будет опять удвоено (и сейчас уже есть предположения, что план будет еще увеличен), но и это не явится последним словом в росте количества звуковых кинотеатров в СССР.

Однако не думайте только о таких кинотеатрах, к которым вы привыкли: над входом рекламный плакат «Что идет сегодня»?, вы поднимаетесь по широкой лестнице, приятный полумрак, удобные кресла... Представьте себе несколько иное звуковое кино, хотя бы такое, какое я встретил под Тянь-Шанем.

Крытый грузовик. На бортах надпись:

«Памирстрой. Кинопередвижка».

Внутри, среди ящиков и круглых жестяных коробок, занимающих весь кузов вплоть до кабины шофера, теснятся четыре человека. Но даже если бы они и не теснились — приятное путешествие! Машина тонет в пыли горной равнины у Рыбачьего... дороги там вообще нет... потом выныривает на тысячеметровые берега Тянь-Шаньских гребней, карабкается по их склонам, взбирается на трехтысячеметровый перевал и затем осторожно спускается вниз. Так она проедет сто километров и остановится, потому что там, в долине, шестьдесят рабочих строят мост через горную речку,— и они, заброшенные в дикие азиатские горы, бесконечно далеко от всех культурных центров, они тоже имеют право на культуру.

Тут мы и застали это автокино. Четыре молодых че-

ловека размялись, огляделись, выбрали место, и поскольку единственными «зданиями» здесь были юрты, киргизские палатки, ни в одну из которых не вошло бы столько зрителей, растянули экран под открытым небом. А вечером, когда стемнело и на высоком небосклоне зажглись памирские звезды (большие памирские звезды, висящие словно плоды, которые так и хочется сорвать), шестьдесят рабочих, их жены и дети расселись на земле и — примерно в то же самое время, что и вы в цивилизованной Праге,— смотрели «Чапаева».

На другой день киргизские чабаны согнали свои стада с окрестных гор и присоединились к зрителям.

Автокино оставалось среди юрт у строящегося моста неделю. Были показаны все важнейшие фильмы последнего времени («Чапаева» по всеобщему требованию демонстрировали дважды), и передвижка отправилась в дальнейший путь. Немного позднее мы ехали к ней на помощь. Нашли мы ее на размокшем горном перевале, на высоте почти четырех тысяч метров над уровнем моря. Передние колеса грузовика увязли в густой грязи, а заднее колесо висело над пропастью. Четыре молодых человека вынесли уже из машины проекционные аппараты и выносили коробки с кинолентами... «А вдруг все-таки свалится...» Они были готовы нести аппаратуру и фильмы на спине до ближайшего киргизского поселения, где их ожидало несколько сот бывших кочевников. Впрочем, им оставалось «всего лишь» тридцать или сорок километров пути — тридцать или сорок километров по высокогорному Тянь-Шаню.

Общими усилиями вытащили автопередвижку. Вечером того же дня в длинном деревянном клубе состоялся первый сеанс, киргизские и казахские колхозники видели первый звуковой фильм и ходили смотреть за экран (дисциплинированно: только во время перерыва), кто же там так громко говорит.

Возможно, я слишком подробно рассказываю о таком звуковом кино. Но я хотел бы, чтобы вы поняли, что двенадцать тысяч звуковых кинотеатров в Советском Союзе — это нечто большее, чем двенадцать тысяч звуковых кинотеатров в любой другой стране на свете, потому что они предназначены не только для жителей городов и крупнейших населенных пунктов в культурном центре страны, но действительно для всего населения; в том

числе и для тех, кто живет в отдаленнейших, труднодоступных районах, в местах, куда еще недавно добирались только отважные путешественники или... офицеры во главе вооруженных банд, несущих примерно такую же цивилизацию, какую сегодня несет итальянская армия в Абиссинию.

После этого, я не сомневаюсь, вам станет понятнее, почему при столь большом количестве кинотеатров в СССР в городах еще есть очереди перед кинотеатрами и, следовательно, имеется нехватка киноустановок. Какие меры предпринимает против этого советское правительство, вероятно, достаточно наглядно показывает трехсотпроцентное увеличение числа звуковых кино за один 1936 год.

* * *

«Сколько в СССР радиостанций,— спрашивает товарищ П. из Нусми,— и какие из них ведут передачи на «чужих» языках?»

В Советском Союзе сейчас 67 больших радиостанций, не говоря о сотнях частных передатчиков, передатчиков научных наблюдательных станций, полярных станций и т. д. В этом году сеть советских радиостанций будет опять расширена. Строятся новые радиостанции — особенно на территории бывших угнетенных народов, например в Таджикистане (мощная радиостанция Сталинабад), в Казахстане (радиостанция Алма-Ата) и тому подобное.

Итак, ответить на этот вопрос просто. Немного сложнее со вторым вопросом. Дело в том, что для Советского Союза нет чужих языков. На его территории живет столько различных народов, что радиостанции могут вести передачи на любом языке и всегда это будет «свой» язык. Вот наиболее близкий нам пример: передачи на чешском языке. Большинство читателей, вероятно, знает, что московская радиостанция два раза в неделю передает чешский час (в среду и пятницу с 11 до 12 ночи по московскому времени, то есть с 9 до 10 вечера по среднеевропейскому времени, принятому в Праге). Но, видимо, значительно меньшее число читателей слышало чешские передачи из Ленинграда или Киева (где живет очень много чехов), и едва ли

кто знает, например, что радиостанция в Прокопьевске, находящаяся почти в 7000 километров от Чехословакии, регулярно, один раз в день транслирует передачу на чешском языке, потому что в Прокопьевске трудятся рабочие-чехи. Такова большевистская национальная политика. В Средней Азии под городом Фрунзе находится поселок Интергельпо, основанный рабочими из Чехословакии. В этом поселке есть собственный радиоузел, и из громкоговорителей Интергельпо вы можете услышать передачи на русском, киргизском, чешском, венгерском, словацком, немецком, украинском и даже на персидском языках, потому что рабочие всех этих национальностей живут на территории Интергельпо. Такова большевистская национальная политика, удовлетворяющая потребности каждого народа.

Итак, если товарищ П. спрашивает, какие советские радиостанции ведут передачи не только на русском языке, мы должны будем ответить: все. Но если он спрашивает, есть ли в СССР радиостанции, которые ведут передачи не на языках советских народов, мы можем сказать: ни одной.

* * *

И «на загладку» немного юмора.

Товарищ Рж. из южной Чехии прочел в каком-то журнале, что «новая» внешняя политика Советского Союза отразилась и на отношении к старым революционным песням и что, мол, в СССР теперь запрещена, например, знаменитая «Дубинушка», так как в ней враждебно говорится об англичанах, автор же ее, который протестовал против запрещения, сослан в Соловки.

Жаль, что товарищ Рж. не написал, в каком журнале он это прочел. Следовало бы сохранить его название для истории как пример идиотизма, с каким еще в 1936 году некоторые господа пытались увидеть в политике Советского Союза отход от революции, отход от социализма и тому подобное.

Вероятно, мне нет надобности объяснять здесь, что во внешней политике Советского Союза нет никаких принципиальных изменений, что Советское правитель-

ство, как и всегда, всеми силами стремится сохранить мир, чтобы предотвратить войну. Стремление вовлечь Англию в прочный фронт мира, разумеется, ни в ком не вызвало намерения запрещать революционные песни. «Дубинушка» поется по-прежнему (правда, реже, чем раньше, но не потому, что она запрещена, а потому, что в Советском Союзе сегодня поются не только песни борьбы, но и песни радости), и Л. Н. Трефолев, автор «Дубинушки», не имел бы основания протестовать,— даже если бы мог. А он не может, потому что умер уже тридцать лет тому назад.

Враги Советской власти изворотливы и могли бы сказать, что, следовательно, большевики сослали в Соловки человека, который вот уже тридцать лет как покойник. Так вот, чтобы по достоинству ответить им: зимой прошлого года на родине автора «Дубинушки», в Ярославле, состоялось торжественное чествование памяти поэта, Комиссия писателей собирает теперь его рассеянные по различным газетам и журналам революционные стихи и песни, которые будут в этом году изданы, а престарелая дочь Трефолева, уже не способная трудиться, получала от ивановского и получает теперь от ярославского областного совета особую пенсию.

Дело, таким образом, обстоит несколько иначе, чем написал — к сожалению неизвестный — журнал, и обстоит также, насколько мы можем судить, несколько иначе, чем у нас на родине, где не только дети, но и сами заслуженные деятели народной культуры и по сей день умирают в нищете и забвении.

Благодарю вас, товарищ Рж., за письмо. Вы правы. Мы не должны оставлять без ответа ни одной антисоветской провокации, даже если провокатор будет выдавать себя за нашего горячего друга или даже если его болтовня будет так же глупа, как этот бред о «Дубинушке». И такие провокации могут оказывать воздействие.

До следующего воскресения.

ЮЛИУС ФУЧИК

«Руде право», 24 мая 1936 г.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ, ВПЛОТЬ ДО ПРАВА НА ОТДЕЛЕНИЕ, ГАРАНТИРУЕТСЯ КОНСТИТУЦИЕЙ

Пять новых Советских Республик

(О новой конституции Советского Союза)

Вторая глава новой советской конституции посвящена государственному устройству. Она устанавливает, что Советский Союз является федеративным государством, созданным на основе добровольного объединения совершенно равноправных советских социалистических республик.

До сих пор в Советском Союзе было *семь* союзных республик, теперь их будет уже одиннадцать:

1. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР).
2. Украинская ССР.
3. Белорусская ССР.
4. Азербайджанская ССР.
5. Грузинская ССР.
6. Армянская ССР. (Три эти республики — Азербайджанская, Грузинская, Армянская — составляли до сих пор одну союзную республику в качестве Закавказской Советской Федерации. Теперь они становятся совершенно самостоятельными.)
7. Туркменская ССР.
8. Узбекская ССР.
9. Таджикская ССР.
10. Казахская ССР.
11. Киргизская ССР. (Обе последние были до сих пор членами РСФСР как автономные советские республики. Теперь они становятся совершенно самостоятельными.)

Таким образом, на территории Советского Союза *возникает пять новых союзных республик.* А это уже само по себе является блестящим доказательством правильности и победоносности большевистской национальной политики. Не на словах, а на *деле* это показывает, что Советская власть создает предпосылки для полной самостоятельности всех народов.

В конституции ЧСР уже третий параграф говорит о Закарпатье как о самоуправляющейся территории с широчайшей автономией, с собственным сеймом и тому подобное. Все мы знаем, что ни автономии, ни закарпатского сейма до сих пор не существует, и обо всем этом начисто забыто. Причем по поводу того, как живут закарпатские трудящиеся, можно только негодовать. А Чехословакия все же *демократическая* республика — о национальном гнете в фашистской Германии или фашистской Италии пишутся целые фолианты.

Однако и сейма, и автономии мало для самостоятельности народа. Подлинная свобода народа основывается на его *экономической* независимости, на том, насколько экономически жизнеспособно его национальное государство. Самостоятельное государство, чтобы стать действительно независимым, должно обладать своими фабриками, своими производительными средствами, своим производством. Вот почему русский пролетариат под руководством большевиков как раз и помогал некогда угнетенным народам создавать экономические и культурные основы национальной самостоятельности. Тысячи фабрик, электростанций, образцовых сельскохозяйственных предприятий, тысячи школ и институтов были созданы в различнейших областях СССР, далеко от центра государства, но зато в центре территории некогда порабощенных народов. Благодаря великолепному росту собственной промышленности и собственного рационального земледелия смогли приобрести полную самостоятельность Туркменская и Узбекская республики, затем, в 1927 году, Таджикская республика, благодаря росту экономической самостоятельности ныне могут стать полностью независимыми и еще пять новых республик.

Существует, разумеется, немало вопросов, являющихся общими для всех одиннадцати союзных республик, и в совместном решении этих вопросов заключает-

ся их сила. Поэтому в высших органах всего Советского Союза сосредоточено решение вопросов заграничной политики, обороны, внешней торговли, общего планирования производства, *трудового законодательства* и т. п.

При этом, однако, каждая союзная республика имеет свою собственную конституцию, свое собственное правительство, разрешающее все вопросы, кроме тех, которые являются общими для союза республик в целом, имеет свой бюджет, и только с ее согласия могут быть произведены какие-либо территориальные изменения в ее границах.

Советская конституция обеспечивает также каждой из этих республик право на отделение, на выход из Союза Советских Социалистических Республик. Это большое право — и все же никому не приходится опасаться распада Советского Союза. Ведь все эти огромные свободы потому и возможны, что никому не придет в голову *злоупотреблять* ими. Закон не запрещает в Советском Союзе отделение территорий, закон со всей определенностью разрешает такое отделение, но есть нечто более сильное, чем закон, что прочно удерживает и вечно будет удерживать вместе всех членов Союза. *Это братское единство трудящихся всех народов* Советского Союза, имеющее своим источником именно их свободу, нерасторжимое единство русских, украинских, грузинских, узбекских, казахских трудящихся, связанных общими интересами и общим делом — делом *социализма,* который всем им несет культуру и благосостояние.

Поэтому буржуазные конституции — в том числе и «демократические» — подчеркивают *неделимость* территории государства и устанавливают тягчайшие наказания за «сепаратизм», но потому его и вынуждены там бояться как реальной опасности, что все это конституции *буржуазных* государств, в которых трудящиеся не находятся у власти и не могут обеспечить прочную и нерушимую целостность государства своим международным братским союзом.

Сравните—и увидите, на какой основе выросла советская конституция и почему ее по праву называют самой демократической конституцией мира.

Вы увидите и нечто еще более замечательное: если границы каждого советского национального государст-

ва неприкосновенны, *то для советских граждан нет границ* на территории социализма. Это старая мечта человечества: чтобы не было границ между народами, чтобы не было преград, разделяющих товарищей одной нации от товарищей другой нации. *Таких границ* в Советском Союзе действительно уже не существует. Конституция устанавливает в статье 21, что каждый гражданин союзной социалистической республики является одновременно гражданином всего Советского Союза и имеет одинаковые гражданские права на всей территории Советского Союза. Это гражданин одной шестой мира. Гражданин социализма.

«Руде право», 18 июля 1936 г.

ХОДЖА БАКИРГАН

Под Ходжентом зацвел хлопчатник. Бесконечное море зноя волнуется над краем, и тяжелый аромат тутовых деревьев тянет тебя на дно. Остановись, Ходжа-Бакирган, не спеши, Сыр-Дарья не ждет твоей воды! Разлейся по полям, позволь в тебе выкупаться мне и моему коню, омой землю, окажи нам услугу, Ходжа-Бакирган!

Мираб раскрывает створы шлюза, река вливается в оросительные каналы, пьет земля, пьет хлопчатник, пьют люди, вода Ходжи-Бакиргана бурлит по равнине, как молодая кровь в жилах...

Эй, человек, откуда пришел ты с ветошью этих образов? Вода как кровь? Не говори о крови, когда течет наконец вода! Не смешивай радость и грусть! Слишком, слишком много крови выпила эта земля!

Здесь, на высоком берегу Сыр-Дарьи, некогда стоял замок прекрасной принцессы. Ее звали Ширин-кыз. Прелестная дева. Двое молодых мужчин добивались ее руки, сильный Фархад и красавец Хосров — и прекрасная Ширин обещала ее тому, кто отведет воды Сыр-Дарьи в степь. Потому что степь под ее окнами потрескалась от жажды. Сильный Фархад схватил огромный кетмень и стал рушить скалы и бросать их в реку, чтобы заставить ее выйти из берегов. Хитрый Хосров накупил на базаре циновок из тростника и разостлал их ночью по степи. Утром, когда прекрасная Ширин выглянула из окна, тростниковые циновки сверкали в косых лучах восходящего солнца, как лужи воды.

— Вода!— воскликнула принцесса.— Как красиво!

— Это сделал я,— сказал Хосров, и была свадьба.

Солнце уже взошло высоко над рекой, когда свадебное веселье достигло предела и принцесса затосковала о сильном Фархаде. И она вышла на утес, чтобы в последний раз взглянуть на его работу. Река зловеще бурлила, а на ее берегу лежало обезглавленное тело. Это был Фархад. Ибо злая волшебница рассказала Фархаду о свадьбе принцессы, и Фархад в отчаянье подбросил кетмень высоко в воздух, подставил шею, и падающий кетмень отсек ему голову. А в прямых лучах полуденного солнца тростниковые циновки уже не сверкали, как вода, опять они стали всего-навсего дешевыми циновками с базара, и прекрасная Ширин поняла коварный обман.

В глубоком горе она поцеловала в последний раз голову Фархада и вонзила кинжал в свое сердце. Кровь прекрасной Ширин смешалась с кровью Фархада, и река крови потекла степью.

Так рассказал мне это предание старый Турхумбай, когда мы стояли на скале Фархада над Дарьей. Рассказывая, он покачивал головой, словно бы вспоминая те давние легендарные времена. Кончив, он еще раз покачал головой, погладил свою белую бороду и произнес задумчиво:

— Кровь текла... а воды не было...

И люди не забывали легенду о Фархаде и Ширин, потому что кровь текла из их мозолей, когда они копали арыки, чтобы привести воду в жаждущую степь, и кровь текла из их уст, когда, обессиленные, они падали на высохшие борозды своих полей. И люди не забывали о крови, потому что в течение столетий она была единственной влагой жаждущего края.

И это уже не только легенда.

Здесь переправился через реку, чтобы разбить войска скифов, Александр Македонский, Искандер Зулькарнайн. Много крови пролил этот великий полководец, но потрескавшейся от жажды степи он дал только те капли воды, которые его полки стряхнули со своих одежд, выйдя из реки на другой берег.

Здесь отважный и коварный Кутейб ибн-Муслим, преемник Хаджаджа, искоренял основы вероучения Заратустры и во славу аллаха разрушал, жег и убивал до тех пор, пока сам не был убит. Много, очень много крови пролил этот хитрый араб, но воды краю не дал.

Сюда пришел Чингисхан с семьюдесятью тысячами воинов, чтобы завоевать Мавераннахр, и здесь началось великое странствие потерпевшего поражение Тимур-мелика, который с тысячей человек вырвался из окружения Чингисхана, потерял всех своих воинов, пока достиг устья Сыр-Дарьи, и один вернулся в Хорезм, как азиатский Одиссей. Много крови пролил Чингисхан, и много крови потерял Тимур-мелик в этом крае, но воды они ему не дали.

За этот край долгие годы сражались ханы бухарские с ханами кокандскими, взрывали его копытами своих коней, разрушали глиняные дома жителей, мучили, убивали, проливали много крови, но его полям не дали ни капли воды.

А когда кокандцам с помощью царских денег и царских ружей удалось разбить бухарцев у Ирджара, сюда пришел генерал Романовский, чтобы овладеть Ходжентом. Генерал русских империалистов явно предпочитал коварство Кутейб ибн-Муслима храбрости Темир-мелика. А когда коварство произнесло свое последнее слово, он дал заговорить своим пушкам. Четыре дня артиллерия обстреливала Ходжент. Четыре дня длилась канонада. У ходжентцев были примитивные ружья, сабли и ножи...

«Неприятель оказал упорное сопротивление и потерял свыше 2500 убитыми человек и не менее 8000 ранеными,— занес в свои анналы историк царской славы.— С нашей стороны пало пять человек...»

Это было в мае 1866 года.

Годы текли, как кровь, и кровь из ран края текла, как время.

Но воды край не получил. Только под скалой Фархада — возбуждая гнев и насмешки потомков — показывают несколько валунов, которые «Великий князь Николай Константинович приказал низвергнуть в реку, чтобы тем было положено начало будущего обводнения степи». Сыр-Дарья шумно играет со смешным препятствием, старый Турхумбай качает головой и гладит свою белую бороду:

— Кровь текла, много крови текло, и тогда... и в пятом... и в шестнадцатом... когда мы восстали... много нашей крови пролили... но воды нам не дали...

А ты, глупец с Запада, приходишь сегодня и сравни-

ваешь воду, клокочущую в арыках, с молодой кровью в жилах. Нет, не говори о крови, когда наконец течет вода...»

Под Ходжентом зацветает хлопчатник.

Бесконечное море зноя волнуется над краем, и тяжелый аромат тутовых деревьев тянет тебя ко дну. Мираб раскрывает створы шлюза, послушный Ходжа-Бакирган вливается в оросительные каналы, пьет земля, пьет, пьет хлопчатник; пьют люди, вода Ходжи-Бакиргана бурлит по степи, и Шамси Каримбай из колхоза «Большевик» взмахивает кетменем и поет...

И хлопковые поля цветут,
И на склонах виноград цветет,
И в Ходженте дороги как снег,
Потому что сады цветут.
Ты была бесплодной, земля,
Ты лежала мертвой, земля,
Ты страдала от жажды, земля.
Ты наполнилась влагой, земля,
Снова ты пробудилась, земля,
Ты даешь побеги, земля,
Я целую тебя, земля.
Ходжа-Бакирган,
Ходжа-Бакирган.

«Свет праце», 1936 г., № 7.

САМАЯ КОРОТКАЯ БИОГРАФИЯ

Перед нами еще вьется серпантин дороги, вытесанной в скалах и врезанной в глинистые склоны Гиссарского хребта. Это не просто дорога, это чудо, это полет на сказочном ковре-самолете. Недаром узбекские колхозники по сю сторону хребта и таджикские — за хребтом — слагают о ней песни. Ведь никому и не снилось, что через Гиссарский хребет, по ледникам, над пропастями на высоте четырех тысяч метров большевики сумеют проложить дорогу.

И все-таки они ее проложили.

У руля сидит товарищ Лацит. Он рассказывает о строительстве дороги. Его слова и лицо светятся такой удивительной и кипучей силой, что невольно задаешь себе вопрос: как прожил этот человек-созидатель свои сорок пять лет...

— Мой дед,— говорит товарищ Лацит между двумя поворотами руля,— был латышским пастухом и не умел ни читать, ни писать. Мой отец тоже был пастухом и тоже не умел ни читать, ни писать. Так было до революции. А когда началась гражданская война, я вступил в Красную Армию, где научился и воевать, и читать, и писать... и вот теперь я инженер и строю дороги...

Он снова круто повернул руль над отвесным краем пропасти, и на пиджаке его сверкнул орден Ленина.

«Руде право», 8 ноября 1936 г.

НАРОД О ЛЕНИНЕ

В высокие горы Тянь-Шаня, в далекие долины Узбекистана, на восток, на юг и на север, к забытым племенам забытых народов имя Ленина проникло раньше появления первого агитатора, первой марксистской брошюры. Чабаны и крестьяне, пашущие деревянным плугом, виноградари и охотники за пушниной еще никогда не слышали о классовой борьбе, о руководящей роли пролетариата, о социальной революции, но все они знали: они бедны, нищета — их бич, и правят ими богачи, которые используют свое богатство для того, чтобы еще больше обирать бедняков; и все они знали также, что было бы хорошо, если бы настал иной порядок в мире. И вот к ним, в их глиняные кибитки, юрты и кожаные шатры, вместе с именем Октября проникло имя Ленина. Имя великого праведника, который сверг дьявольскую власть богачей и дал беднякам права и свободу. Так они воспринимали это имя, так видели Ленина, и из глубины их сердец, отвечая их самым сокровенным представлениям, вырастал образ народного вождя. Большинство из них не умело ни читать, ни писать, но поэзия для каждого из них была частью жизни. Они знали и ценили песни, знали и ценили сказанья. И в своих сказаньях и песнях создавали свой образ Ленина: народные легенды о Ленине.

Глубокая любовь родила эти преданья, из которых мы публикуем сегодня три перевода: песню неграмотного армянского виноградаря и народного певца Сепо, легенду, созданную неизвестным киргизским горцем, и сказанье узбекского чабана Муро.

ПЕСНЯ АРМЯНСКОГО ВИНОГРАДАРЯ[1]

Было так: богатство — у тех, кто богат,
Имущество, добро — у тех, кто богат,
Поля и пастбища — у тех, кто богат.
Было так: богач ест масло и мед,
Бедняк ест ячменный хлеб и чортан[2].
Было так: за богача работает Нокяр[3],
Бедняк работает, но никогда не сыт.
У богачей — царь-султан и его закон,
У бедняков — ветер в полях, роса в лугах.
Смотри: ведь богачей одна лишь горсть,
А бедняков — тысячи тысяч, не счесть!
И нож беды уже им дошел до костей.
Тогда встал с места, поднялся Ленин-вождь,
Сказал в глаза султану и богачам:
«Я сын бедняка и брат всем беднякам,
Выходите: будем драться на жизнь и смерть!»
Царь-султан созвал свое войско и воевод,
Богачи принесли свои деньги в казну,
Все беки и все аги сели на коней.
Пошли, поскакали на Ленина-вождя.
Рабочих своих созвал Ленин-вождь,
Хлеборобов своих созвал Ленин-вождь.
Пришли. Кто взял кирку, кто — молот, кто — серп.
Сам Ленин-вождь сел на коня, поскакал,
Ворошилов сел на коня, поскакал,
Орджоникидзе сел на коня, поскакал,
С ними Киров сел на коня, поскакал.
Микоян сел на коня, поскакал,
Шаумян сел на коня, поскакал,

---

[1] Под этим названием Юлиус Фучик опубликовал перевод отрывка из сказа «Ленин-вождь», созданного в начале 20-х годов армянским шерстобитом Сепо Цахиняном (умер в 1926 г.). В 1934 году сказ был записан собирателем фольклора Гегамом Тарвердяном (Верди) со слов шестидесятипятилетнего шерстобита Габо Барцумьяна, жителя г. Ленинакана (Армянская ССР). Сказ взят Фучиком из сборника «Ленин в армянском фольклоре» (Эревань, 1936 г.). Цитируемый ниже текст приводится по изданию: «Ленин и Сталин в армянском народном творчестве» (Айпетрат, Ереван, 1952, стр. 42—47). Перевод с армянского А. Глобы.

[2] Высушенное кислое молоко.

[3] Батрак.

За ними пошла беднота. Арач[1]
Смотри: богачи свое войско взяли, пришли,
Приспешники их свое войско взяли,
Инглиз[2] свое войско взял, пришел,
Франгсыз[3] свое войско взял, пришел,
Чай-Фун[4] свое войско взял, пришел,
Осман-турок свое войско взял, пришел,
Мсыр-Хисар[5] свое войско взял, пришел,
Аджам-перс свое войско взял, пришел,
Амркян[6] свое войско взял, пришел,
Амаин[7] свое войско взял, пришел.
Увидим: будет битва на жизнь и смерть!
Часть войска их — те, кто куплен на серебро,
Часть войска их — те, в ком белая кость,
Часть войска их — те, кто шкуру свою бережет.
Часть войск их — те, кто всем чужой и плюет на все.
Те, кто куплены, не хотят умирать,
Те, в ком белая кость, любят жизнь.
Те, кто трус и шкурник, бегут кто куда.
Остались те, кто всем чужой и плюет на все.
Сердце одно у всех, чья жизнь — голод и труд.
Сердце одно у всех, чей хлеб горек и черств.
Сердце одно у всех, кто обездолен судьбой,
Потому что гневом опалены сердца!
Арач! Вы — те, с кем Ленин-вождь!
«Эй! —
крикнул Ленин.—
Час мести настал!
Бейте врагов, сметите их с лица земли!
Боритесь! Свободу себе добывайте!»
«Эй! —
крикнул царь-султан, мечом взмахнул.—
Бейте эту голь, как лисиц и волков,
Кто их больше побьет,— тому крест и медаль!
Истребляйте всех, кто руку поднял,
Чтоб корону мою, чтобы меч мой отнять!»

---

[1] Вперед.
[2] Англичанин.
[3] Француз.
[4] Япония.
[5] Египет.
[6] Америка.
[7] Германия.

Все утро бились, весь день до тьмы
Сказал хлебороб:
«Зачем я в войске царя?»
Сказал поденщик:
«Зачем убивать своих?»
Настала ночь,— ушли в стан Ленина-вождя.
Там пушки, каждая — столетний дуб,
Тут карабины — тонкий камыш.
Там лес винтовок, лес штыков,
Тут лес вил, грабель, мотыг, серпов.
Там пулеметы, танки, чарки-фелаки[1],
Тут пистолеты, молоты, копья, дубье.
«Эй!— крикнул Ленин.—
Арач! Арач!»
На стременах поднялся, взлетел, вскричал:
«Доколе,—
сказал,—
вы будете кровь нашу пить?»
«Доколе,—
сказал,—
вы будете лишать нас прав?»
«Доколе,—
сказал,—
вы будете миром владеть?»
Сказал — поскакал, красное знамя развернул.
За ним пошли рабочие — тысячи тысяч!
За ним пошли хлеборобы — тысячи тысяч!
За ним пошли безработные — тысячи тысяч!
За ним пошли безводные — тысячи тысяч!
Прошли весь мир,— с восхода по закат,
Прошли горы — с восхода по закат,
Прошли леса — с восхода по закат,
Прошли моря — с восхода по закат.
Сошлись, ударились грудь о грудь,—
Присел Алягяз[2] перед горою тел:
Сошлись, ударились грудь о грудь,—
От крови вздулись ручьи, как весной Араз[3].
Сошлись, ударились грудь о грудь.
Там пушки — стволы столетних дубов,

---

[1] Колесо судьбы. Здесь — в смысле «аэроплан».
[2] Алягяз — гора в Армении.
[3] Река Аракс.

Тут карабины — тонкий камыш.
Там лес винтовок — лес штыков.
Тут лес кос, вил, грабель, дубин.
Там пулеметы, танки, чархи-фелак,
Тут пистолеты, топоры, камни в руке.
Бились все утро, полдня, и еще полдня.
Кто куплен был, не хотел умирать.
Кто жизнь любил, не хотел умирать.
Кто трусом был, не хотел умирать.
Кто был всем чужой, ничего не жалел.
Уже за порог заката шагнул день,
На землю легла, на сердце легла тьма,
На сердце, как ночь, забота легла.
Сюда-туда гонцов шлет Ленин-вождь.
Идут бойцы с четырех сторон:
Пришли рабочие — тысячи тысяч!
Пришли хлеборобы — тысячи тысяч!
Пришли безработные — тысячи тысяч!
Пришли безземельные — тысячи тысяч!
Пришли безводные — тысячи тысяч!
Поспешила, подоспела помощь, пришла.
Ослабела, погнулась сила врагов.
Сошлись, ударились грудь о грудь,—
Присел Алягяз перед горою тел.
Сошлись, ударились грудь о грудь,—
От крови вздулись ручьи, как весной Араз.
Рубились, бились,— Ленин-вождь победил!
Смотри туда — как баранта[1] бегут. Арач!
Смотри туда — бросают пушки, бегут. Арач!
Смотри туда — ложатся ряд на ряд. Арач!
«Эй,—
крикнул Ленин-вождь,—
день — наш!»
Поднял, простер красное знамя, сказал:
«Мир — наш!»
Поскакал, истоптал конем немало войска.
За ним идет беднота и голь,
Это весенний поток дробит скалу,
Это огонь съедает сухой дубняк,
Это ветер разносит пыль по земле,
Это обвал горы сотрясает твердь.

---

[1] Стадо овец.

Ленин-вождь поскакал, победил, взял свое:
Взял пушки врагов и ружья их взял,
Взял пулеметы и танки их взял,
Взял бомбы их и патроны их взял.
Из войска богачей, кто не ушел,— тот лег,
Сдул ветер с дороги жизни их след.

ИСКАНДЕР И ЛЕНИН[1]

Киргизская легенда

Далеко-далеко, в неведомых краях, за золотым закатом, за степями, за горами — там, куда никто не ходил, на Иссык-Тау[2], жил праведник Худой-Бола[3]. Вел он свой род от самого Магомета. Ушел он в пустыню, чтобы не видели глаза его горя и слез на земле.

А на земле тогда шайтан взял большую власть, и его ставленники властвовали и душили людей.

И Худой-Бола, запершись в своей пещере, плакал о земном горе, и его плач был безутешным и не прекращался 150 лет.

Он плакал, что нет среди людей человека со смелой и сильной душой, который прогнал бы с земли шайтана, и что сам он стар и не может вести борьбу.

Худой-Бола имел кольцо, подаренное Магомету богом, и в этом кольце была сила, против которой не мог бы устоять шайтан.

Худой-Бола плакал, что некому из людей передать кольцо для борьбы.

И после того, как проплакал праведник сто пятьдесят лет, родились на земле у простой женщины два сына: Искандер и Ленин.

Искандер дожил до восемнадцати лет, а в восемнадцать лет рассказала ему мудрая мать о Худой-Боле и о кольце Магомета.

---

[1] Записана Л. В. Соловьевым в мае 1925 г. в Канибадамском районе со слов Ахуна Алиева. Приводится по тексту журнала «Красная новь», 1926 г., № 6, стр. 197—198.

[2] Иссык-Тау — Горячие горы.

[3] Худой-Бола — божье дитя.

И решил Искандер освободить землю от шайтана. Он пошел на Иссык-Тау, где жил праведник, чтобы взять кольцо у него.

Он шел очень долго. Много раз всходило и заходило солнце. Много раз рождалась и умирала луна, прежде чем подошел Искандер к подножью Иссык-Тау.

Услышал он плач громкий и безутешный. Пошел по направлению плача и нашел пещеру Худой-Болы.

Он долго стучался в двери, но не отпирал праведник, потому что он отвратил лицо свое от людей, трусливых и жалких, лежащих, как черви, под пятой шайтана и не решающихся попробовать освободиться.

И до тех пор, пока Искандер не крикнул ему, зачем он пришел, не открыл ему двери праведник. А когда крикнул Искандер, то крик его услышали и праведник, и сорока, летевшая мимо.

Полетела сорока дальше и везде кричала, что скоро придет Искандер и освободит людей от шайтана.

Шайтан, услышав об этом, велел сделать засаду, и когда Искандер возвращался обратно с кольцом, то напали на него шайтановы слуги, отняли у него кольцо, а самого Искандера они удавили веревкой и глумились над его трупом.

Кольцо они заперли на пятьдесят замков в пещере, на Кара-Тау[1].

Заплакал пуще прежнего Худой-Бола, узнав о случившемся. В гневе проклял он сороку и лил слезы, думая, что никогда больше не освободится земля от шайтана.

И без погребения оставили слуги шайтана тело Искандера, и ветер и вороны не оставили костей его.

Через 10 лет вырос брат Искандера — Ленин. Мать рассказала ему о шайтане, о Худой-Боле, о Искандере и о кольце. Воспылал Ленин гневом против шайтана и жалостью к попранным шайтаном.

Пошел Ленин к Худой-Боле, на Иссык-Тау. Худой-Бола дал ему кольцо, а чтобы не поймали Ленина слуги шайтана, сам провел по другой дороге.

Пришел Ленин и стал с помощью кольца бить шайтана и в один год свергнул его власть. Рабы утерли свои

---

[1] Черная гора.

слезы и с удивлением смотрели на Ленина, которого не мог победить шайтан.

Когда Ленин сверг шайтана, он по белой лестнице ушел наверх, покинув на земле свое тело.

ЧАБАН МУРО РАССКАЗЫВАЕТ О ЛЕНИНЕ[1]

Узбекская легенда

Ленин был урус[2]. Отец и мать его были бедными людьми. А он хотел учиться. И вот отправился в путь. Перебивался по-всякому, пока, наконец, не попал в школу. Сказал: «Я бедный, хочу научиться читать, возьмите меня». Его взяли. И Ленин учился. Когда же пришло время, Ленин стал ученым.

А когда Ленин стал ученым, он узнал, откуда на свете зло. Думал, думал и понял, что все зло на свете от русского царя. Созвал Ленин товарищей по школе и говорит:

«Друзья, все мы чему-то научились. Как же можно, чтобы бедный работал в поте лица, а богатый пожирал его достаток? Как можно, чтобы бедный был наг, бос, голоден и не имел даже овечьей шкуры, на которой он мог бы спать?»

Товарищи ответили ему: «Так было, и так будет».

И сказал Ленин: «Мир изменится. Сейчас над ним тучи, а завтра будет ясное небо. Если мы не поможем друг другу, царь нас проглотит, богатый нас раздавит, а земля нам не поможет. Ножницы в руках у богача, и виноват во всем он. Чистую правду говорю! Пока не ударим богатого, до тех пор он нам правды не скажет!»

Товарищи согласились и сказали: «Заключим союз». Заключили. И Ленин сказал: «Товарищи, набирайтесь сил, мы будем бороться!»

---

[1] Легенда дается по записи Ю. Фучика в переводе с чешского языка.

[2] Русский.

Был тогда у царя один преданный человек. Позвал его царь к себе и говорит.

«Иди и посмотри, что делается на свете». Царь хотел так узнать, что о нем говорят в народе. И странствовал тот человек по свету семь лет. Потом вернулся к царю и сказал ему, что узнал мало хорошего.

Тогда царь поднялся с трона и приказал человеку, чтобы он рассказал все, что видел и слышал.

И тот поведал ему: «Знай, царь, живет на свете один мальчик, лет двенадцати, по имени Ленин. От него жди несчастья!»

Царь в страхе приказал, чтобы этого двенадцатилетнего Ленина изгнали в далекие края...

Ленина изгнали в далекие края, но он не смирился. Когда брат Ленина узнал о том, что младший брат послан царем в изгнание, он сказал: «Пойду и отрублю царю голову».

Донесли об этом царю. Тот разгневался, топнул ногой о землю и приказал привести к нему брата Ленина.

Схватили его и привели. Царь спросил: «Кто ты?»— «Я брат Ленина».— «Как тебя зовут?»— «Алексан». Но тут царь выхватил из ножен саблю и убил его. Когда Ленин узнал об этом, он сказал: «Бедный брат Алексан»... Много слез пролил он из-за брата, но потом снова успокоился и сказал: «Идемте, товарищи, будем делать газету».

Товарищи согласились, делали газету и сказали Ленину: «Ты будешь вождем». Ленин сказал: «Будем бороться. Объединим свои силы против царя». Когда царь узнал об этом, он страшно испугался и послал людей убить Ленина.

Но тогда бедняки сказали: «Если царь убьет Ленина, кто потом укажет нам правильную дорогу? Не выдадим его — будем вместе с ним бороться против царя».

Ленин созвал совет, послал письма всем бедным — будьте готовы, скоро начнем сражаться с царем.

Ленин собрал своих верных, вооружился и в назначенный час пришел ко дворцу русского царя. Крикнул: «Выходи, я Ленин, которого ты послал в изгнание». Сразились. Много крови было пролито. Сабля Ленина рассекла царю голову. Разрушил Ленин царский дворец. Лучшую землю, лучшие лавки, все золото и богатство роздал бедным. И бедняки были довольны. Ленин

созвал своих товарищей, устроил совет и написал указ, чтобы никогда больше не было войны. Потом поднялся на высокое место и сказал: «Народы, живите мирно, больше не будет войны...»

И настала власть Советов...

Когда Ленин убил царя, богачи исчезли: одни погибли, другие бежали в страхе. Остался только один богач. Сел он и начал думать. Думал и думал целую ночь до самого утра, как бы стереть Ленина с лица земли. И придумал. Позвал девушку и говорит ей: «Девушка, хочешь золота?» Она: «Хочу». Пошла девушка и села у дверей Ленина. Стража спросила ее: «Девушка, кто ты?» Девушка ответила: «Я сирота, пришла к Ленину, у меня к нему дело».

Ленин вышел и хотел сесть на коня. Но не успел он еще сесть, как девушка размахнулась и ударила Ленина. Ленин не позволил, чтобы ее убили, но приказал найти того, кто ее послал.

Через некоторое время Ленин заболел. Больной, позвал к себе всех своих товарищей, свою жену, войско и сказал: «Товарищи, я умираю, но мои советы, мои законы останутся на земле».

Ленин умер... Семь дней и семь ночей оплакивали его. Потом Ленина похоронили на высоком месте, чтобы он был ближе к солнцу.

«Руде право», 24 января 1937 г.

ИЗ КРИТИЧЕСКОГО ЭТЮДА «НЯНЯ»

Таджикский гончар вращал кувшин и тихо напевал мне четверостишие Омара Хайяма[1].

Я осушил кувшин, и он упал, звеня.
Хмелея от вина, взыграла кровь моя.
Но треснувший кувшин с упреком прошептал мне:
«Я тоже был, как ты. И станешь ты, как я».

Мастер все быстрее крутил гончарный круг и с простотой творца превращал глину в грациозно изогнутое горло кувшина. Тогда я впервые понял великого поэта. Мне помогло звучание слов, смысла которых я не знал, и удивительный перевод моего гончара, который своими проворными пальцами сказал мне больше, чем языком. Как будто сам поэт говорил со мной здесь, посреди глиняного края, где глиняная пыль поднималась в небо, где глина бурлила в оросительных каналах, где все было из глины: и низкие домики, и высокие горы на горизонте.

Спасибо тебе, брат гончар, ты дал мне свою мудрость...

Я сказал это, не зная, что полтысячелетия назад как раз теми же словами и почти того же, да в сущности того же безымянного гончара благодарил сам Омар Хайям, поэт, который больше всего любил звезды и горло кувшина, когда оно сближается с его собственным горлом. Он благодарил гончара как свою первую музу,

---

[1] Омар Хайям (1048—1122) — выдающийся таджикско-персидский поэт и ученый, автор всемирно известных четверостиший (рубаи).

своего первого учителя, приобщившего его к таинствам жизни и поэзии.

Может быть, предисловие к «Преданиям Шошаны»[1] сильнее, чем сама «Шошана», полное тоски перелетных птиц, занесло меня так далеко во времени и пространстве,— не знаю. Но я должен был вспомнить этого гончара — своего таджикского и того персидского, который служил костылем, поэтической опорой для Омара Хайяма,— когда читал слова Зейера о старой няне:

«Эта женщина, не сознавая того, была поэтом, и она оставила след не только в моей памяти, но и в сердце... Я думаю, что под ее влиянием я стал, на свое счастье или несчастье, поэтом, и поэтом чешским...»

Разве не звучит в этих словах благодарность персидского поэта поэту-гончару, который открыл ему мудрость мира? Не ими ли Витторио Альфиери[2]— тот, с «Филиппом», которого молодой Зейер, «поэт», но еще не «писатель», отправился в свое первое странствие, — не ими ли граф Альфиери воздает долг флорентийскому рынку, научившему его поэтической речи? И не прославляет ли в них вновь Пушкин свою деревенскую старушку, говорливую музу своих поэтических грез?

1941 г.

---

[1] Зейер Юлиус (1841—1901) — выдающийся чешский писатель, представитель позднего романтизма. «Предания Шошаны» (1880) — книга повестей, построенных на материале восточной литературы и фольклора.

[2] Альфиери Витторио, граф (1749—1803) — видный итальянский поэт и драматург. «Филипп II» — одна из лучших его трагедий.

ИЗ СТАТЬИ „МИР, КАКОВ ОН ЕСТЬ В БУЛЬВАРНОЙ ВЕЧЕРНЕЙ ГАЗЕТЕ"

В книге Эмиля Сынека[1] есть также раздел «Загадка вокруг России» и в нем глава «Роль России в Азии». В ней он рассказывает, что «Азия пришла в движение», азиатские народы хотят свободы. (.....). Посмотрим, какие же азиатские народы. (.....) По словам Эмиля Сынека, это сарты и басмачи. И вот перед нами пример такой грубой неосведомленности, проявленной в стремлении найти «оригинальную изюминку», что Эмиля Сынека как серьезного журналиста это полностью и бесповоротно дискредитирует.

Если мы переведем его «открытие» на чешский язык, то прочтем, что за свободу против Советов борется *народ желтых собак и народ бандитов*. Таких два новых народа открыл Эмиль Сынек. На самом деле *не существует никакого народа сартов*. Сарт — шовинистическое ругательство, которое придумали царские офицеры и купцы для среднеазиатских народностей, особенно для узбеков. И народами Средней Азии оно всегда воспринималось как грубое оскорбление. А с басмачами Эмилю Сынеку еще более не повезло: *не существует никакого народа басмачей*. «Басмач» означает по-узбекски бандит, грабитель, такое же значение это слово имеет в языке киргизском, туркменском, таджикском, казахском и вообще во всех среднеазиатских языках. Из ругательств и разбойничьего прозвища Эмиль Сынек создает, таким образом, народы, борющиеся за свободу, создает только для того, чтобы найти «сенсацию» для своей бульварной газеты. (...)

«Творба», № 13, 1 апреля 1938 г.

---

[1] Имеется в виду книга чешского буржуазного журналиста Эмиля Сынека «Мир, каков он есть», Прага, 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Юлиус Фучик в Средней Азии 3
Из дневника чехословацкой рабочей делегации в СССР . . . 27
Приветствие социалистической Киргизии 49
Из интервью с корреспондентом газеты „Правда Востока" . 51
Из писем Юлиуса Фучика Густе Фучиковой 52
Ответ на анкету журнала „Вестник иностранной литературы" 54
Делегация, которая возвратилась. 55
Первой чехословацкой коммуне — привет! 62
Комсомолка из Кзыл-Орды 63
С самолетами в борьбе за Таджикистан 72
Автомобиль едет по Кара-Кумам 76
Автомобиль едет по озеру 81
Из очерка „О героях и героизме" 85
Тамара Церетели едет в Самару 86
Старая женщина и новые люди 91
Мистер Твистер, степь и вторая пятилетка 96
О Джанкохе, шестидесятилетних и школе 100
По колхозам Ферганской долины 105
Колхозники на Tour de USSR 112
Чехи едут на Балхаш 117
50 миллионов шарикоподшипников 120
Интергельпо рапортует 124
Выступление на встрече с деятелями культуры Узбекистана . 127
Выступление на чествовании Садреддина Айни 128
Среднеазиатская экзотика 131
О свободной узбекской женщине 137
Узбекистан на восемнадцатом году революции 145
История жизни Таджихон Шадиевой 151
Розияхон Мирзагатова 162

„Мы — колхозники-миллионеры“ 165
Большой киргизский тракт 172
О водке, буране, басмачах и о новой жизни 179
Два часа на паровозе 200
Долина чудес в Узбекистане 208
Из очерка „СССР — великое творение Ленина вступает в эру социалистической культуры и благосостояния“ 213
Мир без угля 216
Из очерка „Советская школа и советский учитель“ 222
Астрономы в степи 226
О запрещенной „Дубинушке“, о радио и другие ответы на письма читателей 230
Самоопределение народов 233
Ходжа-Бакирган 237
Самая короткая биография 241
Народ о Ленине. 242
Искандер и Ленин 248
Чабан Муро рассказывает о Ленине 251
Из критического этюда „Няня“ 254
Из статьи „Мир, каков он есть в бульварной вечерней газете“. 256

ЮЛИУС ФУЧИК О СРЕДНЕЙ АЗИИ

Перевод с чешского

Редактор *Н. Любечанская*

Художник *М. Калинин*

Художеств. редактор *Г. Остапенко*

Техн. редактор *Т. Скиба*

Корректор *А. Мурахвер*

* * *

Сдано в набор 3/III-1960. Подписано к печати 6/V-1960 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 8,375. Усл. печ. л. 13,73. Изд. л. 14,65. Индекс: *худ.* Тираж 15 000. Р 08001. Государственное издательство художественной литературы УзССР. Ташкент, ул. Навои, 30. Договор № 29—58.

* * *

Типография № 1 Главиздата Министерства культуры УзССР. Ташкент, ул. Хамзы, 21. 1960. Заказ № 95. Цена 8 р. 85 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ УЗБЕКСКОЙ ССР

Вышли в свет и поступили в продажу книги на русском языке:

ШКОЛА МАСТЕРСТВА. Стенограмма Обсуждения произведений писателей Узбекистана в Союзе писателей СССР. 751 стр., тираж 5000 экз., цена 19 руб. 65 коп.

МАРИАН БЕЛИЦКИЙ. ***Операция „Сапрон“.*** 377 стр., тираж 105 000 экз., цена 8 руб.

ЭДУАРД ЗОРИН. ***В двадцать лет.*** Стихи. 56 стр., тираж 5000 экз., цена 90 коп.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ. ***Разведчики бухарского газа.*** Очерк из серии „Люди семилетки Узбекистана“. 30 стр., тираж 15 000 экз., цена 35 коп.

ГОЛОСА ШЕСТИ СТОЛЕТИЙ. Избранные переводы узбекской классической литературы Семёна Липкина. 390 стр., тираж 15000 экз., цена 12 руб.

НИКОЛАЙ НИКИТИН ***Это было в Коканде.*** Роман 587 стр. тираж 90000 экз., цена 11 руб. 15 коп.

Б. ПАРМУЗИН. ***Они открывают день.*** Очерк из серии „Люди семилетки Узбекистана“. 24 стр., тираж 15000 экз. 30 коп.

СКВОЗЬ ВЕКА И ГОДЫ. Избранные переводы с узбекского. Лев Пеньковский. 325 стр., тираж 10 000 экз., цена цена 9 руб. 60 коп.

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК. ***Три товарища.*** Роман. 424 стр. тираж 90 000 экз., цена 13 руб.

А. СТРЕЛЬЦОВА. ***Они были первыми.*** Очерк из серии „Люди семилетки Узбекистана“. 30 стр., тираж 15 000 экз, цена 30 коп.

И. СИЗОВ. ***Хорошая осень.*** Очерк из серии „Люди семилетки Узбекистана“. 30 стр., тираж 15 000 экз., цена 30 коп.

8 р. 85 к.

НОВАЯ ЦЕНА
с 1 января 1961 года
— руб. 89 коп.

Гослитиздат УзССР